

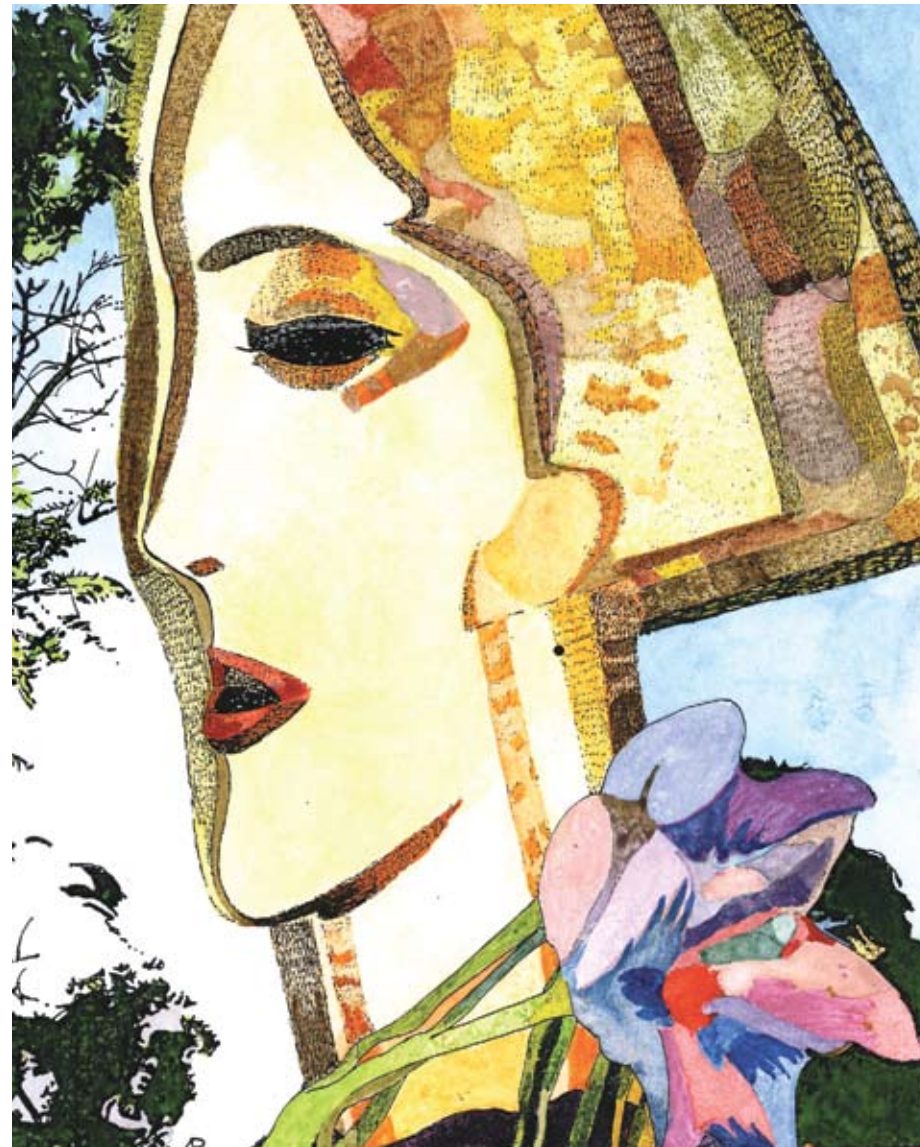

« В русской армии были куда более способные и талантливые генералы и полководцы, но именно ему досталась вся слава и титул «Спасителя Отечества». Он жил для России и служил России, хотя достойного его заслуг признания дождался только в наши времена...
Светлана **Бестужева-Лада** «Народный генерал»

« В этом знакомом с детства имени и звон боевого металла, и звучные аккорды гусарской лиры, и обаяние незаурядной личности, человека широкой души, веселого и удалого нрава. Этот «лихой наездник», одинаково уверенно ержавшийся в седле резвого скакуна и на спине капризного Пегаса, не может не вызывать восхищения. И имя его — Денис Давыдов.
Евгения **Гордиенко** «Поэт, рубака, весельчак!»

« Есть в Карелии маленький островок, где в Спасо-Преображенском монастыре обитают около двух десятков монахов. Что заставило этих разновозрастных мужчин заточить себя на клочке земли посреди студеного озера? Для этого надо либо иметь железный характер и полностью проникнуться осознанием святости поставленных целей, либо... попасть в безвыходную ситуацию. От чего или от кого скрываются они на этом пятачке суши?..
Александр **Аннин** «Возвращение в обитель»

« Во все времена, начиная с древних финикийцев и Понтия Пилата, были люди, мечтавшие стать Властелинами мира. Тайна Власти действительно дана Богом, как привилегия человечеству, но... все не так легко и просто. Проходят века, а тайна так и остается неразгаданной Тайной. Сможет ли кто-нибудь расшифровать загадочные письмена, начертанные на Бразильском камне? Случайно в водоворот событий, связанных с ними, попадает историк Влад Уваров, работающий над диссертацией по античным временам. Откроет ли он и его друзья секрет камня, или же Символ Власти так и останется «привилегией Бога», до которой человечеству никогда не добраться?..
Андрей **Дышев** «Привилегия Бога»

Александр Иванов. «Явление Христа народу»

О жизни и творчестве Александра Иванова читайте на **стр. 65**

Минувшее	
Светлана Бестужева-Лада	Принцесса из Дармштадта4
Забывтые страницы	
Викентий Вересаев	Звезда (Сказка для взрослых) 14
Два выступления Петра Столыпина на заседаниях Государственной думы	«Нам нужна великая Россия» 24 «Отечество наше должно превратиться в государство правовое»28
Рассказ	
Джером К. Джером	Призрак маркизы Эплфордской42
Екатерина Постникова	Джекпот100
Неформат	
Татьяна Харламова	Не спешите исправлять левшей!54
Поэзия	
Валерий Митрохин	И это все, чем отплатить могу58
Логунова шутит	
Елена Логунова	Метод Мундиаля 62
Шедевры	
Ирина Опимах	«Явление Христа народу»65
Штрихи к портрету	
Евгения Гордиенко	Жизнь в стиле модерн74
Светлана Бестужева-Лада	Багратион: бог рати он82
Детектив	
Александр Аннин	Коттедж с видом на убийство114
Кроссворд. Эрудит	
188	

Главный редактор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка и иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Web-редактор	Шеркунова Анна Игоревна

ООО «ЖУРНАЛ «СМЕНА»

Главный бухгалтер	Любовь Александровна Бижко
Директор по распространению	Мария Александровна Яркина, e-mail: sales@smena-online.ru
Водитель-экспедитор	Мелихов Вячеслав Александрович

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.
Шрифт: ParaType

Отпечатано **ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»:**
142300, МО, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 14 000 экз.
Зак. №2052
Цена свободная
Номер подписан в печать: 18.07.2011

Игорь Молчанов

42 года, предприниматель,
г. Москва

О брошенных детях замолвлю я слово,
О тех, кто страдает, не зная иного...
Кто счастья любви материнской лишен,
Чей облик порою нелеп и смешон.
О девочках, ждущих, чтоб я или ты
Вплетали им в косы цветные банты,
Чтоб мамы учили, как платья носить,
А дочки могли их о счастье спросить.
О мальчиках, слышавших быль об отцах,
Что носят сынов на могучих руках,
Что учат не трусить, когда там и тут
Опасность и трудность попутчиков ждут.
В домах для детей, где родителей нет,
Томятся они, ожидая ответ
На полные скорби, надежды, любви
Наивные часто вопросы свои:
«Когда же, о Боже, откроется дверь,
И некто, кого я не знаю теперь,
Мне скажет: «Наш мальчик, нашли мы тебя,
Нас сердце вело через вечность, любя.
Ты — сын наш сейчас, возвращайся в свой дом,
Наполни нам смехом его и теплом.
На радость для нас и на счастье себе,
Назло изначально жестокой судьбе».
«Я с вами навечно, я ваш навсегда!»
Но... дверь не открыта, за ней — тишина.
И снова надежда в глазах промелькнет —
А может быть, завтра мой папа придет?..
О брошенных детях замолвлю я слово,
О тех, кто не знает отцовского крова.
Откликнитесь, души, что ведают страх,
И взвесьте себя на Небесных весах...

ПРИНЦЕССА

из Дармштадта

Жила-была принцесса. И было у нее, как у всех принцесс на свете, свое маленькое герцогство, и отец-герцог, и мать — самая настоящая герцогиня... Совсем как в сказке. Но жизнь чаще всего оказывается много сложнее сказочных идиллий

...В семье герцога Людвига II Гесен-Дармштадтского и его жены Вильгельмины, урожденной принцессы Баденской, было четверо детей: три сына и младшая дочь — принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Софья-Мария. Она родилась 25 июля 1824 года.

Герцогиня, страстно желавшая иметь девочку, с первых же дней отказалась от гувернанток и взяла все хлопоты о малютке на себя, что было, мягко говоря, нетипично для дам-аристократок. Мать сама составила программу воспитания принцессы Марии, и это тоже выделяло её из других германских принцесс. Герцогиня Вильгельмина была большой приверженицей французской культуры и литературы, и семейная традиция парижской утонченности и ве-

ликолепного литературного французского языка наложила неизгладимый отпечаток на характер принцессы.

Марии исполнилось всего двенадцать лет, когда умерла её мать, но воспитание принцессы продолжалось по той же, заранее составленной программе. К весне 1839 года Мария стала очаровательной девушкой, с прекрасными манерами и незаурядными даже для мужчин того времени познаниями в области литературы, философии, истории, изящных искусств. А тот вечер, когда она впервые танцевала на придворном балу, стал настоящим праздником для всего герцогства.

В это время наследник русского престола великий князь Александр, сын императора Николая I, совершал

большое турне по европейским дворам. Цель поездки состояла в том, чтобы познакомить будущего императора с возможными союзниками, дать ему опыт дипломатического общения, да и здоровье цесаревича после затяжной болезни легких тре-

бовало пребывания в мягком климате. Но... существовала ещё одна — тайная — причина поездки. Николай I желал, чтобы сын избрал себе спутницу жизни среди европейских принцесс. Но, увы, переезжая из столицы в столицу, цесаревич оставался

совершенно равнодушным к чарам местных коронованных красавиц.

Кстати сказать, сам Александр тоже мог считаться эталоном «Прекрасного Принца». Высокого роста, с хорошими манерами, исполненный царственной простоты и достоинства, цесаревич в любом обществе оказывался в центре внимания. Неизвестно, сколько принцесс заставил он проливать горькие слезы в подушку. К тому же, красавец должен был со временем стать императором таинственной, огромной и сказочно богатой страны — России. Было от чего зарыдать!

Интересно, что посещение Дармштадта планами цесаревича не предусматривалось. В этом крохотном герцогстве Александр собирался провести лишь одну ночь, да и ту — в гостинице, а потом ехать дальше. Но не успели путешественники расположиться в номерах, как цесаревичу доложили, что герцог Людвиг пригласил лошадей и кареты, приглашая дорогих гостей посетить его замок.

Вполголоса проклиная условности этикета и многочисленную родню, с её докучливым гостеприимством, усталый Александр решил на один час заехать в Дармштадт в сопровождении одного только графа Орлова. А остальной свите приказал оставаться в гостинице и ждать его возвращения...

Прошел час, два, несколько часов. Среди свиты началась тихая паника: великий князь словно в воду канул. Наконец Александр вспомнил о сво-

их придворных, и скороход принес в гостиницу приказ всем немедленно ехать в Дармштадтский придворный театр. На следующее утро был дан парад в честь высокого гостя, и в тот же день в Петербург помчался курьер с экстренным донесением императору Николаю:

«Государь! Человек предполагает, а Бог располагает. Ваше Величество, изволите припомнить, что только два дня тому назад я Вам писал, что все проекты женитьбы отложены, и что человеческому предвидению не дано разгадать волю Божию. Справедливость моих слов только что подтвердилась. Кто бы мог подумать, что в Дармштадте, который Великий Князь хотел миновать — по лени и вследствие пресыщения немецкими принцами и принцессами, — что именно там окажется та, которая с первого же взгляда очаровала Великого Князя.

Это принцесса Мария, дочь герцога Людвиг, в июле ей будет 15 лет. У неё изящная фигура и очень благородные манеры; лицо, не будучи безупречно красивым, привлекательно и очень умно. Она прекрасно воспитана, разговор её умен и остроумен. Одним словом, все, что мне удалось узнать про нее, говорит в её пользу.

Если бы я хотел сказать больше, если бы я хотел предсказать будущее, я взял бы на себя слишком большую ответственность, и потому ограничиваюсь настоящим — правдою. Милость Божия и Ваша мудрость сделают остальное.

А. Орлов».

Родители цесаревича согласились с выбором сына. Вопрос о помолвке был в скором времени решен, и в марте 1840 года Александр снова поехал в Дармштадт за невестой.

Можно лишь строить предположения о том, какие чувства владели молодой девушкой, почти ребенком, накануне такого крутого поворота судьбы. Замужество, разлука с родными, переезд в далекую, неведомую страну, с чужим языком, незнакомыми людьми. О России она имела весьма смутные представления. Да и большинство окружавших принцессу придворных было уверено, что зимой в Петербурге жители ходят в масках, подбитых мехом, а на улице совершенно спокойно можно повстречать волка или медведя. У Марии не было никого, кому она могла бы рассказать о своих сомнениях и опасениях. Оставалось испытанное средство робкого человека — маска невозмутимой гордости, надежно защищающая душу от нескромных взглядов.

В конце августа 1840 года Мария приехала в Россию. Будущая её свекровь, императрица Александра Федоровна, строго наказала фрейлинам невесты: с принцессой говорить только по-русски. Марии очень повезло с педагогом — преподавать русский язык ей начал знаменитый поэт Василий Андреевич Жуковский, который не только научил принцессу говорить и писать по-русски без грубых ошибок, но его уроки позволили расположить сердце принцессы к

России, внушить ей сочувствие и уважение к её народу.

Дни, заполненные занятиями, развлеченьями, балами, летели незаметно. Но совсем непросто было Марии привыкнуть к сложному церемониалу петербургского двора. Не обходилось дело и без колких замечаний и досадных промахов. Императрица, например, могла прийти утром в покои принцессы и, взглянув за ширмы, где стояла кровать, сделать замечание дежурной фрейлине:

— Я вижу, что здесь ещё «немецкая уборка», вы этого не позволяйте. Надо, чтобы на кровати ничего не лежало, все постельные принадлежности убирайте в корзину.

Немцы были сражены подобным русским педантизмом.

Мария привыкла не показывать своих чувств, хотя на душе у неё нередко царил грусть. Иногда по вечерам, закрывшись у себя в спальне, она горько плакала от одиночества. Чтобы осушить слезы и вновь принять вид добропорядочной, милой, всем довольной маленькой принцессы, она открывала окно и жадно вдыхала свежий воздух.

Однажды она простудилась и надолго слегла в постель. Александр не отходил от невесты, часто навещался и сам император. Нет худа без добра: болезнь позволила Марии лучше ощутить доброту и тепло её новых родных. Кризис миновал, вместе со здоровьем возвращались силы, любовь дарила надежду на счастье.

*Царевич
Александр Николаевич
(Император Александр II)*

*Принцесса Дармштадтская
Максимилиана-Вильгельмина-
Августа-Софья-Мария
(Императрица Мария Александровна)*

Бракосочетание совершилось 16 апреля 1841 года, с той торжественностью, которая уходила корнями во времена Екатерины Великой и ещё дальше в патриархальную, древнюю Русь, с её восточной византийской обрядностью и исконно русским нескончаемым и пышным застольем. Свадебные торжества продолжались несколько дней, балы сменялись спектаклями, затем следовали парады, пока, наконец, изрядно утомленные новобрачные не отправились по традиции в первопрестольную русскую столицу — Москву.

Казалось, прошло совсем немного времени, когда на обедне в церкви с великой княгиней сделалось дурно. Императрица, проводив невестку в её комнаты, вышла к фрейлинам с радостным известием:

— Поздравляю, перешивайте платья княгини.

18 августа 1842 года Мария Александровна благополучно родила дочку, названную при крещении Александрой. Девочке суждено было прожить всего семь лет. И хотя к этому времени в семье родилось ещё три сына, а смерть детей в ту эпоху была обычным явлением, потеря дочери стала трагедией для матери. Она писала:

«Отныне наше счастье уже не будет полным, но оно будет тем, чем должно быть счастье на земле: к нему всегда будет примешиваться чувство сожаления, но вместе с тем и надежда, что Господь по милосердию своему приведет нас туда, куда раньше нас последовал наш ангел...»

Со дня свадьбы прошло почти восемь лет. Скромность и молчаливая гордость великой княгини, ее выдержка и такт снискали ей огромную популярность в столичных кругах. Но подлинный смысл жизни для Марии Александровны заключался в уютном мире детской, вдали от шума и суеты придворной жизни.

Однако положение супруги наследника престола обязывало присутствовать на бесконечных официальных церемониях, и она, без жалоб и сетований, соблюдала правила игры, хотя её рассеянный и озабоченный вид выдавал внимательному наблюдателю утомление и скуку.

В то же время вокруг Марии Александровны образовался кружок людей, представлявших собой духовную элиту России тех лет. В него входили поэты В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.К. Толстой, Ф.И. Тютчев. Именно Великая княгиня собственным многократным повторением сделала чрезвычайно популярным четверостишие Тютчева, актуальное до сих пор:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.*

18 февраля 1855 года в Зимнем дворце, на своей походной койке, накрытый обычной офицерской шинелью, скончался император Николай I. Последними словами умирающего к сыну были:

— Сдаю тебе команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляю тебе много трудов и забот.

Действительно, новому императору досталось непростое наследство. В манифесте о вступлении на престол он дал многообещающий обет — всегда иметь единой целью благоденствие Отечества и утверждать Россию на высшей ступени могущества и славы. Первыми шагами на новом поприще для тридцативосьмилетнего Александра II были дипломатические поиски достойного выхода из войны. В 1856 году в Париже был подписан договор, положивший конец бесславной для России крымской кампании.

26 августа 1856 года в Кремле, в Успенском соборе, прошел чин венчания на царство Александра II и Марии Александровны. По обыкновению, император объявил о многочисленных льготах и помилованиях, но особенно много и восторженно говорили в те дни об амнистии декабристам. Они возвращались из Сибири, им были возвращены титулы и дворянское достоинство.

— Дай Бог, — сказал Александр II, подписывая документ об амнистии, — чтобы впредь никогда не приходилось русскому государю ни наказывать, ни даже прощать за подобные преступления.

В царствование Александра II были проведены либеральные реформы судопроизводства, военного дела, образования, большое внимание уделялось учреждению земства. Но

вершиной государственной деятельности Александра II считается «Манифест 19 февраля 1861 года», освобождающий крестьян от крепостной зависимости. Русский крестьянин, наконец, стал свободным человеком. Царь-освободитель — под этим именем Александр II вошел в историю.

Мария Александровна близко к сердцу принимала либеральные идеи мужа. Немало сил она положила на дела милосердия и народного образования в России. Под её покровительством находились многочисленные благотворительные учреждения во всех концах необъятной Российской империи.

С 1860 года она принимала активное участие в решении вопроса о женском образовании. Именно благодаря ей в стране появились первые женские гимназии. Императрица курировала деятельность Общества заботы о слепых, а в 1867 году стала инициатором создания нового Общества попечительства о раненых и больных воинах, преобразованного в 1879 году в Российское общество Красного Креста.

Мария Александровна обладала огромным количеством драгоценностей, но надевала их лишь изредка. Она давно отказалась от дорогих подарков и соглашалась принимать их только от мужа. Золото, бриллианты превращала в деньги, которые жертвовала в пользу сирот, раненых, больных...

Шли годы, у царственных супругов родились шесть сыновей — Николай,

*Мария Александровна.
Портрет художника И.К. Макарова*

Александр, Владимир, Алексей, Сергей, Павел, и дочь Мария. Но, как и любую другую, императорскую семью посещали болезни, огорчения, смерть. В 1865 году скоропостижно от менингита скончался старший сын, великий князь Николай. Наследни-

ком престола после него стал третий ребенок — Александр.

В 1866 году отмечался серебряный юбилей свадьбы Александра II и Марии Александровны. Не все было радостно на этом празднике, время сделало свое дело. Частые роды по-

дорвали здоровье императрицы, но сильнее физического недомогания её мучила душевная травма, нанесенная мужем.

В жизни Александра II женщины всегда занимали значительное место. Влюбчивый от природы, он не считал себя обязанным свято блюсти супружескую верность. Роман следовал за романом, и большинство из них было известно императрице. Не в силах добиться большего, Мария Александровна усвоила себе привычку не реагировать на любовные увлечения супруга...

Но в 1866 году при дворе появилась ослепительно красивая семнадцатилетняя княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. Александр II,

которому к этому времени шел 48-й год, не замедлил обратить на неё свой взгляд. И случилось невероятное: опытный сердцеед влюбился так, как не влюблялся с далекой юности, со встречи с принцессой Марией.

Вначале император тщетно говорил растерянной девушке о своей любви, соблюдая этикет, она лишь старалась избежать встреч наедине. И все-таки наступил день, когда Екатерина Долгорукая почувствовала, что и она любит, и с этого момента их судьбы перекрестились.

О связи, разумеется, узнали придворные, и, хотя об увлечениях государя было принято говорить полупрошпиром, слух о княжне Долгорукой дошел до императрицы. Всегда гор-

дая и выдержанная, она ещё больше замкнулась в себе, отдавая все силы и время детям.

Ветренный Александр на этот раз оказался на редкость верным любовником. Он чувствовал, что это — его последняя страсть, и в неё он вложил оставшиеся душевные силы, тепло и нежность — все то, чего многие последние годы была лишена Мария Александровна, и что расстрачивалось по мелочам на случайные романы.

Возлюбленная отвечала императору взаимностью. 30 апреля 1872 года Екатерина Долгорукая родила сына Георгия, спустя год — дочь Ольгу. Высочайшим манифестом им было пожаловано княжеское звание и фамилия Юрьевских. С этого времени император поселил свою фаворитку в Зимнем дворце, в нижнем этаже, под своими апартаментами.

Мария Александровна тяжело восприняла известие о таком соседстве, но и на этот раз сохранила достоинство. Только однажды, не выдержав, она поделилась чувствами с графиней Александрой Толстой:

— Я прощаю оскорбления, нанесенные мне, императрице. Но я не в силах простить мучений, причиняемых супруге.

Болезнь Марии Александровны прогрессировала, её постоянно мучили приступы удушья, истощение достигло крайних пределов. Врачи уговорили её уехать за границу для лечения. Осенью 1879 года она вер-

нулась. Дети и приближенные с грустью смотрели на её изменившееся лицо. Она сильно кашляла долгим сухим кашлем. Лейб-медики давали кислород, по вечерам втирали мазь, надеясь смягчить ночной приступ.

Иногда казалось, что появлялся луч надежды, и силы возвращались к ней. Больная преображалась, становилась прежней красавицей, но недуг вскоре наверстывал свое. Мария Александровна уже не могла ходить, её возили в кресле из спальни в кабинет. А в последний месяц жизни императрица не вставала с постели, и только тихие стоны свидетельствовали о том, что в изможденном теле когда-то прекрасной принцессы Марии ещё теплится жизнь.

Она умерла 22 мая 1880 года. Ей было всего 55 лет. Четыре дня спустя императрицу похоронили в родовой усыпальнице Романовых — Петропавловской крепости.

Принцесса, великая княгиня, императрица... Кто знает, в какой из этих ипостасей была счастлива маленькая девочка из Дармштадта, которой жизнь, казалось бы, дала все, о чем только можно мечтать, и которая умерла такой несчастной...

Спустя месяц после смерти жены император Александр II обвенчался с княжной Екатериной Долгорукой, ставшей вследствие этого брака княгиней Юрьевской. А ещё через восемь месяцев, 1 марта 1881 года, царь-освободитель погиб от бомбы террориста-народовольца. Но это уже другая история... □

чину и сделали важное открытие: оказалось, что звезды медленно, но непрерывно приближаются к земле. Десять тысяч лет назад — так говорили вполне достоверные источники — с трудом можно было различить улыбку на лице ребенка за полтора шага. Не было никакого сомнения, что через несколько миллионов лет небо засияет яркими огнями, и на земле наступит царство вечного лучезарного света. Все терпеливо ждали блаженного времени и с надеждою на него умирали.

Так долгие годы шла жизнь людей, тихая и безмятежная, и согревалась она кроткою верою в далекие звезды.

Однажды звезды на небе горели особенно ярко. Люди толпились на площади и в немом благоговении возносились душою к вечному свету.

Вдруг из толпы раздался голос:

— Братья! Как светло и чудно там, в высоких небесных равнинах! А у нас здесь сыро и мрачно! Томится душа моя, нет ей жизни и воли в вечной тьме. Что до того, что через миллионы лет жизнь наших дальних потомков озарится непреходящим светом? Нам, нам нужен этот свет. Нужен больше воздуха и пищи, больше матери и возлюбленной. Кто знает, быть может, есть путь к звездам. Быть может, мы в силах сорвать их с неба и водрузить здесь, среди нас, на радость всей земле. Пойдемте же искать пути, пойдемте искать свет для жизни!

В собрании было молчание. Шепотом люди спрашивали друг друга:

— Кто это?

— Это — Адеил, юноша безрассудный и непокорный.

Опять было молчание. И заговорил старый Тсур, учитель умных, свет науки:

— Милый юноша! Всем нам понятна твоя тоска. Кто в свое время не болел ею? Но невозможно человеку сорвать с неба звезду. Край земли кончается глубокими провалами и безднами. За ними крутые скалы. И нет через них пути к звездам. Так говорят опыт и мудрость.

И ответил Адеил:

— Не к вам, мудрые, обращаюсь я. Ваш опыт бельмами покрывает глаза ваши, и мудрость ваша ослепляет вас. К вам взываю я, молодые и смелые сердцем, к вам, кто еще не раздавлен дряхлою старческою мудростью!

И он ждал ответа.

Одни сказали:

— Мы бы рады пойти. Но мы — свет и радость в очах родителей наших и не можем причинить им печали.

Другие сказали:

— Мы бы рады пойти. Но мы только начали строить наши дома, и нам нужно достроить их.

Третьи сказали:

— Привет тебе, Адеил! Мы идем с тобою!

И поднялись многие юноши и девушки. И пошли за Адеилом. Пошли в темную, грозную даль. И тьма поглотила их.

Прошло много времени.

Об ушедших не было вестей. Матери оплакали безрассудно погибших детей, и жизнь потекла по-прежнему. Опять в сыром мраке рождались, росли, любили и умирали люди с тихою надеждою, что через тысячи лет на землю низойдет свет.

Но вот однажды над темным краем земли небо слабо осветилось мелькающим светом. Люди толпились на площади и спрашивали:

— Что это там?

Небо с каждым часом светлело. Голубые лучи скользили по туманам, пронизывали облака, широким светом заливали небесные равнины. Угрюмые тучи испуганно клубились, толкались и бежали вдаль. Все ярче разливались по небу торжествующие лучи. И трепет небывалой радости пробежал по земле.

Пристально глядявался в даль старый жрец Сатзой. И сказал задумчиво:

— Такой свет может быть только от вечной небесной звезды.

И возразил Тсур, учитель умных, свет науки:

— Но как могла звезда спуститься на землю? Нет нам пути к звездам, и нет звездам пути к нам.

А небо светлело, светлело. И вдруг над краем земли сверкнула слепяще яркая точка.

— Звезда! Идет звезда!

И люди в бурной радости побежали навстречу.

Яркие, как день, лучи гнали перед собою гнилые туманы. Разорванные, взломаченные туманы метались и приникали к земле. А лучи били по ним, рвали на части и вгоняли в землю. Осветилась и очистилась даль земли. Люди увидели, как широка эта даль, сколько вольного простору на земле, и сколько братьев их живет во все стороны от них. И в бурной радости побежали они навстречу свету.

По дороге тихим шагом шел Адеил и высоко держал за луч сорванную с неба звезду. Он был один.

Его спросили:

— Где же остальные?

Обрывающимся голосом он ответил:

— Все погибли. Прокладывали пути к небу сквозь провалы и бездны. И погибли смертью храбрых.

Ликующие толпы окружили звездоносца. Девушки осыпали его цветами. Гревели клики восторга:

— Слава Адеилу! Слава принесшему свет!

Он вошел в город и остановился на площади, высоко держа в руке звезду.

Прошли дни.

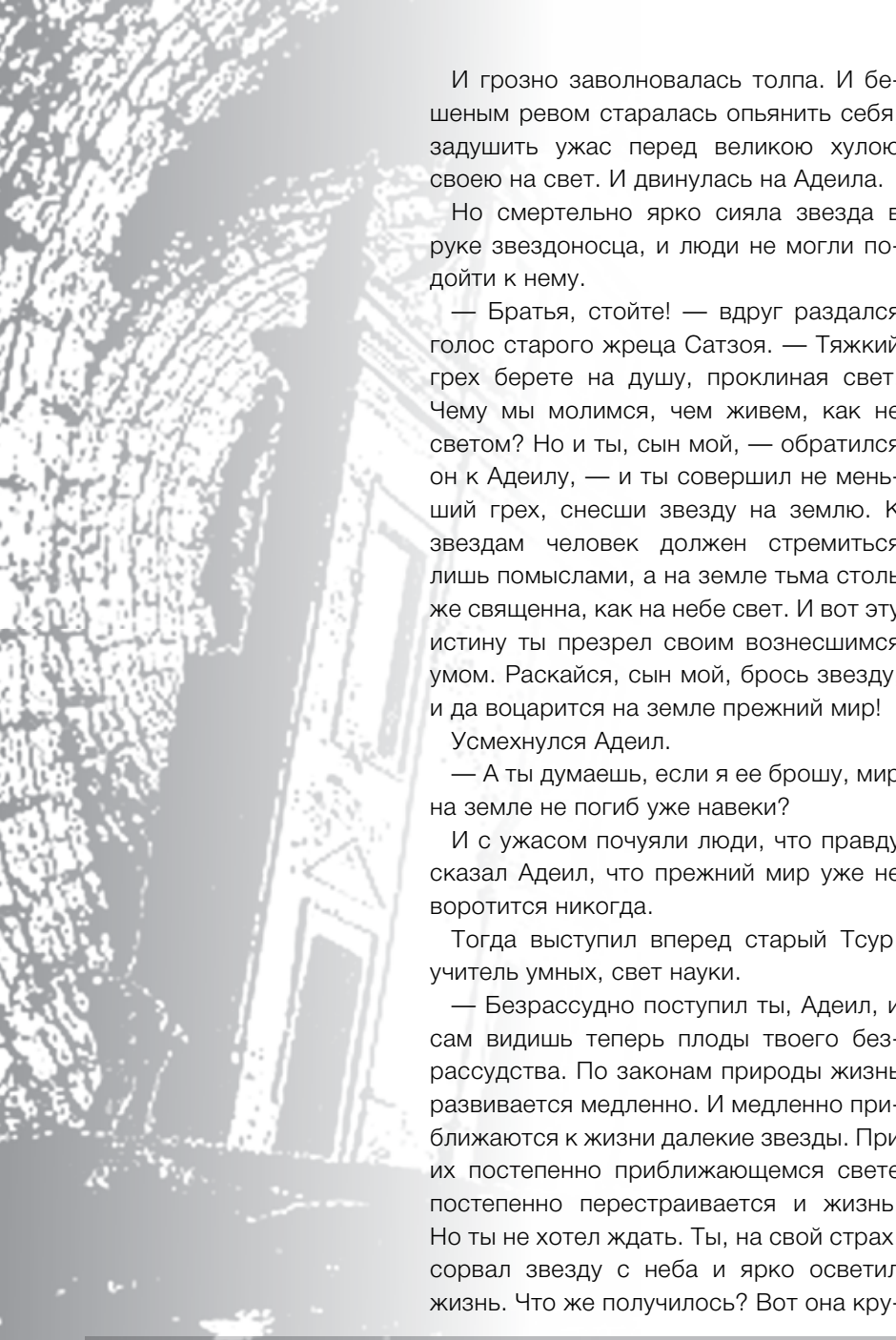
По-прежнему ярко сияла на площади звезда в высоко поднятой руке Адеила. Но давно уже в городе не было ликования. Люди ходили хмурые и сердитые, потупив взоры, и старались не смотреть друг на друга. Когда им приходилось идти через площадь, глаза при виде Адеила загорались мрачною враждою. Не слышно было песен. Не слышно было молитв. На место разогнанных звездою гнилых туманов над городом сгущалась черная, угрюмая злоба. Сгущалась, росла и напругалась. И под гнетом ее нельзя было жить.

И вот на площадь с воплем выбежал человек. Глаза его горели, лицо исказилось от разрывавшей душу злобы. В безумии бешенства он кричал:

— Долой звезду! Долой проклятого звездоносца! Долой свет! Он лишил нас жизни и радости! Мы мирно жили во мраке, мы любили наши милые жилища, нашу тихую жизнь. И смотрите, что случилось? Пришел свет – и нет уже отрады ни в чем. Грязными, уродливыми кучами теснятся дома. Листья деревьев бледны и склизки, как кожа на брюхе лягушки. Посмотрите на землю — она вся покрыта кровавой грязью. Откуда эта кровь, кто знает? Но она липнет к рукам, ее запах преследует нас за едою и во сне, он отравляет и обессиливает наши смиренные молитвы к звездам. И нигде нет спасения от дерзкого, всепроникающего света! Он врывается в наши дома, и вот мы видим: все они облеплены грязью, грязь въелась в стены, затянула окна, вонючими кучками громоздится в углах. Мы больше не можем целовать наших возлюбленных: при свете Адеиловой звезды они стали отвратительнее могильных червей, глаза их бледны, как мокрицы, мягкие тела покрыты пятнами и отливают плесенью. И друг на друга мы больше не можем смотреть — не человека мы видим перед собой, а поругание человека... Каждый наш тайный шаг, каждое скрытое движение освещает неумолимый свет. Невозможно жить! Долой звездоносца, да погибнет свет!

И подхватили другие:

— Долой! Да живет тьма! Только горе и проклятие несет людям свет звезд... Смерть звездоносцу!

И грозно заволновалась толпа. И бешеным ревом старалась опьянить себя, задушить ужас перед великою хулою своею на свет. И двинулась на Адеила.

Но смертельно ярко сияла звезда в руке звездоносца, и люди не могли подойти к нему.

— Братья, стойте! — вдруг раздался голос старого жреца Сатзоя. — Тяжкий грех берете на душу, проклиная свет. Чему мы молимся, чем живем, как не светом? Но и ты, сын мой, — обратился он к Адеилу, — и ты совершил не меньший грех, снесши звезду на землю. К звездам человек должен стремиться лишь помыслами, а на земле тьма столь же священна, как на небе свет. И вот эту истину ты презрел своим вознесшимся умом. Раскайся, сын мой, брось звезду, и да воцарится на земле прежний мир!

Усмехнулся Адеил.

— А ты думаешь, если я ее брошу, мир на земле не погиб уже навеки?

И с ужасом почуяли люди, что правду сказал Адеил, что прежний мир уже не воротится никогда.

Тогда выступил вперед старый Тсур, учитель умных, свет науки.

— Безрассудно поступил ты, Адеил, и сам видишь теперь плоды твоего безрассудства. По законам природы жизнь развивается медленно. И медленно приближаются к жизни далекие звезды. При их постепенно приближающемся свете постепенно перестраивается и жизнь. Но ты не хотел ждать. Ты, на свой страх, сорвал звезду с неба и ярко осветил жизнь. Что же получилось? Вот она кру-

гом перед нами — грязная, жалкая и уродливая. Но разве мы раньше не догадывались, что она такова? И разве в этом была задача? Не велика мудрость сорвать звезду с неба и осветить ею уродства земли. Нет, возьмись за черную, трудную работу переустройства жизни. Тогда ты увидишь, легко ли очистить ее от накопившейся веками грязи, можно ли смыть эту грязь хотя бы целым морем самого лучезарного света. Сколько в этом детской неопытности! Сколько непонимания условий и законов жизни! И вот вместо радости ты принес на землю скорбь, вместо мира — войну. А ты мог бы, и теперь можешь быть полезным жизни: разбей звезду, возьми из нее лишь осколок — и осколок этот осветит жизнь как раз настолько, сколько нужно для плодотворной и разумной работы над нею.

И ответил Адеил:

— Ты верно сказал, Тсур! Не радость принесла сюда звезда, а скорбь, не мир, а войну. Не этого ждал я, когда по крутым скалам карабкался к звездам, когда вокруг меня падали в бездну мои товарищи... Я думал: хоть один из нас достигнет цели и принесет на землю звезду. И в ярком свете наступит на земле яркая, светлая жизнь. Но когда я стоял на площади, когда при свете звезды увидел вашу жизнь, я понял, как безумны были мои мечты. Я понял: свет нужен вам лишь в недосыгаемом небе, чтоб преклоняться перед ним в торжественные минуты жизни. На земле же вам дороже всего мрак, чтоб прятаться друг от друга, и главное, радоваться на себя, на свою темную, проеденную плесенью жизнь. Но еще больше, чем прежде, почуял я, что невозможно жить этою жизнью. Впрочем, могу вас утешить: светить моей звезде недолго. Там, в далеком небе, висят звезды и светят сами собою. Но сорванная с неба звезда может светить, лишь питаясь кровью держащего ее. Я чувствую, жизнь моя поднимается по телу к звезде и сгорает в ней. Еще немного, и она сгорит целиком. И нельзя никому передать звезду: она гаснет вместе с жизнью несущего ее, и каждый должен добывать звезду вновь. К вам обращаюсь я, честные и смелые сердцем. Познав свет, вы уже не захотите жить во мраке. Идите же в далекий путь и несите сюда новые звезды. Долог и труден путь, но все-таки для вас он будет легче, чем для первых погибших на нем. Тропинки проложены, пути намечены. И вы воротитесь со звездами, и не иссякнет больше их свет на земле. А при неугасающем свете невозможною станет жизнь, как теперь. Высохнут болота, исчезнут черные туманы, ярко зазеленеют деревья. И те, которые в ярости ки-

даются на звезду, волею-неволею возьмутся за переустройство жизни. Ведь вся злоба их оттого, что при свете им невозможно жить так, как они живут. И жизнь станет великою и чистою. А когда, наконец, опустится к нам звездное небо и осветит жизнь, то застанет людей достойными света...

Голос Адеила оборвался. Последние кровинки сбежали с бледного лица. Подогнулись колени, и он упал. Упала вместе с ним и звезда. Упала, зашипела в кровавой грязи и погибла.

Ринулась со всех сторон черная тьма и замкнулась над погасшею звездою. Поднялись с земли ожившие туманы, закрубились в воздухе. И жалкими, робкими огоньками светились сквозь них на далеком небе далекие, бессильные и безопасные звезды.

Прошли годы.

По-прежнему в сыром мраке рождались, росли, любили и умирали люди. По-прежнему мирною и спокойною казалась жизнь. Но глубокая тревога подтачивала ее во мраке. Люди старались и не могли забыть того, что осветила своим светом яркая звезда.

Отравлены были прежние тихие радости. Ложь въелась во все. Благоговейно молился человек на далекую звезду и начинал думать: «А вдруг найдется другой безумец и принесет звезду сюда, к нам?» И язык заплетался, и благоговейное парение сменялось трусливой дрожью. Отец учил сына, что в стремлении

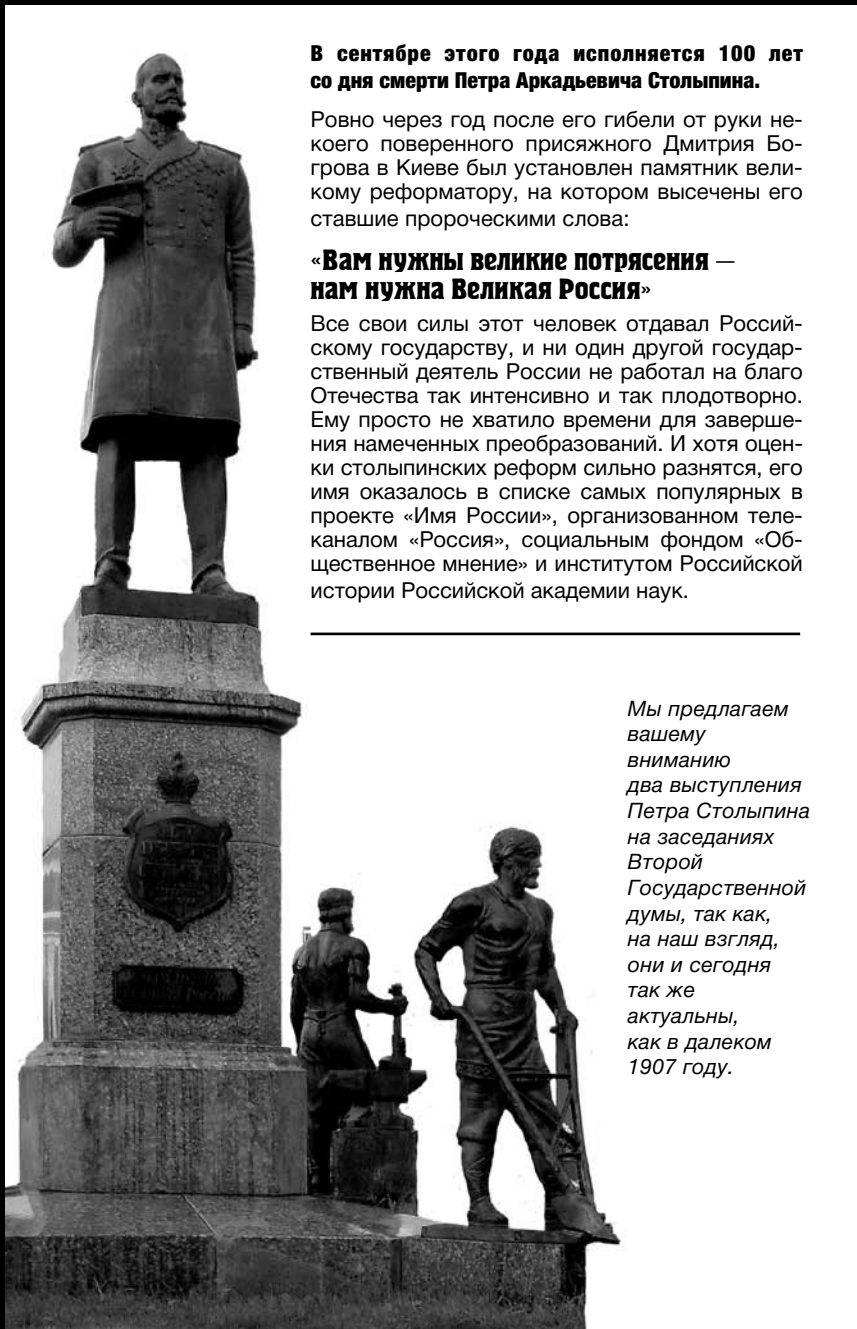
к звездам — жизнь и счастье человека. И вдруг мелькала мысль: «А ну, как в сыне и вправду загорится стремление к звездному свету, и, подобно Адеилу, он пойдет за звездою и принесет ее на землю!» И отец спешил объяснить сыну, что свет, конечно, хорош, но безумно пытаться низвести его на землю. Были такие безумцы, и они бесславно погибли, не принеся пользы для жизни.

Этому же учили людей жрецы. Это же доказывали ученые. Но напрасно звучали проповеди. То и дело разносилась весть, что некий юноша или некая девушка ушли из родного гнезда. Куда? Не по пути ли, указанному Адеилом? И с ужасом чувствовали люди, что если опять засияет на земле свет, то придется волею-неволею взяться, наконец, за громадную работу, и нельзя будет уйти от нее никуда.

Со смутным беспокойством вглядывались они в черную даль. И казалось им, что над краем земли уже начинает мелькать трепещущий отсвет приближающихся звезд...

1903 г. □

В сентябре этого года исполняется 100 лет со дня смерти Петра Аркадьевича Столыпина.

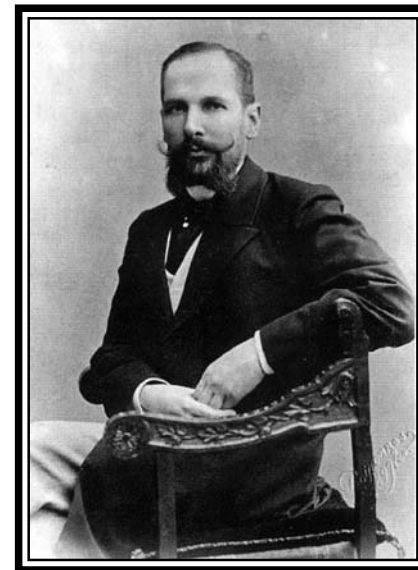
Ровно через год после его гибели от руки некоего поверенного присяжного Дмитрия Богрова в Киеве был установлен памятник великому реформатору, на котором высечены его ставшие пророческими слова:

«Вам нужны великие потрясения — нам нужна Великая Россия»

Все свои силы этот человек отдавал Российскому государству, и ни один другой государственный деятель России не работал на благо Отечества так интенсивно и так плодотворно. Ему просто не хватило времени для завершения намеченных преобразований. И хотя оценки столыпинских реформ сильно разнятся, его имя оказалось в списке самых популярных в проекте «Имя России», организованном телеканалом «Россия», социальным фондом «Общественное мнение» и институтом Российской истории Российской академии наук.

Мы предлагаем вашему вниманию два выступления Петра Столыпина на заседаниях Второй Государственной думы, так как, на наш взгляд, они и сегодня так же актуальны, как в далеком 1907 году.

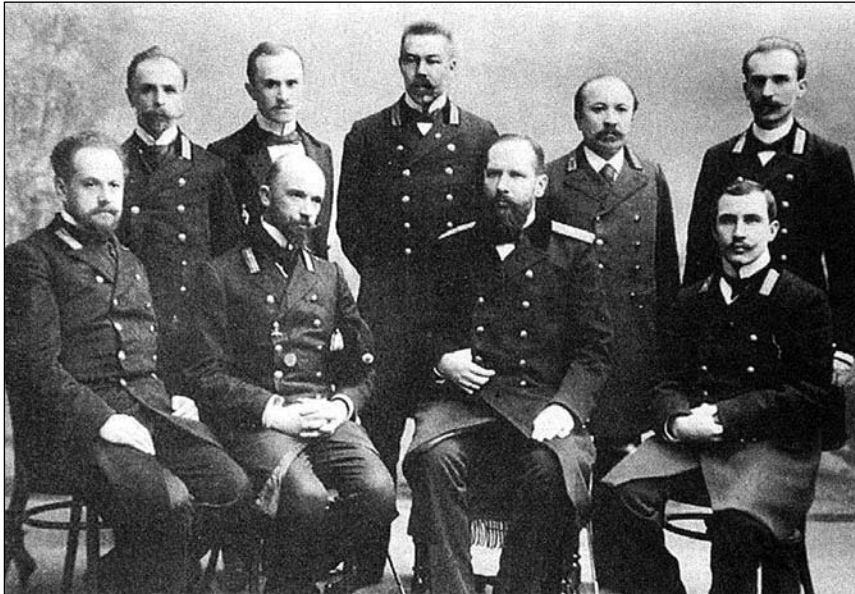
Нам нужна великая Россия

<...> В настоящее время государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю тришкина кафтана — обрезать полы, чтобы сшить из них рукава?

Господа, нельзя укрепить больное тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса; надо дать толчок организму, создать прилив питательных соков к больному месту, и тогда организм осилит болезнь; в

этом должно, несомненно, участвовать все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабой. В этом смысле государственности, в этом оправдание государства как одного социального целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабой его части, может напоминать принципы социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части про-

П.А. Столыпин — Гродненский губернатор с сослуживцами, 1903 год

центом, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю.

В общих чертах дело сводилось бы к следующему: государство закупило бы предлагаемые в продажу частные земли, которые вместе с землями удельными и государственными составляли бы государственный земельный фонд. При массе земель, предлагаемых в продажу, цены на них при этом не возросли бы. Из этого фонда получали бы землю на льготных условиях те малоземельные крестьяне, которые в ней нуждаются и действительно прилагают теперь свой труд к земле, и затем те крестьяне, которым необходимо улучшить формы теперешнего землепользования. Но так как в на-

стоящее время крестьянство оскудело, ему не под силу платить тот сравнительно высокий процент, который взыскивается государством, то последнее и приняло бы на себя разницу в проценте, выплачиваемом по выпускаемым им листам, и тем процентом, который был бы посилен крестьянину, который был бы определяем государственными учреждениями. Вот эта разница обременяла бы государственный бюджет; она должна была бы вноситься в ежегодную роспись государственных расходов.

Таким образом, вышло бы, что все государство, все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются. В этом участвовали бы все плательщи-

ки государственных повинностей, чиновники, купцы, лица свободных профессий, те же крестьяне и те же помещики. Но тягость была бы разложена равномерно и не давила бы на плечи одного немногочисленного класса 130 000 человек, с уничтожением которого уничтожены были бы, что бы там ни говорили, и очаги культуры. Этим именно путем правительство начало идти, понизив временно проведенным по 87 статье законом проценты платежа Крестьянскому банку. <...>

Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана, таким образом, крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под наделенные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но виден был бы просвет; при рассмотрении вопроса в его полноте, может быть, и в более ясном свете представлялся бы и пресловутый вопрос об обязательном отчуждении.

Пора этот вопрос вдвинуть в его настоящие рамки, пора, господа, не видеть в этом волшебного средства, какой то панацеи против всех бед. Средство это представляется смелым потому только, что в разоренной

России оно создаст еще класс разоренных вконец землевладельцев. Обязательное отчуждение, действительно, может явиться необходимым, но, господа, в виде исключения, а не общего правила, и обставленным ясными и точными гарантиями закона. Обязательное отчуждение может быть не количественного характера, а только качественного. Оно должно применяться, главным образом, тогда, когда крестьян можно устроить на местах, для улучшения способов пользования ими земель, оно представляется возможным тогда, когда необходимо: при переходе к лучшему способу хозяйства — устроить водопой, устроить прогон к пастбищу, устроить дороги, наконец, избавиться от вредной чересполосицы. <...>

Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо решать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. **Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!**

Из речи П.А. Столыпина 10 марта 1907 г. // Государственная дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I. С. 433–445.

Отечество наше должно превратиться в государство правовое

Перед началом совместной с Государственной думой деятельности я считаю необходимым с возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которые министерство решило представить его высокому вниманию.

Но прежде чем перейти к изложению существа отдельных законопроектов, прежде чем попытаться осветить руководящую идею правительства, я не могу не остановить внимания Государственной думы на положении, которое займет правительство по отношению к вносимым им законопроектам. Я разумею существо и порядок их защиты.

В странах с установившимся правительственным строем отдельные законопроекты являются в общем укладе законодательства естествен-

ным отражением новой назревшей потребности и находят себе готовое место в общей системе государственного распорядка. В этом случае закон, прошедший все стадии естественного созревания, является настолько усвоенным общественным самосознанием, все его частности настолько понятны народу, что рассмотрение, принятие или отклонение его является делом не столь сложным и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения. Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительно отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все от-

дельные правительственные предположения одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте. Затем следует войти в оценку той мысли, которая противопоставляется мысли законопроекта, и добросовестно решить, совместима ли она, по мнению правительства, с благом государства, с его укреплением и возвышением и потому приемлема ли она. В дальнейшей же выработке самих законов нельзя стоять на определенном построении, необходимо учитывать все интересы, вносить все изменения, требуемые жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработке, согласно выяснившейся жизненной правде.

В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как, пока писанный закон не определит обязанностей и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли от-

дельных лиц, то есть не будут прочно установлены.

Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии или не обнимающими новых требований законодателя, а также произвольным пониманием новых начал со стороны частных и должностных лиц.

Вот почему правительство главной своей обязанностью почло представить на уважение Государственной думы и Государственного совета целый ряд законопроектов, устанавливающих твердые устойчивые новоскладающиеся государственной жизни России.

Но, прежде чем перейти к выработанным законопроектам, я должен упомянуть о тех законах, которые ввиду их чрезвычайной важности и спешности, были проведены в порядке ст. 87 Основных законов и подлежат также рассмотрению Государственной думы и Совета.

Не останавливаясь на законах, ведущих к равноправию отдельных слоев населения и свободе вероисповедания, срочность осуществления которых не нуждается в разъяснении, считаю долгом остановиться на проведенных, в порядке чрезвычайном, законах об устройстве быта крестьян.

Настоятельность принятия в этом направлении самых энергичных мер настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнению. Невозможность отсрочки в выполнении неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьб крестьян, изнемогающих от земельной неурядицы, ставили перед правительством обязательство не медлить с мерами, могущими предупредить совершенное расстройство самой многочисленной части населения России. К тому же на правительстве, решившем не допускать даже попыток крестьянских насилий и беспорядков, лежало нравственное обязательство указать крестьянам и законный выход в их нужде.

В этих видах изданы были законы о предоставлении крестьянам земель государственных, а Государь повелел передать на тот же предмет земли удельные, кабинетские на началах, обеспечивающих крестьянское благосостояние. Для облегчения же свободного приобретения земель частных и улучшения наделов, изменен устав Крестьянского банка в смысле согласования с существующим уже в законе, но остававшимся мертвой буквой, разрешением залога наделных земель в казенных кредитных учреждениях, причем приняты все меры в смысле сохранения за крестьянами их земель. Наконец, в целях достижения возможности выхода крестьян из общины, издан закон, облегчающий переход к подворному и хуторскому владению, причем устранено всякое насилие в этом деле и отменяется лишь

насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда.

Все эти законы вносятся на рассмотрение Государственной думы и Государственного совета.

Но, наряду с неотложными, уже вошедшими временно в действие законами, правительство изготовило в области внутреннего управления еще целый ряд законопроектов, также вносимых в Государственную думу в нынешнюю сессию.

Ранее всего правительство почло своим долгом выработать законодательные нормы для тех основ права, возвещенных Манифестом 17 октября, которые еще законом не установлены.

Тогда как свобода слова, собраний, печати, союзов определены временными правилами, свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции остались не нормированы нашим законодательством. Вследствие сего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года*.

Но ранее этого правительство должно было остановиться на своих отношениях к Православной церкви и твердо установить, что многовековая связь русского государства с христи-

П.А. Столыпин принимает рапорт от волостного старшины в селе Пристанном

анской церковью обязывает его положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором Православная церковь, как господствующая, пользуется данью особого уважения и особою со стороны государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся в соответствии с общими законами государства. Государство же в пределах новых положений не может отойти от заветов истории, напоминающей нам, что во все времена и во всех делах своих русский народ одушевлялся именем православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество родной земли. Вместе с тем права и преимущества Православной церкви не могут и не должны на-

рушать прав других исповеданий и вероучений. Поэтому, с целью проведения в жизнь Высочайше дарованных узаконений об укреплении начал веротерпимости и свободы совести, министерство вносит в Государственную думу и Совет ряд законопроектов, определяющих переход из одного вероисповедания в другое, беспрепятственное богомоление, сооружение молитвенных зданий, образование религиозных общин, отмену связанных исключительно с исповеданием ограничений и т.п.

Переходя к неприкосновенности личности, Государственная дума найдет в проекте министерства обычное для всех правовых государств обеспечение ее, причем личное задержание, обыск, вскрытие корреспонденции обусловливаются постановлением соответственной инстанции, на которую возлагается и проверка в течение суток оснований законно-

сти ареста, последовавшего по распоряжению полиции.

Отклонение от этих начал признано допустимым лишь при введении, во время войны или народных волнений, исключительного положения, которое предполагается одно вместо трех, ныне существующих, причем административную высылку в определенные места предположено совершенно упразднить.

Кроме этих законопроектов общего характера, устанавливающих обязанности и права подданных Российской державы, правительство выработало ряд законопроектов, перестраивающих местную жизнь на новых началах. Так как местная жизнь охватывается областью самоуправления земского и городского, областью управления (администрация) и полицейскими мероприятиями, то и проекты министерства касаются именно этих отраслей нашего законодательства. Как в губернии, так и в уезде деятельность административная, полицейская и земская течет по трем параллельным руслам, но чем ближе к населению, тем жизнь упрощается и тем необходимее остановиться на ячейке, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд. Таким установлением, по проекту министерства, должна явиться бессловная, самоуправляющаяся волость в качестве мелкой земской единицы. Полицейские ее обязанности должны ограничиться простейшими обязанностями местной общественной полиции, а административные предпо-

лагается свести к делам, касающимся воинской повинности, ведению посемейных списков, некоторым податным действиям и т.п. В ведение волости должны входить все земли, имущества и лица, находящиеся в ее пределах. Волость будет самой мелкой административно-общественной единицей, с которой будут иметь дело частные лица, но при этом лица, владеющие землею совместно, миром, то есть, главным образом, владельцы наделной земли, образуют из себя, исключительно для решения своих земельных дел, особые земельные общества, сохраняющие некоторые преимущества, а именно, неотчуждаемость наделных земель и применение к наследованию ими местных обычаев. Таким образом, земельным обществам не будет присвоено никаких административных обязанностей, создаются они для совместного ведения бывшими наделными землями, причем предполагаются меры против чрезмерного сосредоточения этих земель в одних руках и против чрезмерного дробления их, а равно к упрочению совершения на них актов.

Для удовлетворения же простейших потребностей села, вытекающих из совместного проживания, предположено ввести в селах крупных, а также таких, в которых проживают посторонние крестьянам лица, особые поселковые управления, с участием помянутых посторонних лиц и в управлении, и в обложении.

Все сказанные организации получили свое выражение во вносимых в Государственную думу и Государ-

ственный совет проектах земельных обществ, поселкового и волостного управления.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управления осложняются, и в соответствии с этим министерство должно было заняться реформой самоуправления земского и городского, реформой управления губернского, уездного и участкового и реформой полицейскою.

В области самоуправления министерство коснулось трех важнейших, по его мнению, общих вопросов: вопроса земского и городского представительства, вопроса об его компетенции и вопроса об отношении к самоуправлению со стороны администрации. Одновременно министерство приступило к существенному и необходимому труду пересоставления всех уставов, точно устанавливающих обязанности земства и администрации. В настоящее время министерство вносит в Государственную думу устав общественного призрения, устав о гужевых земских дорогах и временный закон о передаче продовольственного дела в ведение земских учреждений. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь к общим вопросам, выдвинутым в области самоуправления, укажу на то, что вносимый в Думу проект о земском представительстве строит его на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни, но обеспечивая одновременно участие в ней культур-

ного класса землевладельцев, компетенция же органов самоуправления увеличивается передачею им целого ряда новых обязанностей, а отношение к ним администрации заключается в надзоре за законностью их действий.

Самоуправление на тех же общих основах с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, за выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается исстари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в Думу проекты законов о губернском управлении, об уездном управлении и об участковых комиссарах.

В губернском и уездном управлении получает осуществление принцип возможного объединения всех гражданских властей, всех отдельных многочисленных ныне присутствий и, главным образом, осуществление начала административного суда. Таким путем все жалобы на постановления административных и выборных должностных лиц и учреждений будут, согласно проекту, рассматриваться смешанной административно-судной коллегией с соблюдением форм состязательного процесса. Во главе уезда предполагается поставить начальника уездного управления, который и объединял бы гражданские власти уезда. В пределах

Заседание Государственной думы, 1907 год

уезда в качестве агентов администрации предполагаются участковые комиссары. Земские начальники упраздняются. Полицию предполагается преобразовать в смысле объединения полиции жандармской и общей, причем с жандармских чинов будут сняты обязанности по производству политических дознаний, которые будут переданы власти следственной. Новым в области полицейской будет предлагаемый вниманию Государственной думы устав полицейский, который должен заменить устарелый устав о предупреждении и пресечении преступлений и точно установить сферу действий полицейской власти.

В строгой связи с преобразованием местного управления стоит и преобразование суда. С отменой учреждения земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий к населению. Министерство юстиции представляет по этим соображениям в Государственную думу проект преобразования местного суда с сосредоточением судебной власти по делам местной юстиции в руках избираемых населением из своей среды мировых судей, к компетенции которых будет отнесена значительная часть дел, подчиненных ныне юрисдикции общих судебных установлений, связь с кото-

рыми будет поддерживаться образованием для них апелляционной инстанции в виде уездных отделений окружного суда с кассационной инстанцией в лице Правительствующего Сената.

Далее, в целях обеспечения в государстве законности и укрепления в населении сознания святости и ненарушимости закона, Министерство юстиции вносит в Государственную думу проект о гражданской и уголовной ответственности служащих, действительно обеспечивающей применение начала уголовной и имущественной ответственности служащих за их проступки и охраняющей, вместе с тем, спокойное и уверенное отправление ими службы и ограждающей их от обвинений явно неосновательных.

Деяния эти предполагается поэтому подчинить общим процессуальным постановлениям, устранив все те в указанном отношении отступления от общего порядка, которые не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектах об увеличении содержания должностным лицам судебного ведомства и усилении действующих штатов, не могу не обратить внимания Государственной думы на законопроекты в области уголовного права и процесса, устанавливающие целый ряд мер, которые, за сохранением неизблемыми основных начал судебных уставов Александра Второго, оправдываются указаниями практики или же отвечают некоторым получившим за последнее

время преобладание в науке и уже принятым законодательствами многих государств Европы воззрениям.

Так, предполагается допущение защиты на предварительном следствии, введение состязательного начала в обряде предания суду, установление институтов условного осуждения и условного досрочного освобождения и т.п. Наряду с этим предполагается введение в полном объеме нового уголовного уложения, по согласованию его со всеми изданными за последнее время законоположениями.

Вносятся также целый ряд законопроектов в области гражданского законодательства, проект охранительного судопроизводства и, наряду со многими имеющими меньшее значение законопроектами, проекты вотчинного устава и дополнительных к нему узаконений, направленных к установлению у нас ипотечной системы, в целях внесения в область земельных правоотношений надлежащей гласности, определенности и твердости.

Область эта находится в тесной связи с делом землеустройства, составляющего предмет ведения другого ведомства — Главного управления землеустройства и земледелия. Названное ведомство стоит перед задачей громадного значения. Оно призвано, главным образом, содействовать экономическому возрождению крестьянства, которое ко времени окончательного освобождения от обособленного положения в государстве выступает на арену общей

борьбы за существование экономически слабым, неспособным путем занятия своим исконным земледельческим промыслом обеспечить себе безбедное существование.

Поэтому Главное управление поставило себе целью увеличение площади землевладения крестьян и упорядочение этого землевладения, т.е. землеустройство.

Среди мер первой категории Главное управление придает особое значение обеспечению земельного быта тех обществ, которые, получив дарственные наделы, не имели возможности до настоящего времени обеспечить себя землей путем покупки. Соответствующий законопроект будет внесен в Государственную думу.

Способ устранения острого малоземелья Главное управление видит в льготной, соответствующей ценности покупаемого и платежным способностям приобретателя, продаже земель землевладельцам. Для этой цели в распоряжении правительства имеется, согласно указу 12 и 27 августа 1906 года, 9 млн десятин и купленные с 3 ноября 1905 г. Крестьянским банком свыше 2 млн десятин. Но для успеха дела увеличение крестьянского землевладения надлежит связать с улучшением форм землепользования, для чего необходимы меры поощрения и, главным образом, кредит. Главное управление намерено идти в этом деле путем широкого развития и организации кредита земельного, мелиоративного и переселенческого.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету положение имеет целью устранение неудобств, сопряженных с внутринадельным расположением участков отдельных селений и домохозяев, облегчение разверстания чересполосицы, облегчение выделения домохозяевам отрубных участков, упорядочение способов отграничительных межеваний и принудительное разверстание чересполосных владений, при условии признания этой чересполосности вредною.

Спешное осуществление аграрных мероприятий находится в зависимости от деятельности местных землеустроительных комиссий, необходимость переустройства которых соизнается Главным управлением, составившим проект, имеющий целью:

- 1) теснее связать эти комиссии с местным населением путем усиления в них выборного начала и
- 2) придать им рабочие силы для проектирования и осуществления землеустроительных планов.

Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим.

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков в их положении.

Рассматривая рабочее движение как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также к стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем наказания экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их в случае болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим намечена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения, установленные ныне нормы труда малолетних рабочих и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим, установленную законом 2 июня 1897 года

продолжительность труда взрослых рабочих предполагается понизить.

Независимо от целого ряда менее важных преобразований в области рабочего законодательства, Министерство торговли и промышленности полагает внести на обсуждение Государственной думы вопрос о защите интересов русской торговли и промышленности на Дальнем Востоке путем закрытия там портофранко, установленного вследствие военных действий Высочайшим указом от 1 мая 1904 года.

В числе многочисленных проектов, вносимых в Государственную думу Министерством путей сообщения, я считаю долгом обратить внимание на настоятельную необходимость тех из них, которые имеют целью развитие и улучшение нашей рельсовой сети, разросшейся за последнее десятилетие с 35 300 верст до 61 725 верст. Из предполагаемых же к постройке новых дорог я считаю долгом указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести от одной из конечных станций Забайкальской железной дороги до Хабаровска для создания непрерывного, пролегающего по русской территории, рельсового пути, соединяющего Европейскую Россию с дальневосточными окраинами. Этому требуют жизненные интересы России.

Кроме этого, вниманию Государственной думы будет предложен целый ряд проектов о работах по развитию и улучшению внутренних водных путей и шоссейных дорог, а также срочные, имеющие большую важ-

ность, проекты, касающиеся правовых отношений, как, например, закон о судоходстве и сплаве и новый закон об отчуждении недвижимых имуществ для нужд государственных и общественных.

Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту и не будут устранены те явления, которыми постоянно нарушается правильное течение школьной жизни в последние годы, явления, свидетельствующие о том, что без коренной реформы наши учебные заведения могут дойти до состояния полного разложения.

Школьная реформа на всех ступенях образования строится Министерством народного просвещения на началах непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но с законченным кругом знаний на каждой из школьных ступеней. Особые заботы Министерства народного просвещения будут направлены к подготовке преподавателей для всех ступеней школы и к улучшению их материального положения.

Затем:

1) Ближайшей своей задачей Министерство народного просвещения ставит установление совместными усилиями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образования для всего населения Империи.

2) В области средней школы министерство будет озабочено созданием разнообразных типов учебных заведений с широким развитием профессиональных знаний, но с обязательным для всех типов минимумом общего образования, требуемого государством.

3) В реформе высшей школы министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предположенных преобразований Высочайшим указом 27 августа 1905 года**, и согласование их с интересами общегосударственными, на основании опыта применения действующих временных правил.

Проведение в жизнь всех вышеизложенных законодательных предположений находится в зависимости от возможности их осуществления в финансовом отношении. С этой стороны Государственной думе и Государственному совету предстоит задача первостепенной важности: на рассмотрение их вносится государственная роспись, затрагивающая самые жизненные потребности государства. Правительство приглашает Государственную думу приступить к немедленному ее рассмотрению, так как вопросы бюджета настоятельно срочны и требуют величайшего внимания, тем более, что положение России вызывает необходимость строгой бережливости, тогда как новые реформы требуют новых затрат. Настоящая минута тем более трудна, что она совпала с весьма крупным сокращением доходного бюджета, образовавшимся

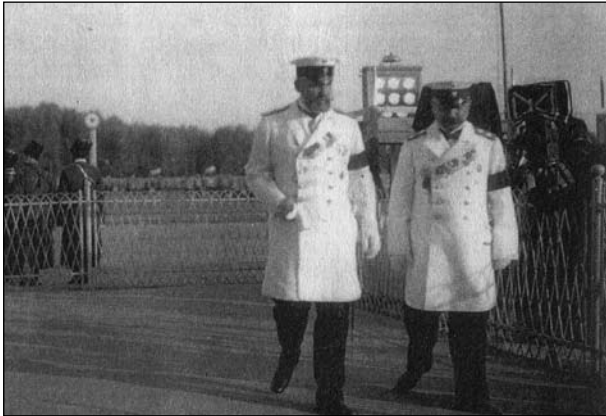

П.А. Столыпин с семьей

вследствие отмены манифестом 3 ноября 1905 года выкупных платежей крестьян и увеличения расходов на платежи процентов и погашения по займам, заключенным для покрытия военных расходов. Осложняется положение еще и тем, что искусственное задерживание нарастания государственных потребностей на долгое время невозможно. В развитии государства, как отдельного лица, бывают критические периоды усиленного роста.

Происшедшее в октябре 1905 года коренное изменение в нашем го-

сударственном устройстве открыло собою, как указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь целый ряд потребностей в самых различных отраслях государственной жизни. Наконец, неудачная для нас война вызывает необходимость крупных затрат на возрождение нашей армии и флота. Как бы ни было велико наше стремление к миру, как бы громадна ни была потребность страны в успокоении, но если мы хотим сохранить наше военное могущество, ограждая вместе с тем самое достоинство нашей родины, и не согласны на

На фото П.А. Столытин за 6 часов до трагического покушения 1 сентября 1911 года в Киеве

утрату принадлежащего нам по праву места среди великих держав, то нам не придется отступить перед необходимостью затрат, к которым нас обязывает все великое прошлое России. Конечно, чрезвычайно характеру этих потребностей может соответствовать только обращение к чрезвычайным ресурсам.

Эти соображения должны быть предпосланы рассмотрению Государственной думой вносимых в нее Министерством финансов законодательных предположений об установлении новых налогов и преобразовании некоторых существующих видов обложения. В этих предположениях руководящею мыслью Министерства финансов было достижение возможной равномерности обложения и возможное освобождение широких масс неимущего населения от дополнительного налогового бремени. Некоторое исправ-

ление в недостаточную уравнительность нашей податной системы внесет, по проекту Министерства финансов, подоходный налог. Проекты же обложения некоторых предметов, доступных лицам достаточным, вызваны стремлением министерства избежать отягощения малоимущих слоев населения. Остальные проекты Министерства финансов относятся к осуществлению мысли о пересмотре системы реального обложения и о преобразовании некоторых видов пошлин и, главным образом, пошлин наследственных.

Все эти преобразования не являются осуществлением полной и стройной реформы податного строя. При теперешних обстоятельствах правительство надеется лишь достигнуть ими, при наименьших жертвах со стороны плательщиков, возможности не только проведения настоятельно необходимых государ-

ственных реформ, но и оживления деятельности органов общественно-го самоуправления путем передачи им некоторой части нынешних государственных доходов, так как, расширяя круг действия земств и городов, правительство обязано дать им возможность выполнить возложенные на них обязанности.

Изложив перед Государственной думой программу законодательных предположений правительства, я бы не выполнил своей задачи, если бы не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреж-

дениями новых начал государственно-го строя поведет к успокоению и возрождению великой нашей родины.

Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, то есть правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть и будет правительство Его Величества.

Примечания:

* Имеется в виду указ об укреплении веротерпимости, изданный 17 апреля 1905 г. (3 ПСЗ. Т. 25. № 26125, 26126). Разрешал переход из православия в другие христианские и нехристианские вероисповедания (в последние лишь в том случае, если ходатайствующие об этом лица или их предки принадлежали к этим исповеданиям). В официальном делопроизводстве вводилось наименование «старообрядцы» вместо упоминавшегося ранее термина «раскольники». За старообрядческим духовенством закреплялись права и привилегии, которыми пользовалось в России духовенство других вероисповеданий. Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» (Правительственный вестник. 1905. 18 октября. № 222) даровал населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», а также провозглашал созыв законодательной Думы.

** Указ 27 августа 1905 г., введший в действие Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения (3 ПСЗ. Т. 25. № 26692), был издан в качестве дополнения к действующим уставам университетов (1884 г.) и специальных высших заведений ведомства просвещения. Указом от 17 сентября 1905 г. (3 ПСЗ. Т. 25. № 26718) режим Временных правил был распространен на высшие учебные заведения прочих ведомств. Согласно этим указам было приостановлено действие ряда реакционных статей уставов университетов и институтов. Их советам и факультетским собраниям предоставлялось право избрания ректоров, деканов и секретарей факультетов, назначавшихся прежде властью министра и попечителя учебных округов. Правительство устранялось от прямого вмешательства во внутренние дела высшей школы, возложив ответственность за студенческие волнения на профессорские коллегии. Полиции воспрещался вход на территорию высших учебных заведений.

Декларация Председателя Совета министров П.А. Столыпина 6 марта 1907 г. // Государственная дума. Второй созыв. Сессия вторая. 1907 год. Стенографические отчеты. СПб., 1907. Т. I. С. 106–120. □

Джером К. Джером

ПРИЗРАК

маркизы Элфордской

Эта история рассказана мне, среди прочих, официантом Генри — или, как он теперь предпочитает называть себя, Энри — в длинном зале ресторана гостиницы «Рифель-Альп», куда я однажды попал в тихую неделю «между сезонами», разделяя гулкую пустоту заведения с двумя старыми девами, которые целыми днями испуганным шепотом переговаривались друг с другом. Излагаю ее, со слов Генри, по порядку...

Первое мое место работы — что ж, надо быть честным — кофейня на Майл-Энд-роуд, и я этого не стыжусь. Всем приходится с чего-нибудь начинать. Юный Копчушка, как мы его называли, — настоящего имени у него не было, или, во всяком случае, сам он его не знал, а это прозвище ему очень даже подходило, — всегда продавал газеты между нашей кофейней и мюзик-холлом на углу. Иной раз, если уж возникало настроение, я брал у него газету, а расплачивался, когда хозяин отсутствовал, кружкой кофе и обедками с тарелок посетителей — такой бартер нас обоих устраивал. Паренек был ушлый, даже по меркам Майл-Энд-роуд, а это неплохая рекомендация. Время от времени, умея высматривать нужных людей и не упускать того, что, скорее всего, не предназначалось для его ушей, он давал мне полезные советы насчет скачек, а за это получал от

меня шиллинг или там шестипенсовик, в зависимости от результата. В общем, парень был не промах, вы понимаете. И в один прекрасный день он вдруг входит к нам с таким видом, будто все тут принадлежит ему, а под руку с ним девчонка, этакий бесенок, и оба усаживаются за столик.

— Гарсоны! — кричит он. — Какое сегодня мяню?

— Мяню сегодня такое, — отвечаю я. — Ты выметаешься отсюда сам, пока я не вывел тебя за ухо, а это немедленно возвращаешь туда, где взял. — Говорил я про девчонку, конечно.

Девчонку он нашел себе хорошенькую, даром что замарашку: глазница огромные и круглые, волосы рыжие. Во всяком случае, в те времена такие волосы называли морковными. Нынче этот цвет вошел в моду у дам высшего света — вернее, они пытаются воспроизвести его как можно точнее, — и он уже золотисто-каштановый.

— Энри, — продолжал он, даже глазом не моргнув, — боюсь, ты что-то забываешь. Когда я стою на краю тротуара и кричу: «Экстренный выпуск!», а ты подходишь ко мне с полпенсом, то хозяин ты, и я обязан тебя обслужить. А когда я прихожу в твоё заведение, заказываю угощение и плачу за него, то хозяин — я. Сечешь? Так что принеси мне жареной грудинки и два сваренных вкрутую яйца, только свежих, ты уж проследи. А для лейди — жареную треску, покрупнее, и кружку какао.

Что ж, он говорил правильно, да и всегда отличался здравым смыслом, поэтому заказ я принял. Нечасто приходится видеть, чтобы кто-нибудь так расправлялся со всем, что ему подавали. Да, на девчонку стоило посмотреть. Видать, не один день она ничего толком не ела. Умяла большую треску за девять пенсов вместе со шкуркой, а потом два ломтика жареной грудинки, по пенсу каждый, шесть кусков хлеба с маслом, — мы называли их «ступеньками», — и две полпинты какао, а только этого вполне хватало, чтобы насытить человека, ведь мы варили его как положено. Судя по всему, Копчушке в тот день улыбнулась удача. Он так уговаривал ее кушать и не стесняться, будто речь шла о бесплатном угощении.

— Возьми яйцо, — предложил он, как только грудинка исчезла с тарелки. — Съешь одно из этих яиц, и тогда, пожалуй, будешь совсем сыта.

— Кажется, я больше уже не могу, — ответила она после короткого раздумья.

— Что ж, ты лучше знаешь свои возможности. Может, тебе и обойтись без него. Особенно, если ты не привыкла ни в чем себе не отказывать.

Я порадовался, когда они закончили, потому что меня тревожило, как он будет рассчитываться. Но он преспокойно расплатился, да еще дал мне полпенса на чай.

В тот раз я обслужил их впервые, но, как вы сейчас услышите, этим наше знакомство не закончилось. Он и потом часто приводил ее к нам. Кто она и откуда, Копчушка не знал, да и она тоже, так что они вполне подходили друг другу. Она сбежала от одной старухи, жившей в той стороне, где Лаймхаус, которая частенько ее била. Это все, что она ему рассказала. Он устроил ее у бабульки, жившей на чердаке в том же доме, где ночевал сам, когда представлялась такая возможность, научил выкрикивать: «Экстренный выпуск!», — и нашел угол, где она могла продавать газеты. Мальчиков и девочек на Майл-Энд-роуд нет. Они либо малыши, либо взрослые люди. Копчушка и Морковка — как мы ее называли — воспринимали себя парой, хотя ему не могло быть больше пятнадцати, а ей едва исполнилось двенадцать. Его влюбленность сразу бросалась в глаза, хотя, конечно, никаких нежностей он себе не позволял — не его стиль. Он следил, чтобы она вела себя как должно, и ей приходилось с этим считаться, что, надо полагать, шло не во вред, а если она возникала, он задавал ей трепку и нисколько из-за этого не переживал. У простых людей это принято.

Из кофейни я ушел, найдя подходящее место в Сити, так что не видел их обоих лет пять. В следующий раз повстречался с ними в одном ресторане на Оксфорд-стрит — дилетантском таком заведении, где всю работу делают женщины, которые ничего не понимают в нашем деле и рабочее время проводят, сплетничая и флиртуя, я такие рестораны называю «рестораны любви». Тамошняя белобрысая управляющая никогда тебя не слышала, если ты к ней обращался. Куда больше ее интересовали слова, которые нашептывал ей через прилавок какой-то занюханный старый хрыч. Официантки считали, что хорошая работа — по часу беседовать с посетителями, заказывающими чашку кофе за два пенса, и выглядели обиженными и оскорбленными, если кто-то осмеливался заказать что-либо более существенное. Завитая кассирша целыми днями любезничала через свое окошечко с двумя молодыми билетерами из Оксфордского мюзик-холла, которые приходили по очереди, сменяя друг друга. Иногда она отрывалась от этого занятия, чтобы получить деньги с посетителя, а иногда и нет. Мне доводилось работать в самых разных местах, и официанты вовсе не такие слепые совы, как принято думать. Но никогда в жизни я не видел одновременно столько любезничающих парочек, как там. Эту мрачную, темную дыру влюбленные, похоже, находили чутьем и просиживали там часами над несколькими чашками чаю и пирожными «ассорти». «Идиллия», — подумают некоторые, но меня лично это зрелище угнетало.

Я нанялся «на тяжелую работу», но, поскольку самый тяжелый заказ, о каком я там слышал, состоял из холодной ветчины и курицы — за ней приходилось по-тихому бежать в соседнюю харчевню, вскоре понял, что нужен им больше для вида.

Я проработал там уже две недели, и мне у них порядком поднадоело, как вдруг в один прекрасный день в зал вошел юный Копчушка. Сначала я его и не признал, так он изменился. Помахивающий тросточкой с серебряным набалдашником, — такие как раз вошли в моду, — в шикарном клетчатом костюме и белом цилиндре. Но что меня больше всего поразило, так это его перчатки. Ну, моя внешность не претерпела таких перемен, потому что он тут же меня вспомнил и протянул руку.

— Да это же Энри! Значит, ты продвинулся в жизни.

— Да, — ответил я, пожимая ему руку. — И не стану грустить, если продвинусь еще куда-нибудь из этой лавочки. Но ты, вижу, тоже кое-чего добился.

— Есть такое, — ответил он. — Я теперь журналист.

— Вот как? — удивился я. — И по какой же части? — Я навидался журналюг за шесть месяцев, которые проработал в одном заведении на Флит-стрит. Там в манере одеваться не наблюдалось такого великолепия, если можно так выразиться. Прикид Копчушки тянул на кругленькую сумму. Одна только галстучная бриллиантовая булавка обошлась кому-то — если не ему самому — фунтов в пятьдесят.

— Видишь ли, — объяснил он, — я никому не даю конфиденциальных советов и все такое. Мое дело — прогноз на скачки, знаешь ли. Теперь мой псевдоним — Капитан Кит.

— Как? Тот самый Капитан Кит?! — воскликнул я. — Ясное дело, я о нем слышал.

— Само собой! — кивнул он. — Некоторые прогнозы сбываются, и, когда это происходит, можешь мне поверить, наша газета обязательно об этом пишет. А если я ошибаюсь... что ж, человек не обязан кричать о своих неудачах, верно?

Он заказал чашку кофе, предупредив, что ожидает кое-кого, ну а пока мы разговорились о прежних временах.

— Как Морковка? — полюбопытствовал я.

— У мисс Каролин Тревельян все очень хорошо, — серьезно проговорил он.

— Ого, значит, ты все-таки выяснил ее имя и фамилию?

— Да, мы кое-что узнали об этой лейди. Помнишь, как она танцевала?

— Смотря что ты имеешь в виду. Я видел, как она кружилась около нашей кофейни, демонстрируя нижние юбки, когда поблизости не было коппера, если ты об этом.

— Именно. Сейчас это очень модно. Называется «юбочный танец». Завтра она дебютирует в мюзик-холле «Оксфорд». Ее я сейчас и жду. Она сделает карьеру, можешь мне поверить.

— Не удивительно, я всегда это чувствовал.

— Насчет нее мы выяснили и кое-что еще. — Тут он перегнулся через столик и перешел на шепот, будто боялся, что нас подслушают. — У нее есть голос.

— Да, с некоторыми женщинами подобное случается.

— Конечно, но у нее голос, который хочется слушать.

— Что ж, это замечательная особенность.

— Вот именно, сынок, — чуть свысока ухмыльнулся он.

Через некоторое время пришла она. Я б ее узнал где угодно по глазам и рыжим локонам, пусть теперь она выглядела такой чистенькой, что хоть обед подавай в ее ладонях. А как одета! Я на своем веку навидался щеголей, встречал и герцогинь в более эффектных и, пожалуй, в более дорогих нарядах, но платье Морковки, казалось, лишь обрамляло и подчеркивало ее красоту. А что она была красавицей, можете мне поверить. И не удивительно, что всякие светские бездельники, едва завидев ее, начинали виться вокруг, как мухи над сладким пирогом с вареньем.

И трех месяцев не прошло, как по ней сходил с ума весь Лондон — по крайней мере, та его часть, что бывала в мюзик-холлах. Ее фотографии украшали чуть ли не каждую витрину, интервью с ней появились в половине лондонских газет. Выяснилось, что она — дочь офицера, погибшего в Индии, когда она была еще крошкой, и племянница какого-то австралийского епископа, тоже покойного. Видимо, никого из ее предков в живых застать не удалось, но все они в свое время занимали важные посты. Образование она получила домашнее, под приглядом родственницы, и рано обнаружила способности к танцам, хотя подруги вначале очень не советовали ей идти на сцену. Ну, и дальше все в этом роде, как полагается в таких случаях. Обнаружилась, — как обычно бывало, — дальняя родственная связь с одним очень известным судьей, а выступать она продолжала только для того, чтобы иметь возможность содержать свою бабушку или сестру-инвалида, точно не помню. Газетчики — народ удивительный, что угодно слопают, во всяком случае, некоторые.

Копчушка не брал ни пенса из ее денег, но, даже получай он агентские двадцать пять процентов, и тогда не смог бы делать для нее больше: все

время подогревал интерес к ее имени. Дело дошло вот до чего: если вы не желали больше ничего слышать про Каролин Тревельян, вам оставалось только лежать в постели и не заглядывать в газеты. Она доставала вас повсюду: Каролин Тревельян у себя дома, Каролин Тревельян в Брайтоне, Каролин Тревельян и шах персидский, Каролин Тревельян и старая торговка яблоками. Или — если не сама Каролин Тревельян, то собачка Каролин Тревельян, с которой обязательно происходило что-нибудь необыкновенное: или она терялась, или находилась, или тонула в реке, что именно — неважно.

В том же году я перебрался с Оксфорд-стрит в новую «Подкову» — ресторан как раз перестроили, — и там видел их довольно часто, потому что они приходили туда завтракать или ужинать чуть ли не каждый день. Молодой Копчушка, — или капитан Кит, как все его называли, — выдавал себя за ее сводного брата.

— Нужно же мне быть ей каким-нибудь родственником, — объяснял он. — Я, конечно, предпочел бы стать просто ее братом, так даже удобнее, да только совсем уж мы с ней непохожи. У нас разные типы красоты. — И в этом не грешил против истины.

— Почему бы тебе не жениться на ней и не покончить со всеми сложностями? — спросил как-то я.

— Я думал об этом, — ответил он достаточно серьезно, — и знаю, точно знаю, она согласилась бы, если б я подал ей эту мысль до того, как она нашла себя. Но теперь, по-моему, это несправедливо.

— Как это, несправедливо?

— Несправедливо по отношению к ней. У меня, конечно, все хорошо, но по скромному, а она... в общем, она сейчас может выйти за любого богача. По собственному выбору. Есть тут один, я даже справки наводил. Он станет герцогом, если один малыш испустит дух, чего все ожидают, а уж маркизом он будет при всех условиях, и у него серьезные намерения, это точно. С моей стороны несправедливо вставить ей поперек дороги.

— Тебе, конечно, виднее, — заметил я, — но мне кажется, что, если бы не ты, не было бы у нее сейчас никакой дороги.

— Да, это правильно. Я, конечно, к ней порядком привязан, но не стану заказывать себе могильный камень с фиалками, если она никогда не будет миссис Капитан Кит. Дело есть дело. Ставить ей палки в колеса я не собираюсь.

Я часто размышлял о том, что бы она сказала, если б он надумал изложить ей свои соображения по этому поводу. Девушкой-то она была хорошей, но слава, само собой, немного вскружила ей голову, она же столь-

ко читала о себе в газетах, что, в конце концов, и сама могла наполовину поверить в эту чепуху. К примеру, родственные связи со знаменитым судьей, они иной раз вроде бы и мешали ей, и она уже держалась с Копчушкой не так запросто, как на Майл-Энд-роуд, а он не относился к тем, кто что-либо упускал из виду.

И однажды — Копчушка пришел на ленч один, и я его обслуживал — он сказал мне, поднимая стакан:

— Ну, Энри, желаю тебе удачи. Теперь мы с тобой какое-то время не увидимся.

— А что такое? — спросил я.

— Да ничего. Мне тут делать больше нечего. Уезжаю в Африку.

— Ох! — вырвалось у меня. — А как же...

— Нормально, — перебил меня он. — Я все устроил — лучше не бывать. Если по правде, из-за этого я и уезжаю.

Я сначала подумал, что и она едет с ним.

— Нет, — ответил Копчушка. — Она становится герцогиней Райдингширской, с любезного согласия того ребенка, о котором я рассказывал. Ну а если нет — маркизой Эплфордской. Это дело решенное. Завтра их без лишнего шума распишут в Реджистри-офис, и после этого я отбываю.

— Какая в этом нужда? — почему-то разволновался я.

— Никакой нужды, — ответил он. — Просто мне так хочется. Видишь ли, когда меня не будет, ничто не помешает ей стать солидной respectable аристократкой. А при сводном братце, которому нужно постоянно быть наготове с рассказами относительно своей родословной и наследственных владений, — а выговор-то у него далеко не аристократический, — рано или поздно обязательно возникнут осложнения. Если же меня здесь не будет — все упростится. Сечешь?

Так оно и произошло. Конечно, разразился нешуточный скандал, когда семейство об этом узнало, и ловкому адвокату было поручено сделать все возможное, чтобы расторгнуть этот брак. Перед расходами не стояли, можете не сомневаться, но ничего у них не получилось. Им не удалось обнаружить ничего такого, что можно было против нее использовать. Она же держалась твердо и помалкивала. Так что они все-таки остались мужем и женой. Уехали из Лондона и тихо прожили год или два в загородном доме и за границей, а потом, когда их подзабыли, вернулись обратно. Мне часто попадалось в газетах ее имя, про нее всегда писали, какая она очаровательная, и любезная, и красивая, а родственники маркиза, как я понял, решили примириться с ее существованием.

И вот однажды вечером она пришла в «Савой». На это место я попал только благодаря моей жене, и, скажу вам, место это очень хорошее, если кто, конечно, знает свою работу. У меня никогда бы не хватило духу и пытаться ее получить, если бы не моя хозяйка. Она умная женщина, ничего не скажешь. Мне здорово повезло, что я женился на ней.

— Сбрей-ка ты свои усы, они тебя нисколько не украшают, — сказала она мне, — и сходи туда. И не вздумай говорить на иностранном языке. Только ломаный английский, да разок-другой пожми плечами. У тебя все это прекрасно получится.

Я последовал ее советам. Конечно, управляющий сразу разгадал, что я не иностранец, но я ловко вставлял кое-где «Oui, monsieur», а им, видно, выбирать тогда не приходилось — срочно требовались люди. Короче, меня взяли, я там проработал весь сезон и многому, надо сказать, научился.

Что ж, как я уже говорил, вошла она в ресторан, настоящая аристократка, расфуфыренная такая, в мехах и бриллиантах, с надменным видом, пожалуй, ничем не уступая любой маркизе от рождения. Направилась прямо к моему столику и села. Муж при ней, но он, по большей части, молчал, только повторял ее указания. Ясное дело, я держался так, будто никогда ее раньше не видел, а сам все время, пока онаковырялась в майонезе и потягивала мелкими глоточками «Гайссер», вспоминал кофейню, треску за девять пенсов и пинту какао.

— Принеси мое манто, — попросила она мужа. — Мне холодно.

Он тут же встал и вышел из зала.

Она даже головы не повернула и заговорила со мной так, будто просто заказывает что-то, а я почтительно стоял у нее за стулом и отвечал ей в тон.

— От Копчушки вести есть? — спросила она.

— Я получил от него одно или два письма, ваша светлость.

— Брось ты это, меня уже тошнит от «вашей светлости». Говори на обычном английском — мне теперь не часто случается его слышать. Ну, и как он там?

— Да вроде неплохо. Пишет, что открыл гостиницу, которая дает стабильный доход.

— Хотелось бы мне стоять рядом с ним за стойкой бара!

— А что, не сработало?

— Похоже на похороны, только что без покойника, — грустно улыбнулась она. — И поделом мне, конечно, за то, что была такой дурой.

Но тут вернулся этот маркиз с ее манто, я сказал: «Certainement, madame», — и поспешил исчезнуть.

Я потом часто видел ее там, и, если возникала такая возможность, она перекидывалась со мной словечком на привычном ей языке, но мне иной раз становилось не по себе при мысли, что кто-нибудь может ее услышать.

Потом я получил еще одно письмо от Копчушки. Он написал, что приехал в Лондон в отпуск и остановился в гостинице «Морлис», приглашал в гости.

Он не слишком изменился, разве что потолстел немного и приобрел еще более преуспевающий вид. Понятное дело, мы заговорили об ее светлости, и я передал ему то, что она тогда сказала.

— Странные создания эти женщины, — задумчиво произнес он. — Сами не знают, что им нужно.

— Да нет, они прекрасно знают, что им нужно, но только после того, как все произойдет. Откуда же она могла знать, каково быть маркизой, пока ею не стала?

— Жаль, я-то думал, это как раз для нее. Я и собрался-то сюда только затем, чтоб взглянуть на нее и удостовериться, что для нее все сложилось как нельзя лучше. Выходит, и не следовало мне приезжать.

— А сам ты еще не подумывал о женитьбе?

— Конечно, подумывал. Когда человеку за тридцать, скучно живется без жены и детишек, которые вьются вокруг него, в этом можешь мне поверить. А Дон Жуан из меня никакой.

— Ты вроде меня, — сказал я. — Поработать весь день, а потом сесть у камина с трубкой и в шлепанцах на ногах, и ничего другого мне и не нужно. Ты скоро найдешь себе кого-нибудь по душе.

— Нет, не найду. Я встречал некоторых, кто мог бы мне подойти, если бы не она. Все равно как те аристократы, что приезжают к нам: их с детства приучали к телятине под грибным соусом и тому подобному, так какой уж им теперь бекон с овощами.

Я рассказал ей об этой встрече, когда мы в следующий раз встретились, и однажды рано утром они, вроде бы случайно, столкнулись на Кенсингтон-Гарденс. Что они там сказали друг другу, я не знаю, потому что он в тот же вечер уплыл в Африку, и, поскольку случилось все это в конце сезона, ее светлость я тоже долго не видел.

Когда же вновь с ней повстречался, — в гостинице «Бристоль» в Париже, — она носила траур по своему мужу-маркизу, скончавшемуся восемь месяцев назад. Он так и не дожил до герцогского титула — малыш оказался покрепче, чем предполагали, и никак не хотел умирать. Так что она осталась всего лишь маркизой, и состояние ее — хотя и немалое — ничего выдающегося собой не представляло, сущие пустяки в среде таких аристократов. Меня послали обслужить ее, так как она потребовала офи-

цианта, который говорил по-английски. Она определенно обрадовалась, увидев меня, и мы немного поболтали.

— Что ж, надо полагать, ты теперь скоро встанешь за стойку того бара в Кейптауне? — спросил я.

— Думай, что говоришь, — возмущенно ответила она. — Как может маркиза Эплфордская выйти замуж за хозяина гостиницы?

— Почему же не может, если он ей нравится? Какой смысл быть маркизой, если нельзя делать, чего хочется?

— В том-то и дело, что нельзя, — сердито фыркнула она. — Это нечестно по отношению к его семейству. Я тратила их деньги, да и теперь трачу. Они меня не любят, но никогда не скажут, что я их опозорила. У них тоже есть чувство собственного достоинства, как и у меня.

— Почему бы тебе не отказаться от этих денег? — спросил я. — Они будут только рады, я слышал, они не из богачей.

— Как можно? — воскликнула она. — Это пожизненная рента. Пока я жива, я должна получать ее, и, пока я жива, я должна оставаться маркизой Эплфордской.

Она доела суп и отодвинула тарелку. «Пока я жива», — повторила еще раз, вроде бы уже для себя. А потом вдруг добавила:

— Ей-богу, а почему нет?

— Что, почему нет? — удивленно спросил я.

— Ничего, — ответила она. — Принеси мне телеграфный бланк для Африки, да поскорее.

Я принес ей бланк, она написала телеграмму и тут же отдала ее портье, а покончив с этим, снова уселась за столик и закончила обед. Со мной после этого держалась чуть холодно, и я рассудил, что лучше не навязываться.

Мы больше не встречались, и следующее известие о ней я почерпнул из газетной заметки под заголовком: «Смерть маркизы Эплфордской. Печальный несчастный случай». Там говорилось, что она поехала кататься на лодке по какому-то итальянскому озеру в сопровождении одного только лодочника. Налетел шквал, и лодка перевернулась. Лодочник доплыл до берега, но свою пассажирку спасти не сумел, и даже тело ее не удалось найти. Газета напоминала читателям, что погибшая — урожденная Каролин Тревельян, в прошлом знаменитая трагическая актриса, дочь известного судьи в Индии, который носил ту же фамилию.

Из-за этой новости я два дня ходил мрачный. Ведь я знал маркизу, можно сказать, с детства и всегда интересовался ее судьбой. Глупо, конечно, но гостиницы и рестораны отчасти потеряли для меня интерес, потому что я лишился надежды как-нибудь вдруг встретить ее в одном из них.

Из Парижа я переехал в Венецию и нашел работу в небольшой гостинице. Жена моя считала, что мне не мешает подучиться немного итальянскому, а может, ей просто самой хотелось пожить в Венеции. Это одно из преимуществ нашей профессии: можно поехать по свету. Ресторанчик был из второсортных, и как-то вечером, аккуратно перед тем, как зажигают лампы, я присутствовал в зале в единственном числе и уже собрался почитать газету, но вдруг услышал, как отворяется дверь, обернулся и замер от удивления.

В зал входила ОНА. Спутать никак невозможно — у таких двойников не бывает.

Я сидел с вытаращенными глазами, пока она не подошла совсем близко ко мне, а потом сказал:

— Морковка! — скорее, не сказал, а прошептал. Это прозвище почему-то первым пришло в голову.

— Морковка, она самая, — ответила она, села за столик напротив меня, и как расхохочется.

Я не мог сказать ни слова, не мог пошевелиться, так ошарашило меня ее появление, и, чем испуганнее я выглядел, тем громче она хохотала, пока, наконец, не вошел Копчушка. На призрака он никак не тянул. Наоборот, выглядел как человек, поставивший на выигравшую лошадь.

— Ого, да это Энри! — Копчушка хлопнул меня по спине с такой силой, что я моментально пришел в себя.

— Я слышал, ты умерла, — с трудом проговорил я, все еще таращась на нее. — Прочитал в газете: «Смерть маркизы Эплфордской».

— Так и есть, — улыбнулась она. — Маркиза Эплфордская умерла, и слава богу. Теперь я — миссис Капитан Кит, она же Морковка.

— Помнишь, ты говорил, что я скоро найду себе кого-нибудь по сердцу? — спросил меня Копчушка. — И, ей-богу, ты не ошибся. Я нашел. Все ждал, пока встречу кого-нибудь, кто мог бы сравниться с ее светлостью, и, боюсь, долго бы мне пришлось ждать, если бы не наткнулся на нее.

Тут он взял Морковку под руку, точно так же, помнится мне, как в тот день, когда впервые привел ее в кофейню. И, Господи, как давно это было!

Эту историю, среди прочих, рассказывал мне официант Генри. По его просьбе я заменил настоящие имена героев вымышленными. Генри говорит, что «Капитан Кит», кейптаунская первоклассная гостиница для семейного отдыха и коммерсантов, существует по сей день, и хозяйка его та же — все еще очаровательная рыжеволосая женщина с прекрасными глазами, которую можно принять за герцогиню, пока она не открывает рот: выговор по-прежнему слегка отдает Майл-Энд-руд. □

НЕ СПЕШИТЕ ИСПРАВЛЯТЬ

ЛЕВШЕЙ!

Тайна появления левшей до сих пор не разгадана учеными. Почему левши всегда рождаются недоношенными и весом ме-

нее килограмма? Почему леворукость передается из поколения в поколение и, чаще всего, по линии матери? Почему в Центральной России уже многие годы левшей рождается стабильно семь процентов, в Москве — три с половиной, а вот на Таймыре — тридцать четыре?

По неясной причине, у зародыша в чреве матери правое полушарие головного мозга вдруг «отбирает бразды правления» у левого, и все органы меняются местами, как в зеркальном отражении: левое становится правым, правое — левым. Предполагается, что в этой неразберихе внутри черепной коробки повинно всего лишь небольшое увеличение гормона тестостерона в крови у зародыша. Поэтому неудивительно, что люди с «мозгами набекрень» поражают своей необычностью, экстраординарностью.

А ученые Института нейрохирургии сделали неожиданное открытие: левши имеют не только особый взгляд на мир, но и чудесную способность предугадывать события...

По мнению профессора Тамары Доброхотовой, детально изучающей эти проблемы, левша способен даже видеть будущее. Очень часто именно левши становятся экстрасенсами. Предвосхищающий события левша напоминает Белую Королеву из

сказочного Зазеркалья Льюиса Кэрролла, поражающую Алису тем, что лучше всего помнит то, что «случится через две недели».

ПРЕДВИДЕНИЯ ЖАННЫ Д'АРК

Гениальность принято считать аномальным явлением. Так вот — многие из гениальных людей были левшами. Это знаменитые полководцы и государственные деятели Тиберий, Юлий Цезарь, Александр Македонский, Карл Великий, Наполеон, Бенджамин Франклин, непревзойденный король смеха Чарли Чаплин, создатели величайших шедевров Леонардо, Микеланджело, Пикассо, гении науки Джеймс Максвелл и Иван Павлов, рок-звезда Пол Маккартни.

На расшифровку дневников, оставленных Леонардо да Винчи, ученым пришлось потратить десятки лет. Разгадка же оказалась простой: чтобы их прочесть, надо было только приставить письма к зеркалу. Ведь великий художник и изобретатель был лев-

шой. До сих пор исследователи не могли найти объяснение, как пять столетий назад Леонардо мог изобрести подводную лодку, парашют, вертолет, экскаватор? Только из-за отсутствия в пору средневековья необходимых материалов и технических средств его машины оставались лишь чертежами на бумаге.

Гениальность этого левши так поражает, что закрадывается естественное подозрение: не обладал ли он и даром ясновидения?

Необычные способности у левши Жанны д'Арк проявились уже к двенадцати годам. Ей являлись образы святых, с которыми она беседовала часами. А позже, во время столетней войны между французским народом и англичанами, у Орлеанской девы открылся дар ясновидения. Жанне приснился вещий сон: в предстоящем бою ее смертельно ранят стрелой в руку. Утром она написала об этом своему королю и попрощалась с ним. Ее действительно ранили, но она нашла в себе силы вынуть стре-

лу и с кровоточащей раной повести за собой войско, которое приступом взяло крепость англичан. Жанна предвидела и исход войны. Ей было видение, что, если в ее руках окажется меч, спрятанный за алтарем в церкви Святой Катерины, то ее народ победит. Она попросила французского короля послать гонца в Фьербоа, где находилась эта церковь. И действительно, там, где Жанна никогда не бывала, за алтарем в земле нашли заржавленный меч.

С ним Жанна не расставалась до тех пор, пока ее не сожгли на костре англичане, обвинившие девушку в колдовстве. А война закончилась победой французов...

Не менее загадочную личность представлял собой оксфордский ученый-математик, лингвист и священник левша Чарльз Лютвидж Доджсон, которого во всем мире знают как Льюиса Кэрролла — основоположника литературы абсурда и автора знаменитых книг «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». Кэрролл сам словно оказался по эту сторону зеркала. Его внешность поражала всех ассиметричностью. Одно плечо было выше другого, голубые глаза располагались на разном уровне. Улыбаясь, он кривил губы. Плохо слышал на одно ухо. Заикался. Писал левой рукой зеркально. Картинки рисовал так, что они обретали смысл, только если их перевернуть вверх ногами. Музыкальные пьесы на пианино играл исключительно наоборот, то есть от конца к началу. И при этом избрал множество арифметических правил, с которыми сегодня знаком каждый современный школьник.

ЖИЗНЬ ПРОТИВ ЧАСОВОЙ СТРЕЛКИ

Левшам всю жизнь приходится приспособливаться к миру, построенному правшами. Он входит в метро — щель для карточки расположена справа. Хочет позвонить по телефону — цифровой диск предназначен для правой руки. Садится за руль автомобиля — все основные рычаги находятся по правую руку. Все наручные часы тоже рассчитаны только на правшей. Наденьте часы на правую руку, попробуйте их завести и сразу поймете, какие неудобства испытывают левши.

Чтобы выжить в этом мире, левшам приходится переучиваться еще со школьной скамьи. Но не так-то просто переделать природу. Самую сложную работу, требующую много часовых усилий, переученные левши все равно выполняют левой рукой — хирурги, часовщики, художники, хотя пишут и едят они правой.

Скрытая леворукость обнаруживается часто в состоянии утомления или стресса, и порой это может привести к трагедии. Был случай, когда летчик, переученный левша, погиб только потому, что, спускаясь с парашютом, безуспешно пытался достать кольцо левой рукой. Вообще, существуют виды профессиональной деятельности, при выполнении которых левша может встретиться с трудностями, подчас непреодолимыми. Например, авиация. Ведь двигательная активность правой руки — одно из главных условий успешного пилотирования самолета. Кабина современного самолета представляет собой как бы мини-кусок только правого мира, особенно по размещению

индикационных приборов, находящихся в поле зрения летчика. У левой части ошибки в определении направления полета, считывании приборной информации. Пилоты-левши плохо осваивают новые виды полетов, у них часты аварии и неполадки, с которыми они не способны справиться в ограниченном отрезке времени. Как следствие — катастрофы. Одним словом, воздушная стихия, да и управление транспортом вообще, не для левшей.

КТО СМОЖЕТ БЛОХУ ПОДКОВАТЬ?

«Главному» американскому левше Биллу Клинтону во время предвыборной кампании психологи советовали постоянно держать под контролем свою жестикуляцию, чтобы не вызвать неприязни или непонимания среди избирателей. Ведь к левшам в праворуком мире до сих пор относятся предвзято. Не случайно во всех языках мира слово «левый» носит отрицательный характер. Взять, к примеру, такие известные высказывания, как «левый заработок», «встал с левой ноги», «сходил налево», «сплунь через левое плечо», «левша — кривая душа». Даже Иисус в картине Страшного суда в Евангелии от Матфея всех «плохих» ставит от себя по левую руку...

Левши, конечно, возмущаются такой несправедливостью. Ощущая себя жертвами дискриминации, они добиваются даже пересмотра общепринятых законов, которые противоречат их физиологии. Например, был такой прецедент, когда полицейский-левша Франклин Уинборн из американского штата Миссури подал в суд

на свое управление, которое уволило его за то, что он категорически отказывался носить кобуру справа, как предписывается уставом. Левши всего штата провели сидячую забастовку у здания суда в защиту «собрата по несчастью». И полицейского восстановили на работе!

Для защиты своих прав левши создали международную ассоциацию, штаб-квартира которой находится в городе Топика (штат Канзас, США). Основатель ассоциации Дин Кэмпбелл считает, что левши не должны жить в мире, где они заведомо поставлены в неравные условия с остальными, и требует осуществить меры, направленные на уменьшение трудностей, которые они испытывают. При этом он ехидно замечает: если правая часть тела контролируется левым полушарием мозга, и наоборот, то выходит, что левши являются людьми, которые абсолютно правы.

А ассоциация левшей в Бразилии, где десять процентов населения рождаются левшами, начинает потихому переделывать мир на свой лад. Там уже выпускаются школьные принадлежности, предметы быта и даже фотоаппараты в «зеркальном» варианте. Дантист-левша может купить зубо-врачебное оборудование, сделанное так, чтобы врач мог работать, находясь слева от пациента. Выпускают специальные чековые книжки, рассчитанные на заполнение левой рукой.

В Японии же левши с давних пор считаются самыми искусными и талантливими людьми.

В России левши ценятся не меньше. вспомните знаменитого тульского Левшу Николая Лескова, который смог подковать блоху... □

Валерий Митрохин

И это всё, чем отплатить могу

БАЛЛАДА О ДЫНЯХ

Есть такие места на земле,
Где и в пасмурный день осиянно.
Там душа утопает в тепле.
Всё надежно там и постоянно.

Там бахчу я растил между скал,
Весь в трудах день и ночь
беспрестанно.
Я своими руками ласкал
Все ростки, все соцветья баштана.

Ощущенье большой высоты
Я в себе сохранял неотрывно:
Всё — внизу. Наверху только ты.
Ты и свет, что течет беспрерывно.

Там легко и дышать, и творить
И судьбу, и любовь, и с молитвой
Строить дом и дорогу торить,
Щеки трогать опасною бритвой.

Там я жил, там я сад заложил.
Там я пел и летал не однажды.
В сеть, что сделал из собственных
жил,
Заманил птицу солнечной жажды.

Я ее обожал, как дитя,
Я дыханьем ей перышки чистил.
Но сработала, время спустя,
Неминуемая формула чисел.

Надоели ей дыни мои.
Страсти здешние в местном эфире.
Ей другой захотелось цифири
Ей другой захотелось семьи.

В течение суток — четыре грозы.
В течение ночи — четыре дождя.
Четыре колена на сгибах лозы.
Четыре морщины
По лику мужчины
Текут, этот лик бороздя.

Четыре полёта в течение лета.
Четыре поэта в течение века.
Четыре потока в течение света.
Четыре звезды.
Свежий дух борозды.
В нём горькая сладость кермека.

Сверкают четыре колечка узды.
Роняет усталый наездник бразды.
Четыре копыта, и всё же
Споткнулся, сумняся ничтоже...
Четырежды дрожью по коже...
...Во все времена, что всегда
на виду,
Которых четыре в году.

Слава с нею. Со мною — молва
На вершине своей упоенной.
Я внимаю, как прежде, Вселенной
И её понимаю слова.

Вместо сети плету гамаки.
И годами не брею седины.
Пахнут мёдом по-прежнему дыни,
Но на вкус почему-то горьки.

Не пью, не дерусь, избегаю войны;
В довольстве живу и в покое.
Откуда тогда наважденье вины —
Невнятное чувство такое?

Сомнения тени — густы и длинны —
Ложатся широкой рекою.
Дырявая, полная чувством вины,
Качается лодка покоя.

Немой невидимка — дитя тишины —
Мой дух, ты летишь над строкою.
И пахнет, как дым, это чувство
вины,
И треплет горячей рукою.

М МЕТОД МундиалЯ

— Ну а теперь, Катя, я должна научить тебя чему-то по-настоящему важному! — сказала мне свекровь, поправляя на талии широкий белый пояс.

Он не очень подходил к ее красно-му платью, но я промолчала. Моя

свекровь — женщина мудрая. За полгода после свадьбы я узнала от нее уже немало полезного: и фирменный рецепт вкуснейших пирогов, и гуманный способ заставить мужа не разбрасывать по дому грязные носки...

— Семейное счастье — это стратегическая цель, на пути к которой надо регулярно тестировать чувства партнера. Рекомендую тебе мой собственный способ — я называю его Метод МундиалЯ! — торжественно объявила свекровь.

Повышенная громкость ее голоса не соответствовала доверительности разговора, зато позволяла перекрыть шум телевизора. Наши мужчины в соседней комнате смотрели футбольный матч.

— Смотри и учись. — Свекровь толкнула дверь и вкрадчиво позвала:

— Гена! Геночка, посмотри, как тебе мое новое платье?

Свекор мазнул по красно-белой фигуре супруги рассеянным взглядом, одобрительно пробормотал: «Спартак — чемпион!» и снова уткнулся в телеэкран.

— Реакция положительная, — оценила свекровь, с облегченным выдохом расстегивая слишком тугий для нее пояс. — Продолжим.

Она поманила меня пальчиком, я приблизилась, и мы замерли у приоткрытой двери, наблюдая за нашими мужьями.

— Ситуация на поле меняется каждую минуту! — предупредил телевизионный комментатор.

— Вот именно, — согласилась с ним моя свекровь. — Видишь, мой Гена поднес ко рту бутылку с пивом и замер? Это достаточно напряженный, но еще не кульминационный момент. Самое время спросить... — Она мастерски сменила интонацию и ласково пропела: — Геночка, ну как там наши? Выигрывают?

— Ольга Пална, а кто из них — наши? — не выдержала я.

Играли Гана и Нигерия. По полю бегали сплошь темнокожие футболисты.

— Это совершенно неважно! Наши те, которые против не наших! — отмахнулась свекровь, напряженно ожидая ответа супруга.

— Да выиграют они, как же! — сердито рявкнул свекор. — Мухи сонные, козлы безногие!

Телевизионный комментатор тоже сказал что-то нелицеприятное про недостаточно быструю фланговую игру и скорость перестроения при переходе из обороны в атаку. Я вопросительно посмотрела на свекровь.

— Запомни, детка: разговаривать с мужчиной, который смотрит футбол, это глупое и вредоносное занятие, — наставительно проговорила она. — Но Геночка не проигнорировал меня! Он услышал мой вопрос и даже ответил на него более или менее по существу. Такая отзывчивость после двадцати пяти лет супружеской жизни — это очень хороший результат! Теперь давай ты. Прямо сейчас!

Я поежилась и посмотрела на экран: крепкий черный парень несся по полю, как шар для боулинга. Трибуны ревели с нарастанием, голос футбольного комментатора возбужденно повышался, уходя в ультразвук. Не отрывая глаз от телевизора, мой муж приподнялся и завис задом над диваном, как дирижабль.

— Сашенька! — пискнула я. — Какой там счет?

— Один-один, — сипло ответил Сашка, рискованно качнувшись к экрану.

— Смотри, еще до удара по мячу ответил, любит он тебя, ой, любит! —

подпихнула меня локтем в бок довольная свекровь.

— Да куда ты ломишься?! — Мой любящий муж заорал, и я испуганно отпрыгнула подальше в коридор. — Отдай мяч, баран! Вон же справа — свободный! По флангу надо, по флангу, тупой ты дятел!

— Это он не тебе, — успокоила меня мудрая женщина.

Сашка закончил экспрессивный монолог, адресованный «тупому дятлу», и обессилено повалился на диванные подушки.

— Откатываемся, — потянула меня за рукав свекровь и по пути в кухню деловито проинформировала: — По статистике, во время чемпионата мира количество разводов увеличивается в шесть раз!

— Так, может, мы напрасно рискуем? — Я опасливо прислушалась.

— Милая, тебе надо воспитывать в себе бойцовские качества! — с укором сказала Ольга Пална. — Предельная самоотдача и сохранение инициативы до последней минуты брачной игры — это именно то, что позволит вам с Сашей благополучно дожить до золотой свадьбы!

Тем временем телевизионный комментатор с прискорбием сообщил, что обычно быстрый и решительный нападающий Ганы (он же баран, он же тупой дятел) не подтвердил на этой игре свою репутацию превосходного бомбардира.

— Подождем, пока подтвердит, — постановила свекровь и включила чайник.

Некоторое время мы чутко прислушивались, прихлебывая горячий

напиток и изредка обмениваясь несущественными репликами. При этом Ольга Пална поглядывала на часы.

— Ну же! Давай, милый, давай, хороший! — Из гостиной донесся молящий голос моего мужа.

Я ревниво отметила, что не помню, чтобы он когда-нибудь о чем-либо так горячо и страстно просил меня!

— Вставай со скамейки, выходим на поле! — поспешно сдернула меня со стула свекровь.

— Давай-давай-давай! — слаженно тянули дуэтом наши мужчины.

Стремительная атака по правому флангу... — заистерил комментатор.

Мы со свекровью резвой рысью пробежались по коридору и ворвались в гостиную как раз на концовке ликующего вопля:

— ...завершилась точным прицельным ударом!!!

— Ур-р-ра! — завопили болельщики, то бишь наши мужья.

На последнем метре свекровь технично обошла меня и оказалась в объятиях супруга секундой раньше, чем я.

— Катька-а-а-а! Мы выиграли! Победа за нами! — Ликующий Сашка тискал меня, как плюшевую игрушку, и тряс, как копилку.

— Победа всегда будет за нами! — Свекровь с намеком подмигнула мне из-за плеча супруга, обнимающего ее с неистовым пылом новобрачного.

— Спасибо, тренер! — благодарно улыбнувшись, тихим шепотом ответила я. ☐

«Явление Христа народу»

Если бы в искусстве была своя книга Гиннеса, эта картина, несомненно, нашла бы место на ее страницах. И действительно — двадцать лет (с перерывами) работы, огромные размеры (5.4 x 7.5 метра), несколько сотен набросков, эскизов, этюдов, многие из которых имеют самостоятельную художественную ценность. И полное неприятие современников картины, ныне признанной одним из самых ярких достижений русского искусства...

«Иванов — целая загадка. С одной стороны, кто из русских его не знает? И с другой — никто из русских людей его не знает», — писал в начале прошлого столетия Сергей Дягилев. Этот художник — яркий, самобытный,

стоит особняком в ряду российских живописцев. Многие считают его самым выдающимся художником XIX века — ведь ему удалось опередить свое время и определить пути развития русского искусства...

*Александр
Андреевич
Иванов.
Автопортрет*

Александр Иванов не имел аристократических корней — его отец Андрей Иванов не знал своих родителей, он вырос в московском Воспитательном доме. Когда там обратили внимание на его способности к рисованию, мальчика — среди 28 сирот — определили учиться в Академию художеств. Вот такое случилось порой в царской России. И трудолюбивый юноша достиг больших успехов — стал впоследствии профессором Академии! Женился он на Екатерине Ивановне Демерт, дочери мастера позументного цеха, об-

русевшего немца, и 16 июля 1806 года у них родился сын Александр. В семье много говорили об искусстве, в доме всегда бывали ученики и коллеги-художники профессора Иванова, и не удивительно, что младший Иванов начал рисовать еще совсем в раннем возрасте. По-няв, что у сына талант к живописи, отец решил отдать его на учебу в Академию, и в одиннадцать лет Саша становится вольноприходящим учеником — сначала в классе отца, а потом профессора А.Е. Егорова. Он демонстрировал такие способ-

ности, что многие просто не верили в авторство его работ — наверняка, говорили, тут приложил руку отец! Конечно, отец всегда был самым большим авторитетом для Александра, но все его работы были сделаны абсолютно самостоятельно.

За успехи в рисовании юноша получил две серебряные медали, в 1824 году, за картину «Приам, спрашивающий у Ахиллеса тело Гектора» — малую золотую, а в 1828 году — большую золотую медаль за полотно «Иосиф, толкующий сны заключенных с ним в темницу виночерпию и хлебодару».

Летом 1830 года Иванов отправляется на четыре года в Рим как пенсионер Общества поощрения художников — «для усовершенствования в исторической живописи». По строгим правилам Общества, в первый год пенсионер должен «осуществить осмотр достопримечательностей» (архитектурных и живописных), во второй год — «исполнить картон в натуральную величину с картины Микель Анджело, что в капелле Сиксовой в Ватикане, изображающей Сотворение человека», а в третий — заниматься уже «произведением картины собственного сочинения». Уезжая из России, двадцатичетырехлетний Александр и не думал, что вернется на родину через 28 лет, и многих родных и близких людей больше не увидит...

Сын питомца Воспитательного дома и профессора петербургской Академии художеств едет через Вену в Милан, а затем в Рим, Вечный город, столицу тогдашней мировой художественной жизни, куда

устремлялись молодые художники со всего мира — приобщиться к античности и постигать творения мастеров Возрождения. И наконец — великая фреска Микеланджело, встреча с великим бунтарем, с его философскими и художественными идеями, с его искусством...

Что же станет темой его собственной картины, размышлял молодой художник. Он тоже должен выбрать такой сюжет, который заставит людей думать и сопереживать, сюжет, который никого не оставит равнодушным. И глубоко верующий Иванов вдруг понимает: самый главный момент в истории человечества — это встреча с Богом человеком, первая встреча с Христом, когда еще мало кто из людей осознает, какое трагическое и прекрасное будущее ждет Его...

А в кафе Греко, где по вечерам собиралась вся римская богема, шли жаркие споры о работах старых мастеров, о путях развития искусства, о политике, о роли Церкви и религии — здесь, в цитадели католицизма, рядом с Ватиканом, проносились порой весьма крамольные речи. Все это не могло не повлиять на мировоззрение молодого русского художника. Первым его ответом на собственные вопросы и вопросы времени стало небольшое полотно «Явление Христа Марии Магдалине после Воскресения» (1835). Эта картина, написанная за год, была отправлена в Россию, имела там большой успех — за нее Иванову присвоили звание академика Академии художеств. Тщательно протудировав Евангелия

и философско-религиозные труды, он создал выразительнейшую и глубоко драматичную двухфигурную композицию. Иванов выбрал момент, когда Христос останавливает порыв Марии, узнавшей Его и устремившейся к Нему. Христос словно говорит: «Погоди, не прикасайся ко мне!» Художнику блестяще удалось передать эмоциональное напряжение этой сцены. В письме к отцу Иванов писал, что сам чрезвычайно доволен тем, как у него получились и порыв Марии, и жест Христа. Очень трудно было добиться нужного выражения лица у натурщи, этой сложной смеси горя и вновь обретенной надежды. И тогда он придумал оригинальный способ: попросил девушку, позировавшую ему, держать в руках лук, а когда у нее начинали течь слезы, рассказывал ей что-нибудь смешное, заставляя ее смеяться.

В начале 1836 года картина была выставлена в Капитолии, среди полотен самых разных художников, работавших тогда в Риме. Имя Иванова сразу стало известным — очень уж его работа выделялась на общем, надо сказать, далеко не слабом фоне.

В это же время у Иванова родился замысел его главной картины — «Явления Христа народу». Одновременно с «Явлением Христа Марии Магдалине» Иванов отправил в Петербург в Общество поощрения художников и кальку с последнего эскиза новой работы. Начался главный этап его творческой жизни — создание картины, ставшей, наверное, главной для всего русского искусства XIX века.

Двадцать лет жизни, двадцать лет непрерывного труда, отшельничества, жертвования во имя искусства и воплощения своих философских и художественных идей... Это был настоящий подвиг!

Итак, явление Христа народу во время крещения в Иордане. Сюжет, выбранный Ивановым, — один из важнейших в христианстве, это момент встречи Ветхого и Нового заветов, начало новой истории. Иоанн Предтеча, крестящий иудеев в водах Иордана, вдруг видит Того, во имя которого он совершает крещение. Это и момент пророчества явления, и момент самого явления. Бледное, выразительное лицо Иоанна, вся его фигура, в которой — потрясение близостью Мессии, великолепно написаны художником. Иоанн говорит людям: вот Он, Тот, что идет за мной, Тот, кто примет жертву за вас. И мы видим — на отдалении от всей этой живописной группы идет Иисус. Он несет людям Добро и Любовь, свет истины и милосердие. К людям идет Тот, кому суждено взять на себя все грехи человеческие и умереть на кресте. Некоторая неясность в очертаниях фигуры Христа говорит о его непостижимости простым человеком. Идет Христос по направлению к фарисеям, грешникам, словно вынося им приговор — «Я пришел не праведников, но грешников призвать к покаянию». **(Евангелие.)**

По-разному воспринимают благую весть люди. Одни — с надеждой и верой, с готовностью идти за Учителем и стать мучеником во имя великой Идеи, другие — скептически,

Явление Христа Марии Магдалине после Воскресения, 1835

словно говоря — мы еще посмотрим, что из всего этого выйдет, а третьи — уже просто с презрением и злобой, они не способны принять ничего нового, как фарисеи и седукеи. Каждый персонаж картины — старики и юнцы, рабы и господа, богатые и нищие, колеблющиеся и безучастные, добрые и злые — написан так, что зритель словно слышит биение их сердец. Иванов действительно был настоящим мастером, и его герои на полотне — по настоящему живые. Недаром он разыскивал по всей Италии натурщиков, способных превратиться в жителей древней Иудеи, — в синагогах и церквях, в еврейских кварталах, на рынках и улицах, и рисовал, рисовал бесчисленные этюды,

лица нужный ракурс, нужное выражение лица, нужный поворот.

Особое значение Иванов придавал пейзажу, и хотя Общество поощрения художников не выделило ему деньги на поездку в Палестину, он использовал для картины итальянские ландшафты, жил месяцами среди Понтийских болот и в разных итальянских захолустьях, стараясь воссоздать на полотне природу Святой Земли. Он никогда не считал себя пейзажистом, но с увлечением писал этюды — горы в Неаполе, «реку чистой и быстро текущей воды» (А. Иванов) в Субиако, старую Аппиеву дорогу в Риме, предвосхищая в своих работах открытия импрессионистов.

В те годы в Риме жил Николай Васильевич Гоголь. Эти двое русских — их однажды познакомил другой замечательный русский человек, поэт Жуковский — стали близкими друзьями. Гоголь писал «Мертвые души», Иванов создавал свое «Явление...», и каждый надеялся, что его творение пробудит совесть народа, сделает его чище, благороднее, возвышеннее... (Кстати, в некоторых персонажах картины можно увидеть черты писателя.)

В декабре 1838 года в Рим, в сопровождении Жуковского, прибыл цесаревич Александр Николаевич. Он с огромным интересом знакомился с Вечным городом, его музеями и храмами, встречался с представителями многочисленной русской колонии и однажды, по предложению Жуковского, побывавшего как-то в гостях у Иванова и потрясенного его «Явлением...», посетил мастерскую уже довольно известного в России художника. Наследнику картина (еще не законченная, конечно) очень понравилась, и он пожаловал Иванову денежное вспомоществование на три года — дабы тот закончил свое грандиозное полотно. Это оказалось очень кстати, ведь Общество поощрения художников официально объявило Иванову о том, что оно закончило финансировать его пребывание в Риме.

Гоголь был счастлив за друга и считал, что в этом успехе есть и доля его заслуги!

А однажды он буквально затащил своего приятеля-затворника в дом Апраксиных, семейства, близкого ко двору, богатого и весьма влия-

тельного. Апраксины, мать и две дочери, прибыли в Италию в 1848 году. В Риме им понравилось, и они решили постоянно проводить тут зимы. Иванов, обычно чрезвычайно сдержанный, неразговорчивый, почувствовал себя в этом гостеприимном доме настолько хорошо и свободно, что даже делился своими размышлениями, планами, и оказался весьма мил в общении. А потом он влюбился — отчаянно, как мальчишка, в младшую из сестер Апраксиных, в графиню Марию Владимировну. Очаровательная, образованная, владеющая несколькими европейскими языками, любительница музыки и живописи, она тоже увлеклась художником. «Молодая дама, знатная происхождения, соотечественница, прелестная, добрая душа, полюбила меня горячо, простила мне недостатки и уверила меня в постоянстве. Если я не отвечу на все это святостью моей жизни, без сомнения, буду подлец из подлецов», — писал он одному из своих друзей. Наивный и чистый человек, Иванов совсем забыл о разнице в общественном положении — своем и своей Машеньки, забыл о том, что она богата, а он, по сути, нищий. Гоголь, которому он признался в своих чувствах, предупреждал — эта девушка не для него, но Иванов не хотел ничего слушать и даже поссорился с писателем. Однако все случилось так, как предсказывал мудрый Николай Васильевич — Машу выдали замуж за высококородного князя Мещерского.

Для Иванова это была настоящая трагедия. Рушились все его надеж-

ды на личное счастье, мечты о семье, с милой женой и детишками, оказались иллюзией. «Вне студии я довольно несчастлив, и если б не студия, давно бы был убит», — признавался он другу.

И тогда картина, его детище, заменила ему все — любовь, свет, людей... Он все реже и реже покидал мастерскую. «Я встаю со светом, работаю в студии до полудня, иду отдохнуть в кафе, чтобы приготовить свои силы, дабы начать работать с часу до сумерек, — писал Иванов. — Устав, таким образом, я рад бываю добраться до кресел или постели вечером. Только по воскресеньям я позволяю себе ничего не делать, и тут пишу письма, если уж очень нужно отвечать. Всякое отступление от этого порядка было бы преступлением против моей картины, которая теперь составляет для меня все...»

Он заперся в своем мире, в своей студии, редко кого допускал туда и сам редко выходил оттуда. Иногда все-таки выбирался в Ватикан — полюбоваться Рафаэлем, Микеланджело, античными скульптурами. Шли годы, а Иванов все никак не мог закончить картину — она стала частью его жизни, частью его существования. А вокруг все бурлило — в 1848 году Европу охватила волна революций, все только и говорили об этом. А потом в Рим приехал Герцен, и его мощный интеллект не мог не захватить художника. Иванов, чувствуя пробелы в своем историческом и философском образовании, попросил друзей прислать ему труды самых прогрессивных по тем

временам ученых. Он размышлял о судьбах мира, о философских и религиозных учениях и постепенно словно перерастал того, кто задумывал и воплощал на холсте «Явление...». «Мои труды — большая картина — более и более понижаются в моих глазах. Далеко ушли мы, живущие в 1855 году, в мышлениях наших тем, что перед последними решениями учености литературной основная мысль моей картины почти совсем теряется, и, таким образом, у меня едва достигает духу, чтобы более совершенствовать ее исполнение... Вы, может, спросите меня, что ж я извлек из последних положений литературной учености? Тут я едва могу назваться слабым учеником, хотя и сделал несколько проб, как ее приспособить к нашему живописному делу». Иванов говорил о серии акварельных набросков фресок, которые он задумал для «Храма человечества», посвященного истории всех религий, храма примирения всех верующих, храма любви, веры, надежды, который он надеялся создать в России. Понятное дело, это было несбыточной мечтой — ну, кто позволил бы ему в ортодоксальной православной России построить такой храм? Но остались акварели, и это поистине гениальные работы, далеко опередившие свое время, словно написанные нашим современником — стремительные, легкие, летящие, изящные, светящиеся каким-то внутренним светом. Это уже совсем другой Иванов — великий живописец и великий мыслитель, сравнимый с гениями Возрождения. Недаром Черны-

*Первоначальный вариант картины
«Явление Христа народу»*

шевский писал, что Иванов «принадлежал по своим стремлениям к небольшому числу избранных гениев, которые решительно становятся людьми будущего». Но все это станет понятно гораздо позже...

В 1857 году художник, наконец, открыл двери мастерской и позволил посетителям увидеть свое детище. Первой стала вдовствующая императрица Александра Федоровна, оказавшаяся тогда в Риме. Картина произвела на нее сильное впечатление. А потом и весь Рим потянулся в мастерскую этого странного русского. Некоторые просиживали перед картиной часами. Успех был невероятный. Иванову предложили привезти картину в Париж, но он вдруг заспешил на родину — ведь именно для России он создавал свое творение. В феврале 1858 года картину зашла

посмотреть великая княгиня Елена Павловна. Потрясенная увиденным, она обещала оплатить все издержки по доставке полотна в Петербург.

И вот после сложнейшего путешествия Иванов приехал вместе со своим «Явлением...» в Россию. Он был полон планов — собирался создать художественную школу, поддерживать молодых художников, развивать свои новые идеи. Мечтал все-таки совершить путешествие в Палестину, которое пока так и не случилось в его жизни, а потом поселиться в Москве и построить там «Храм человечества». Но на родине его ждало страшное разочарование. Его главная картина, «Явление Христа народу», русским народом понята не была! 28 мая 1858 года ее показали императору и членам императорской семьи. И хотя царь по-

жал художнику руку и расспрашивал о картине, вскоре стало ясно, что она не восхитила двор, как совсем недавно «Гибель Помпеи» Брюллова. Затем полотно перевезли в зал Академии художеств и открыли для публики. Но и здесь картину приняли довольно прохладно, а некоторые критики и вовсе разразились ругательными рецензиями. Писали, что автор не оправдал возложенных на него надежд и ожиданий, что он изобразил на своей картине каких-то евреев, что ни композиционное, ни изобразительное решение не отвечает требованиям исторического жанра. Тогдашнему обществу, представителям академических кругов оказалось не под силу оценить новаторство этой живописи и композиции, глубину идей, ее породивших, зато молодые российские художники почувствовали нерв, свежесть, жизнь, философское наполнение творения Иванова. Им восторгались Иван Крамской, молодой профессор Академии Чистяков, а славянофил Хомяков писал: «Видеть картину Иванова не только наслаждение, но гораздо большее — это событие жизни». К сожалению, таких восторженных голосов было совсем немного.

Иванов страшно разочаровался тем, как встретила родина его детище. Он ждал от царя хорошего вознаграждения, но по Петербургу поползли слухи, что художнику заплатят всего 10 или даже 8 тысяч рублей — вместо обещанных 30! После очередной поездки ко двору, когда его снова не соизволили принять, он, безмерно оскорбленный, слег. Говорили, заболел холерой. А спустя три дня,

3 июля 1858 года, Александр Иванов, великий русский художник, скончался. По иронии судьбы, через несколько часов после его смерти придворная канцелярия прислала к нему посылного — царь уведомлял Иванова, что жалует его орденом Святого Владимира и 15 тысячами рублей за его картину. В газетах появились некрологи. В одном из них (скорее всего, написанном В. Боткиным) говорилось: «Кто ценит и гордится замечательными людьми нашего отечества, тот поймет всю важность этой потери... Он был твердый боец и вышел из боя победителем. ...Кроме своих художественных достоинств он имел нежную душу и по-детски простодушное сердце».

Сегодня «Явление...» хранится вместе с множеством этюдов, набросков и рисунков в Третьяковской галерее — картине отдан отдельный зал. О ней и ее создателе написано множество книг и статей. С годами стало ясно, что это полотно — одно из главных в истории русского искусства и вообще в истории русской культуры. Все очевиднее становится поразительное художественное мастерство Александра Иванова и его способность задавать людям самые главные вопросы. Какова роль отдельного человека в жизни общества? Способны ли люди внимать своим пророкам? Способны ли прислушаться к их предупреждениям? Или лучшие и мудрейшие из нас всегда обречены на то, чтоб под улюлюканье и крики толпы «Распи его! Распи его!» быть распятыми?

Мы и сейчас не можем дать на них ответы... □

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ

МОДЕРН

Кто из нас не гулял по Москве и не заглядывался на особняк Морозова, дом Рябушинского, здание МХАТа? Кто не думал про себя: «Вот это да!» Но наше восхищение — не просто дань изящным линиям и приятной окраске стен. Это дань уважения архитектору, дань уважения тому стилю, который появился во многом благодаря одному человеку — Федору Осиповичу Шехтелю.

Стиль «модерн» (он же «арт-нуво» и «либерти») пришел в Россию из Бельгии. Таким же «иностранцем» был и Шехтель, только его предки приехали в Россию при Екатерине Великой из Баварии. С тех пор старших дочерей в семье было принято называть в честь императрицы.

Отец Федора Осиповича — Осип Осипович — родился уже в Петер-

бурге, поэтому семью смело можно называть «обрусевшей». Однако все они были католиками, и юный Федор также окончил Саратовскую католическую семинарию. Саратовскую — потому что вскоре после рождения Федора (тогда еще Франца-Альберта) в 1859 году семья переехала в Саратов, где Осип Осипович и его братья владели ткацким производством, крах-

мальным заводом, магазином в центре города и гостиницей.

В 1867 году семью постигло большое горе — Осип Осипович скончался. Его братья вскоре оказались по уши в долгах. Поскольку наследство у братьев было общим, мать Шехтеля, Дарья Карловна, осталась без средств к существованию. Двоих детей она вынуждена была отдать в чужие семьи, а сама поступила в экономки к Павлу Михайловичу Третьякову. Впрочем, словом «экономка» трудно описать те отношения, что царили в доме великого почитателя искусства. Дарья Карловна была другом и практически членом семьи Третьяковых. Именно поэтому ее сын Франц мог бывать в знаменитом доме, общаться с гостями хозяина и вливаться в тот самый круг общения, который, быть может, и помог ему выбрать свою стезю.

Началось все со знакомства с Александром Степановичем Каминским. Знаменитый архитектор предложил юному Шехтелю поучаствовать в конкурсе на создание проекта здания Исторического музея, затем пригласил поучиться в своей мастерской. После такого курса Шехтель смог поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Однако в училище он провел всего два года. То ли наскучило ему изучать теорию и захотелось практики, то ли понял, что все знания, которые мог получить, он уже получил... Шехтель ушел из училища и вновь обратился к Каминскому — с подачи мэтра юный архитектор на-

чал строить свое первое здание — дом на Немецкой улице.

После этого проекта он сотрудничал со многими другими архитекторами, набираясь у них опыта и знаний.

Но изначально Шехтель вовсе не был приверженцем только архитектуры. Получив художественное образование, он работал и в журналах, и на оформлении театральных костюмов и павильонов, и даже как виньетист.

В 1879 году Федор познакомится с человеком, которому суждено было стать его другом на долгие годы — с Антоном Павловичем Чеховым.

Их судьбы оказались во многом схожи — обоим приходилось много работать, чтобы добиться признания, оба были из довольно бедных семей, и оба стремились к успеху.

Особняк Рябушинского, внутренняя архитектура

Особняк Рябушинского, ул. Никитская архитектор Ф.О. Шехтель

Когда Шехтель оформлял один из сборников рассказов Чехова, писатель высказался так: «Книга внешностью превзошла... ожидания... но внутри она не тово...» В умении посмеяться над собой Чехову, разумеется, не откажешь.

Но вряд ли виньетки были тем, чем Шехтелю хотелось бы заниматься всю оставшуюся жизнь. И к середине 1880-х годов он попытался начать самостоятельную архитектурную практику.

Признание, как ни странно, пришло к нему довольно быстро. Уже в 1893 году он строит одно из знаменитейших своих зданий — особняк

Морозова на Спиридоновке — «живое», по мнению многих, пространство, органично вписанное в город. Морозов, как личность, заслуживает, разумеется, отдельного разговора, но нельзя не сказать, что Шехтель прославился в Москве именно благодаря Морозову — Морозовский особняк стал одной из визитных карточек архитектора. Сам же Морозов оказывал большую помощь МХАТу: регулярно вносил жертвования на строительство и развитие театра, был инициатором и председателем правления паевого товарищества по эксплуатации театра и, конечно, стал инициатором

*Особняк Морозова,
ул. Воздвиженка*

строительства нового театрально-го здания в Камергерском переулке, которое строил Федор Осипович Шехтель.

*Особняк Морозова,
внутренняя архитектура*

Здание МХАТа, со знаменитой чайкой на фасаде, у большинства жителей столицы ассоциируется с А.П. Чеховым, К.С. Станиславским, с В.И. Немировичем-Данченко, но гораздо реже — с Шехтелем и Саввой Морозовым.

А ведь именно Морозов нашел помещение и лично руководил строительством, хотя, разумеется, доверял Шехтелю. А тот работал над проектом театра бесплатно.

Федор Осипович построил технически совершенный театр: сложная сцена с приводным механизмом, идеальное освещение сцены и зала, ковры, ходить по которым можно

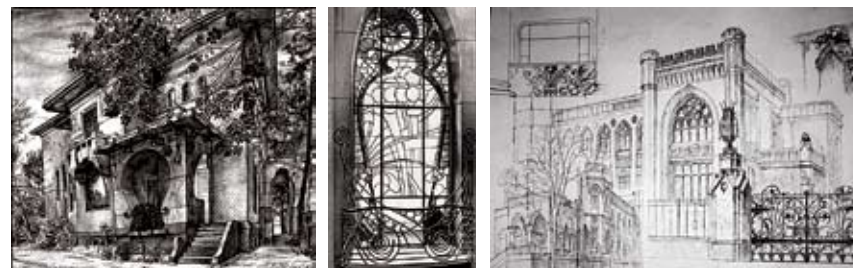
Ярославский вокзал

абсолютно бесшумно. Вся труппа была в восторге. А по зданию «лета-ла» знаменитая чайка...

Архитектору удалось создать нечто принципиально новое — театр из нарочито-претенциозного превращался в легкий, настоящий,

«чеховско-станиславский». И интерьеры нового здания, построенного Шехтелем, только способствовали этому.

Шехтель был новатором во многом. В России стиль модерн появился именно благодаря ему, так

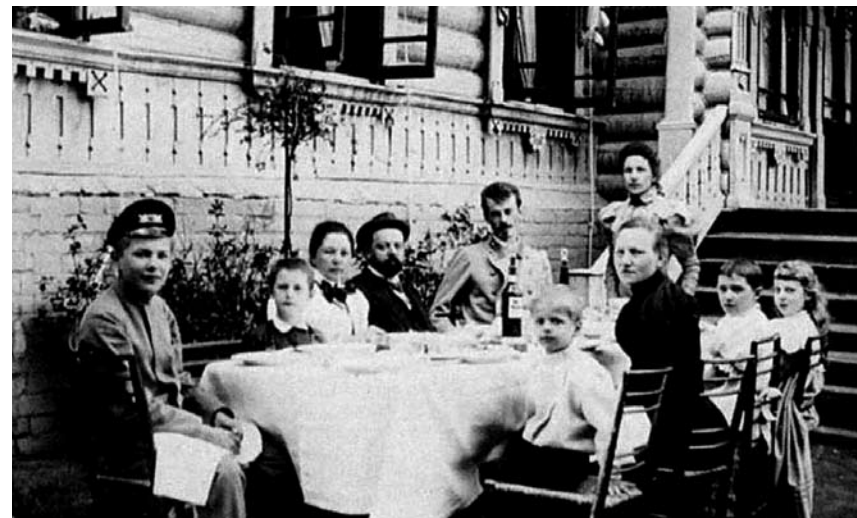
же, как и орнаментальная азбука — подсолнух символизировал солнце, лилия — трагедию, дерево — рай, маки — сон. В доме Рябушинского на Малой Никитской улице архитектор использовал все эти символы, показывая современникам, как можно говорить на языке модерна. Дом Рябушинского сохранился и по сей день, в основном потому, что в советское время в нем располагались различные организации, а позже — мемориальный музей-квартира Горького.

В профессиональном мире Шехтель тоже получил признание довольно быстро. В 1901 году Импера-

торская академия художеств присвоила Федору Осиповичу звание академика архитектуры за проект павильонов Русского отдела на международной выставке. К своему «академству» Шехтель, не имеющий, по сути, специального образования, относился очень серьезно. А вот друг Чехов подшутил над ним, написав в телеграмме: «Милого академика сердечно поздравляю».

Однако, как известно, сапожник всегда остается без сапог... Для своей немаленькой семьи Шехтель в разное время построил два особняка — один из них располагался на Большой Садовой, 4. После рево-

Особняк А.И. Дерожинской, Кропоткинский пер.

Ф.О. Шехтель в кругу семьи

люции 1917-го оба были реквизированы новой властью. Когда в 1918-м национализировали особняк на Б. Садовой, Шехтель был вынужден скитаться по разным квартирам. А потом его взяла к себе дочь Вера, жившая на Малой Дмитровке. Умер он 7 июля 1926 года, похоронен на Ваганьковском кладбище.

Судьба его детей сложилась по-разному: сын Лев Фёдорович, носивший фамилию Жегин (по матери), стал живописцем и теоретиком искусств. Занимался исследованием формально-композиционных основ древнерусского искусства. Сын Иван трагически погиб. Дочь Екатерина (Китти) Фёдоровна Шехтель посвятила себя воспитанию племянников и внучатых племянниц. Дочь Вера Фёдоровна Шехтель (Тонкова) — художник-оформитель,

в ранней юности была участницей движения футуристов и возлюбленной Маяковского. Она — мать знаменитого актера советских времен Вадима Тонкова — Вероники Маврикиевны Мезозойской.

Большинство из зданий, построенных Шехтелем, давно уже стали памятниками архитектуры, а вот музея самого архитектора в Москве так и нет... Может, пора исправить эту несправедливость? □

БАГРАТИОН

Светлана Бестужева-Лада

БОГ РАТИ ОН

«Князь Петр», как ласково называл Багратиона великий А.В. Суворов, в историю русской армии вошел как на редкость популярный в ее рядах человек. И дело было не столько в его темпераментном характере, неустрашимости, умении «дойти до сердца» солдата, сколько в постоянной настроенности на геройские поступки, совершаемые им многократно на полях брани во всех войнах, в которых ему довелось участвовать в сержантских, офицерских и генеральских чинах... Кавалер всех высших российских орденов, генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион — один из самых популярных военных вождей в России. Потомок грузинского царского дома...

Потомок-то потомок, но... от побочного сына карталинского царя Иессе Багратиона — Александра, сбежавшего из Грузии в Россию из-за разногласий с правящим царским домом. В 1759 году Александр Иессевич был зачислен подполковником в кавказскую дивизию. Его сын Иван всю

жизнь прослужил в комендантской команде при Кизлярской крепости, русского языка так и не осилил и вышел в отставку в чине майора.

Правда, существует и другая версия, точнее, другое генеалогическое древо генерала Багратиона, куда более лестное для него. По этой версии он происходил из древнего рода ца-

Строитель, освободивший страну от гнёта турков-сельджуков и разбивший в августе 1121 г. войском в 55 000 человек коалицию всех мусульманских государств в 450 000 человек; легендарная царица Тамара, период царствования которой был «Золотым Веком» в истории Грузии; царь Гиоргий VI Блистательный,

рей юго-восточной части Грузии. В 975 г. царь Баграт объединил всю Грузию и положил начало Багратионовской династии царей Грузии. Среди предков П.И. Багратиона были такие выдающиеся государственные деятели, как царь Давид IV

изгнавший в 1334 г. из Грузии монгольские полчища и вернувший Грузии отобранные у неё несколько веков тому назад грузинские монастыри на Святой Земле; цари Гиоргий VII, Баграт V, Луарсаб, Симон, Ираклий II и многие другие...

История Грузии в этом варианте действительно неразрывно связана с родом Багратионов. В числе предков Петра Багратиона был царь Вахтанг VI, выдающийся государственный и общественный деятель Грузии первой половины XVIII в. В 1723 г. после нескольких лет борьбы с Ираном и Турцией, Вахтанг VI вместе со свитой в 1200 человек покинул Грузию и переселился в Россию. Племянник (а не побочный сын!) царя Вахтанга, Александр Иесеевич Багратион, оставшийся в Грузии для борьбы против турков, также был вынужден в 1757 г. переселиться в Россию, где он поступил на военную службу в русскую армию. В чине подполковника он принимал участие в боевых действиях русских войск на Северном Кавказе по обороне юго-восточных границ России. Там же проходил военную службу его сын Иван Александрович.

Пётр Багратион родился в Кизляре в 1769 году — задолго до присоединения Грузии к Российской империи. А сама ветвь карталинских князей Багратионов (предков Петра Ивановича) была внесена в число российско-княжеских родов только 4 октября 1803 года при утверждении императором Александром I седьмой части «Общего гербовника».

Так что, несомненно, царских кровей, но с уже весьма сомнительными правами на грузинский престол и совершенно никак не связанный со своей исторической родиной. Только фамилией.

Детские годы Пётр Багратион провёл в родительском доме в Кизляре.

А военную службу начал в 1782 году рядовым в Астраханском пехотном полку, расквартированном в окрестностях Кизляра. Первый боевой опыт приобрёл в 1783 году в военной экспедиции на территорию Чечни. В неудачной вылазке российского отряда против восставших горцев шейха Мансура в 1785 унтер-офицер Багратион был захвачен в плен, но затем выкуплен царским правительством.

Вряд ли подобное начало карьеры можно назвать блестящим.

В июне 1787 года ему было присвоено звание прапорщика Астраханского полка, который был преобразован в Кавказский мушкетёрский. Там Багратион служил до июня 1792 года, последовательно пройдя все ступени военной службы от сержанта до капитана, а с 1792 года — в Киевском конноегерском и Софийском карабинерном полках. Участвовал в русско-турецкой войне 1787–1792 годов и Польской кампании 1793–1794 годов. Отличился 17 декабря 1788 года при штурме Очакова, но никаких наград не имел.

Военная карьера Багратиона, возможно, не была бы столь блестящей, если бы волею случая он не попал под командование Александра Суворова. В Итальянском походе 1799 г. генерал-майор Багратион, командуя авангардом армии, взял штурмом цитадель г. Брешиа (10 апреля), атаковал и занял г. Лекко, причем был ранен пулей в ногу, но остался в строю, продолжая руководить боем.

16 апреля армия Моро была разбита Суворовым на Адде, Милан

*Генерал-майор
Пётр Багратион*

был занят, и на очередь встала переправа через реку По. Отряд Багратиона, составляя авангард, 21 апреля переправился через нее и двинулся к Тортоне. 28 апреля Багратион продвинулся к крепости Алессандрии и этим движением пресек прямое сообщение французов с Генуей. 6 мая, согласно диспозиции Суворова, Багратион спешил к Сан-Джулиано, чтобы составить боковой авангард армии при фланговом движении ее к р. Сезии. Услыхав выстрелы у Маренго, Багратион повернул на помощь австрийцам, великодушно уступил общее командование младшему в чине, генералу Лузиньяну, пристроился к нему с обоих флангов и увлек союзников в стремительную атаку с барабанным боем.

Когда одна из французских колонн пыталась обойти правый фланг союзников, Багратион со своим 7-м егерским полком и казаками кинулся ей навстречу и отбил удар. Моро приказал отступить. Попытка французов прорваться в Геную не удалась.

6 июня утром пришло известие, что Макдональд атаковал австрийцев, Суворов тотчас же взял из авангарда казачьи полки, австрийских драгун и вместе с Багратионом повел их к месту боя. В три часа дня он был уже там и лихой кавалерийской атакой задержал натиск французов до подхода пехоты авангарда. Когда она показалась, Багратион подошел к Суворову и, видимо не уясняя себе важности минуты, вполголоса просил его повременить с атакой, пока не подойдут отсталые,

ибо в ротах нет и 40 человек. Суворов отвечал ему на ухо:

— А у Макдональда нет и по 20, атакуй с Богом! Ура!

Багратион повиновался. Войска дружно ударили на неприятеля и отбросили его в большом беспорядке за реку Тидоне. Макдональд собрал свою армию на Требию и 7 июня принял на левом ее берегу новую атаку Суворова, во время которой Багратион был ранен. Однако и вторая рана Багратиона в эту кампанию не вывела его из строя.

4 августа у Нови Суворов возложил на Багратиона решительный удар. Затем последовал легендарный поход суворовских войск через Швейцарию. Багратион шел то во главе их, первым принимая на себя все удары противника, первым преодолевая все преграды, которые ставила им дикая природа гор, то в арьергарде — сдерживая натиск французов, и когда наконец русские войска выбрались благополучно из той западни, в которую заманил их не только противник, но и союзник, в полку Багратиона оставалось всего лишь 16 офицеров и 300 нижних чинов. Сам он был в третий раз за эту войну ранен в сражении при Клэнтале.

Так что знаменитую суворовскую «науку побеждать» Багратион осваивал на практике под личным руководством легендарного полководца. И оказался достойным учеником. Итальянский и Швейцарский походы прославили Багратиона как превосходного генерала, особенностью которого являлось полное хладнокровие в самых трудных положениях.

За свои подвиги Пётр Иванович был награжден Орденом Святого Александра Невского с алмазами, Орденом Святой Анны Первой степени, орденом Мальтийского Святого Иоанна Иерусалимского командора с алмазами, Австрийским Военным орденом Марии-Терезии второй степени и Сардинским орденом Маврикия и Лазаря.

Следствием всего этого явилось живейшее расположение императора Павла Первого к молодому, энергичному генералу, который, как признавался Павел, «воплощает в себе мои лучшие мечты об участии в сражениях». По возвращении в Россию Багратион был назначен шефом лейб-егерского батальона, переформированного впоследствии в полк, и оставался им до своей смерти.

Вообще после Швейцарского похода Суворова князь Багратион приобрёл популярность в высшем свете. А в 1800 году получил от императора неожиданный сюрприз: монарх повелел ему жениться на одной из фрейлин императрицы, восемнадцатилетней графине Екатерине Павловне Скавронской, по скандальным слухам того времени — одной из многочисленных мимолетных пассий любвеобильного императора, а также любовнице графа Палена.

Впрочем, могла быть и другая причина для этого брака: дочь Павла, великая княжна Екатерина, слишком уж откровенно флиртвала с бравым генералом на придворных балах, мечтая сделаться «грузинской царицей». По фантастичности

план был вполне в духе самого Павла, но беда была в том, что император не терпел самодеятельности в вопросах бракосочетания своих подданных. Да еще с такими далеко идущими геополитическими планами.

Венчание Багратиона и Скавронской состоялось в сентябре 1800 года в церкви Гатчинского дворца, чуть ли не на следующий день после очередного бала, где генерал опять вальсировал с великой княжной Екатериной. Вот что писал об этом союзе один из очевидцев-придворных:

«Багратион женился на внучатой племяннице князя Потёмкина... Эта богатая и блестящая пара не подходила к нему. Багратион был только солдатом, имел такой же тон, манеры и был ужасно уродлив. Его жена была настолько бела, насколько он был чёрен; она была красива как ангел, блистала умом, самая живая из красавиц Петербурга, она недолго удовлетворялась таким мужем...»

Судя по всему, автор письма просто завидовал Багратиону. Пётр Иванович отнюдь не был уродом и с манерами у него все было в порядке. Среднего роста, худощавый, мускулистый брюнет с типичным грузинским лицом, на котором сильно выдавался орлиный нос, дававший повод к ряду острот, шуток и анекдотов, Багратион был некрасив, но всей своей фигурой производил сильное впечатление: солдаты называли его «Орлом». Но еще более сильное впечатление производил он на окружающих славой своих под-

вигов и репутацией суворовского любимца и ученика.

Иначе не увлеклась бы им признанная умница великая княжна Екатерина Павловна, прозванная, к тому же «Красой России». Правда заключалась в том, что ее тёзка, ставшая супругой генерала, не столько блистала умом, сколько была «самой живой» из великосветских дам, и изменять мужу стала сразу после трагической кончины императора Павла, то есть через полгода после свадьбы. Причем не делая из этого особой тайны: бояться ей больше было некого.

Гораздо более точную и справедливую характеристику Петру Багратиону дал генерал Алексей Петрович Ермолов:

«Князь Багратион... Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей... Подчинённый награждался достойно, почитал за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчинённый не повиновался с большею приятностью. Обхождение его очаровательное! Нетрудно воспользоваться его доверенностью, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный.

Недостаток познаний или слабая сторона способностей может быть замечается только людьми, особенно приближенными к нему...

С самых молодых лет без наставника, совершенно без состояния, князь Багратион не имел средств получить воспитание. Одарённый от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился в военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нём из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко однако же мнение его было основательным. Неустрашим в сражении, равнодушен в опасности...

Утончённой ловкости пред государем, увлекательно лестного обращения с приближёнными к нему. Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодарения».

Совсем другой человек! Понятно, почему сослуживцы любили Багратиона, женщины искали его общества, а император Александр Первый всячески отличал. Ибо помимо «утонченной ловкости», мастеров которой при дворе хватало, князь Петр был необыкновенно мужественным воином и просто не знал, что такое страх или колебание.

Характерными чертами его были исключительное хладнокровие и беспредельная храбрость в бою, быстрота и решительность действий, умение использовать удобный момент для нанесения удара по врагу. Слава о мужестве и бесстрашии Багратиона широко распространи-

*Екатерина Павловна
Багратион*

лась среди солдат и офицеров русской армии еще при Суворове и уже никогда не оставляла его.

Эта его черта особенно ярко проявилась во время войны против Наполеона в 1805–1807 годах. В 1805 году он прикрывал отступление русской армии, отходившей маршем от Кремса к Ольмюцу. Кутузов тогда приказал Петру Ивановичу:

— Лечь всем, но задержать врага.

И доблестный генерал с шестью тысячами солдат целый день сдерживал натиск впятеро превосходивших сил противника. Лишь получив донесение о благополучном отходе русских войск, он штыками проложил себе путь через кольцо окружения и присоединился к Кутузову. При этом привел пленных и принес захваченное знамя.

За этот блистательный подвиг Багратион был удостоен звания генерал-лейтенанта, а полк, которым он командовал, первым в российской армии получил в награду серебряные трубы с Георгиевскими лентами.

После кампании 1805 года имя Багратиона гремело на всю Россию, обе столицы встречали его как национального героя. В честь Багратиона давали балы и обеды. Купечество устроило в Москве грандиозный банкет, за свой счет доставив в первопрестольную свежие ананасы и бананы. Литографические портреты генерала висели в светских гостиных и в крестьянских избах.

О Багратионе ходило множество анекдотов. Рассказывали, что однажды к нему вбежал взволнованный Денис Давыдов:

— Беда, Ваше сиятельство! Надо спешить: неприятель на носу...

— На чем? — невозмутимо осведомился Багратион. — Ежели на вашем, Денис Васильевич, дела действительно плохи. Ежели на моем — мы с вами еще отобедать успеем.

Участвовал Багратион и в сражении при Аустерлице — французы не смогли прорвать фланг, на котором действовали его солдаты. И опять награда — «Георгий» второй степени и золотая, украшенная алмазами шпага.

В 1808 году последовала война со Швецией — и тут он проявил чудеса храбрости и оперативности: после стремительного марш-броска ударил шведам в тыл и быстро привел войну к благоприятному для России исходу. Интересная деталь: чтобы нанести шведам решительный удар, император Александр составил план зимнего похода русской армии по льду Ботнического залива к Стокгольму. Не только большинство генералов в армии, но и главнокомандующие, сперва граф Буксгевден, а потом генерал Кнорринг, высказывались против такой операции и медлили с началом ее. И только один Багратион, не рассуждая по существу, ответил графу Аракчееву, присланному государем организовать этот поход:

— Прикажите — пойдем.

После победы над Швецией Багратиона с повышением перевели в Молдавию, на войну с турками. И там он, как всегда, добился выдающихся успехов: взял Мачин, Гирсово, Кюстенджи, Исмаил и Браилово.

Однако перенести боевые действия дальше на болгарскую территорию главнокомандующему не довелось. В Санкт-Петербурге были недовольны подготовкой его войск (и прежде всего кавалерии, потерявшей много коней по причине недостатка фуража) к зимовке. Из-за вспыльчивого характера Багратиону пришлось расстаться с Молдавской армией и вернуться в Россию.

В сражении под Аустерлицем Багратион командовал войсками правого крыла союзной армии, которые стойко отражали натиск французов, а затем составили арьергард и прикрывали отход главных сил. Командуя арьергардом российской армии, он отличился в многочисленных сражениях в Пруссии. Сам Наполеон считал Багратиона лучшим генералом российской армии.

При этом он не был фанатичным воякой, ради победы готовым слеповести людей на смерть. Подчиненные его обожали. Его солдаты всегда были хорошо одеты и накормлены, а для офицеров из своего ближайшего окружения он нередко устраивал роскошные пиры. И вот такой прирожденный воин достался в мужья легкомысленной столичной красавице...

Екатерина Павловна была замечательно хороша и столь же непредсказуема. Характер и красоту она унаследовала от матери — Екатерины Васильевны Энгельгардт, племянницы и одновременно возлюбленной князя Потемкина. Как писал современник, «влюбиться, на языке Потемкина, значило наслаждаться плотью. Любовные его ин-

триги оплачивались от казны милостью и разными наградами, кои потом обольщали богатых женихов и доставляли каждой, сошедшей с ложа сатрапа, прочную фортуна».

Екатерина Энгельгардт, кроткая, вечно скучающая девица, не была создана для бурных страстей. Потемкин, однако, долго удерживал ее подле себя, а потом — беременную(!) выдал за графа Скавронского, пожаловав ему чины и ордена и отослав в скором времени русским наместником в Неаполь. Екатерина Энгельгардт еще пять лет оставалась в России, и лишь вняв мольбам большого мужа, отправилась в Италию.

Художница, писавшая в то время ее портрет, вспоминала:

«Высшим счастьем ее было лежать на кушетке без корсета, закутавшись в огромную черную шубу».

В 1793 году граф Скавронский умер. 32-летняя вдова вернулась в Петербург и неожиданно для себя первый раз в жизни влюбилась в итальянского графа Ю.П. Литту. Ее второй брак оказался на редкость счастливым. Графиня умерла в глубокой старости, обласканная двором и судьбой.

Судьба дочери Екатерины как две капли воды оказалась похожей на судьбу ее матери: высокопоставленный любовник, брак по приказу... Немудрено, что свадьба по капризу императора не принесла супругам Багратион счастья. Петр Иванович пропадавал на службе, Екатерина — на балах и модных курортах.

Ранение Багратиона в сражении при Бородино 26 августа 1812 года

В 1805 году их петербургский дом опустел навсегда. Екатерина Павловна Багратион обожала путешествовать, за что и получила в обществе прозвище «блуждающей княгини». Она создала себе второе отечество в... собственной карете. За границей она производила сногшибательный эффект: красива, эксцентрична, да к тому же с безумным легкомыслием расточает громадное состояние. Она сводила с ума поэтов и принцев.

Ее туалеты и экипажи неизменно отличались оригинальностью. Умом она не блистала, но была приветлива и словоохотлива, довольно бес-

церемонна и даже цинична в своих суждениях. Но...

«При всей красоте и привлекательности она не могла не собрать вокруг себя замечательного общества, — писал знавший ее Гёте. — Чудный цвет лица, алебастровая кожа, золотистые волосы, таинственное выражение глаз... этого мало для создания модного салона».

В 30 лет Екатерина Багратион все еще походила на 15-летнюю девушку.

«Милая женщина, — писал о ней А.Я. Булгаков, — ее дом приятен, все к ней ездят. На это одних денег не

довольно, надобно уметь, любезность, ловкость».

Багратион издали наблюдал за успехами своей жены и тяжело переживал семейный разлад. Долго и настойчиво звал жену в Россию. Он бомбардировал ее письмами с таким упорством, что даже знакомые уговаривали сжалиться и черкнуть мужу строчку. Можно себе представить, как мучительно давались гордому кавказскому мужчине такие послания.

Екатерина Павловна отвечала ему, что больна и должна остаться в Европе на лечение. Громадные суммы расходов на приемы и наряды свидетельствовали, однако, о ее отменном здоровье. Язвительные светские злоязычники не могли отказать себе в удовольствии время от времени справиться у Багратиона о самочувствии жены...

Великодушный генерал оплачивал все ее счета, но даже десяти генеральских окладов не хватило бы для содержания расточительной красавицы. Князь продавал недвижимость и раздавал закладные, — в этой фразе был весь Багратион.:

«Какая кому нужна входить в домашние мои дела?.. Кто бы ни была, она моя жена. И кровь моя всегда вступит за нее. Мне крайне больно и оскорбительно, что скажут и подумают люди... Однако она жена моя, и я люблю ее, конечно».

В последней фразе — весь Багратион.

В 1808 году решено было наградить орденами жен тех генералов,

которые отличились на войне. Княгиня Багратион оказалась обойденной, и самолюбие ее мужа было уязвлено. Он порывался даже уйти в отставку. Екатерина Павловна носила его фамилию, и, по мнению Петра Ивановича, этого было вполне достаточно:

«Ее надо наградить, ибо она моя жена...»

Увы, справиться с собственной супругой оказалось гораздо сложнее, чем с французами, шведами и турками. В этой битве непобедимый Багратион потерпел сокрушительное поражение.

Екатерина Багратион поселилась в Вене и, в отличие от большинства современниц, оказалась чрезвычайно эмансипированной дамой, и сама решала, кого из мужчин сделать любовником, а кого — другом. Ей было мало светских раутов, ее интересовали дела посерьезнее.

Когда грянула война России с Наполеоном, Екатерина Багратион, убежденная противница Бонапарта, собрала в своей венской гостиной прорусски настроенную европейскую знать. Не имея никаких официальных полномочий, княгиня занялась политикой. Она хвасталась, что знает больше политических тайн, чем все посланники вместе взятые. Под ее влиянием высшее австрийское общество начало бойкотировать французское посольство.

Голубые глаза Екатерины Павловны воспламенили сердце ни много ни мало австрийского канцлера Меттерниха. Став его любовницей и матерью его ребенка, она могла оказы-

вать на него сильнейшее влияние. Через много лет княгиня с удовольствием вспоминала, что именно она уговорила Меттерниха согласиться на вступление Австрии в антинаполеоновскую коалицию.

Вероятно, Бонапарт чрезвычайно удивлялся, получая депеши своих агентов из Вены. В них постоянно фигурировала фамилия Багратион, известная Наполеону по сводкам с полей сражений.

В чем чета Багратион была едина, так это в стремлении насолить — каждый по-своему — французскому императору. Но... до победы над Францией суждено было дожить одной Екатерине Павловне.

Пока княгиня вершила дела международной политики в своем алькове, Князь Багратион, став в 1811 году главнокомандующим Подольской армией, переименованной в марте следующего года во 2-ю Западную армию, разработал план заблаговременной подготовки к отражению агрессии Наполеона, в которой он ни секунды не сомневался. К сожалению, князь Пётр был блестящим тактиком, но довольно слабым стратегом. План его не получил ни широкого распространения, ни «высочайшего одобрения».

Хотя один из его пунктов — привлечение к борьбе с французами широких слоёв народа и организация партизанского движения — был практически воплощен в жизнь теми, кто и понятия не имел о генеральских планах. Хотя, впрочем, близкий к Багратиону Денис Давыдов наверняка был в курсе, а сходство натур привело к тому, что багратионов-

ские теории получили давыдовскую реализацию.

В начале Отечественной войны 1812 года 2-я Западная армия располагалась под Гродно и оказалась отрезанной от основной 1-й армии наступавшими французскими корпусами. Багратиону пришлось с арьегардными боями отступать к Бобруйску и Могилёву, где он после боя под Салтановкой перешёл Днепр и 3 августа соединился с 1-й западной армией Барклая-де-Толли под Смоленском.

Начало войны с Наполеоном, постоянные отступления русских войск Багратион переживал как личную трагедию. Он, привыкший к стремительным и блистательным победам, страдал от собственного бессилия, проклинал «мудрые маневры», молил императора дать ему возможность — одну единственную — вступить с неприятелем в бой.

«Пусть дадут именно повеление драться до последней капли. Вот и стану! Иначе пришлите командовать другого, а я не понимаю ничего, ибо не учен и глуп. Жаль мне смотреть на войско и на всех наших. Что Россия — мать наша — скажет?! Чего страшимся и за что такое доброе и усердное отечество отдаем сволочам?! Чего трусить и кого бояться?!»

Багратион начал подозревать в измене даже начальство. Однажды во время совещания в главном штабе он сострил:

— Господа, здесь кто-нибудь говорит по-русски?

Грузин по крови, был куда более горячим патриотом России, чем иные русские.

«Казалось, что Провидение хранило его до Бородинского дня», — говорил позже Денис Давыдов.

За Багратионом в армии давно и прочно закрепилась репутация лихого рубаки. Но император Александр Первый не разделял оптимизма пылкого князя. В доверительном письме любимой сестре Екатерине он писал:

«Что может делать человек больше, чем следовать своему лучшему убеждению?.. Оно заставило меня назначить Барклая командующим 1-й армией на основании репутации, которую он себе составил во время прошлых войн против французов и

Церковь Димитрия Солунского, рядом с ней в 1812 году был похоронен Пётр Багратион

против шведов. Это убеждение заставило меня думать, что он по своим познаниям выше Багратиона. Когда это убеждение ещё более увеличилось вследствие капитальных ошибок, которые этот последний сделал во время нынешней кампании и которые отчасти повлекли за собой наши неудачи, то я счёл его менее чем когда-либо способным командовать обеими армиями, соединившимися под Смоленском. Хотя и мало довольный тем, что мне пришлось усмотреть в действиях Барклая, я считал его менее плохим, чем тот [Багратион], в деле стратегии, о которой тот не имеет никакого понятия...»

Говоря об отсутствии стратегического дара у Багратиона, Александр обвинял его в невыполнении ранее намеченных планов по соединению армий, хотя манёвры Багратиона определялись действиями превосходящего противника. Однако из писем Багратиона известно его стремление к генеральному сражению с Наполеоном, даже на условии численного превосходства французов, из-за чего, собственно, он и рассорился с командующим 1-й армией Барклае-Толли. Багратион не оценил необходимость стратегического отступления, благодаря которому и была одержана победа над Наполеоном.

Французский император, кстати, придерживался иного мнения о прославленном генерале:

«Генералов хороших у России нет, кроме одного Багратиона».

Багратион горячо приветствовал назначение М.И. Голенищева-Кутузова главнокомандующим русской действующей армией и его решение

наконец-то дать генеральную баталию Наполеону. В Бородинском сражении 2-я Западная армия составила левое крыло построения кутузовских войск. Именно здесь император Наполеон Бонапарт сосредоточил свои главные силы, чтобы прорвать русские позиции.

По традиции того времени к решающим сражениям всегда готовились как к смотру — люди переодевались в чистое белье, тщательно брились, надевали парадные мундиры, ордена, белые перчатки, султаны на кивера и т. д. Именно таким, каким он изображен на портрете — с голубой андреевской лентой, с тремя звездами орденов Андрея, Георгия и Владимира и многими орденами крестами, — видели полки Багратиона в Бородинском сражении, последнем в его боевой жизни.

Семеновские (Багратионовы) флеши, левый фланг русского фронта, стал местом самого горячего сражения. И с той, и с другой стороны показаны были чудеса храбрости. Полки Багратиона отразили все атаки французских войск в самом начале битвы, хотя понесли огромные потери. Противники вступали в рукопашный бой.

Наполеон с раннего утра непрерывно атаковал Семеновские флеши большими силами, особенно тяжелой кавалерией. Он бросил против защитников этого полевого земляного укрепления корпуса маршалов Даву и Нея, 8-й пехотный корпус и кавалерию маршала Мюрата.

Флеши у села Семеновского несколько раз переходили из рук в ру-

ки. Ров перед ним был доверху заполнен убитыми и ранеными.казалось, что ярость сражавшихся здесь людей не знала предела.

Наполеон был буквально взбешен неудачами атак на Семеновские флеши. Около 12 часов дня он приказал в восьмой раз штурмовать эти уже полуразрушенные укрепления. Примерно 18 тысячам русских солдат при 300 орудиях на фронте всего в полтора километра император французов противопоставил 45 тысяч своих солдат и 400 орудий. Русские вновь встретили атакующего врага картечными залпами в упор и ударами в штыки.

Семь атак выдержали солдаты Багратиона, но не сдвинулись с места. После шести часов боя генерал, задумавший лично возглавить контратаку, был тяжело ранен: осколок ядра раздробил ему левую ногу. От предложенной врачами ампутации князь отказался. На следующий день Багратион упомянул в своём донесении царю Александру I о ранении:

«Я довольно не легко ранен в левую ногу пулею с раздроблением кости; но нималейше не сожалею о сём, быв всегда готов пожертвовать и последнею каплею моей крови на защиту отечества и августейшего престола...»

Он еще пытался отдавать приказы, но силы покидали его. Вот что писал об этом герой дня Бородина генерал А.П. Ермолов:

«...Князь Багратион, одушевляя войска, идущие вперед, своим присутствием, чувствуя себя поражен-

ым и избегая вредного действия на дух Боготворящих его войск, скрывает терзающую его боль, но ослабевает от истекающей крови, в глазах их едва не упадает с лошади. В мгновение пронесся слух о его смерти, и войска невозможно удержат от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет (не беспокоится) о собственной защите: одно общее чувство — отчаяние! Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые ее части не иначе, как отдавая на выстрел, возможно было привести в порядок».

Полководец был перевезён в имение своего друга, князя Б.А. Голицына в село Симы Владимирской губернии, где и скончался от гангрены, спустя 18 дней после ранения — 25 сентября 1812 года. Там же его и похоронили, причем княгиня Багратион по-прежнему оставалась за границей. Впрочем, в условиях войны ее приезд в Россию был, мягко говоря, проблематичен.

Лишь четверть века спустя, в 1839 году по инициативе поэта-партизана Дениса Давыдова, всю жизнь обожавшего Багратиона, прах князя был перенесён на Бородинское поле. Если бы Денисов знал, что «благодарные потомки» в 1932 году уничтожат монумент на батарее Раевского, разрушат могилу Багратиона, а его останки просто выкинут.

О русском полководце, чьим именем славен день Бородина, вновь вспомнили и стали прославлять только во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В 1950-е годы, уже после смерти Сталина, останки полководца были перезахоронены на Курганной высоте. И, пожалуй, ни один полководец Первой Отечественной войны (кроме Кутузова) не удостоивался таких посмертных почестей, как князь Багратион. Судите сами:

Белорусская операция Советской армии в 1944 году носила кодовое название «Багратион». В ходе этой

операции была освобождена территория Белоруссии.

В сентябре 1946 года прусский город Прейсиш-Эйлау, оказавшийся в Калининградской области, был переименован в честь Петра Ивановича в Багратионовск.

В Великом Новгороде на Памятнике «1000-летие России» среди фигур самых выдающихся личностей в российской истории (на 1862 год) есть фигура П.И. Багратиона.

В Москве есть станция метро «Багратионовская», одноименный торгово-пешеходный мост, Багратионовский проезд. В 1999 году поставлен памятник Багратиону на Кутузовском проспекте. По замыслу автора, грузинского скульптора Мераба Мерабишвили, как и в бы-

лые годы, Петр Багратион предстанет перед нами в облике грозного воина, восседающего на коне и призывающего русские полки в атаку.

Улицы, носящие имя Багратиона, есть в Смоленске, Липецке, Калининграде и в Минске.

О Багратионе написано два исторических романа: С.Н. Голубова «Багратион» и Ю.И. Когинова «Багратион: бог рати он», а также снят художественный фильм. Ни Барклай-де-Толли, ни Виттенштейн, ни даже Ермолов таких почестей не удостоились.

Детей у четы Багратион не было, так что со смертью князя Петра Ивановича его род пресекся в мужском колене.

Княгиня Екатерина Павловна Багратион надолго пережила своего знаменитого супруга. Победу русского оружия она встретила в Австрии, где в 1815 году, во время Венского конгресса, устроила грандиозный бал в честь Александра I — ее любовника, по скандальной хронике тех времен. Но княгиня была еще и... первой русской шпионкой: во время, да и после войны она поставляла русскому императору сведения о политических настроениях в Европе.

О ее негласной миссии, конечно, догадывались:

«Тайным агентом России называли, например, красавицу княгиню Екатерину Багратион, — писал современник, — умную и ловкую интриганку, женщину в высшей степени легкомысленную. Во время Венского конгресса император Александр бывал у нее по вечерам и во

время этих посещений, затягивавшихся до позднего часа, выслушивал интересовавшие его сообщения».

После 1815 года княгиня переехала в Париж. Тайная полиция установила наблюдение за ее роскошным особняком на Елисейских полях. Из донесений подкупленной прислуги следовало, что княгиня продолжала свою «разведывательскую деятельность».

«Эта дама очень известна в высшем обществе благодаря политическому влиянию и кокетству, — писал осведомитель. — В понедельник вечером, довольно поздно, ушли от нее два поляка, и один из них, граф Станислав Потоцкий, вернулся обратно. Подобные проделки случаются часто. Героями их становятся то один, то другой кавалер. Княгиня очень переменчива».

Среди ее друзей были многие парижские знаменитости — Стендаль, Бенжамен Констан, маркиз де Кюстин, даже греческая королева. С нее писал своих героинь Бальзак. Вероятно, экзотическая фамилия тоже способствовала популярности. Княгиня не сменила ее, несмотря на повторное замужество. В 30-х годах Екатерина Павловна вышла замуж за английского генерала Карадока, но вскоре с ним рассталась.

Умерла княгиня в 1857 году в возрасте 75 лет. Похоронили ее в Венеции. Но кто бы помнил об этой женщине, не будь она супругой (хотя и почти номинальной) одного из известнейших героев России? Шпионов у державы было много...

Багратион — один. □

«В то время как в Москве не хватает места, в других местах России есть не один десяток заброшенных городов с домами, инфраструктурой, дорогами, в которых никто не живет».

Информация из Интернета

ДЖЕКПОТ

«Уважаемая гражданка N! Уведомляем Вас, что вчера, 21.09.2039 года, оргкомитет Главной Общественной Лотереи подвел итоги очередного ежегодного розыгрыша Главного Приза и, по итогам электронного голосования, признал Вас победителем Лотереи текущего года и присудил Вам главный приз — Джекпот.

Поздравляем Вас! Для получения Приза Вам следует обратиться в любое городское отделение Лотереи, предъявив для идентификации Ваш флеш-паспорт и игровой номер — 20810329842134197047123094.

Спасибо за участие в лотерее!»

... Диана распечатала письмо, стоя 148-м номером в очереди на оплату коммунальных услуг. Как раз в этот момент электронный голос из динамиков объявил, что к автомату-приемнику может проследовать номер 96. Ждать оставалось не менее трех часов. Темнело. За огромными окнами моросил в холодных сумерках дождь. Колоссальная очередь на маршрутное такси ежилась на ветру, кутаясь в куртки. Вчера метеоцентр передал, что очередной блокирующий антициклон, наконец, отступил, и на Москву движется циклон из Ар-

ктики, то есть через пару дней температура упадет ниже нуля, пойдет снег и опять, как в прошлом году, в средней полосе России погибнут озимые. Само собой, моментально поднимутся цены, поскольку обслуживание одной автоматической фермы обходится в круглую сумму. После жаркого лета (2 миллиона 698 тысяч 219 умерших от теплового удара мужчин, женщин, стариков и детей, больше, чем в печально известном 2010 году, когда остановился Гольфстрим, и даже больше, чем в страшном 2029, о котором вообще не хочется вспоминать) это особенно неприятно.

— Вам плохо? — участливо спросила немолодая женщина, стоящая рядом.

— Нет... — Диана прижала к груди глянцевый листок с красивым голографическим логотипом. — Нет, спасибо. Все хорошо. Это... это лотерея. Я выиграла Джекпот.

— Серьезно?.. — Женщина заглянула через ее плечо. — Ой, черт...

Очередь моментально ожила. Люди, еще минуту назад усталые и заторможенные, как зомби, словно проснулись от долгой спячки и передавали из уст в уста одну и ту же новость: среди нас находится тот, кому достался Джекпот. Этот человек здесь. У него в руках Письмо. Значит, Лотерея не фикция, Интернет не врет, значит, это возможно!

Диану зажали в угол и буквально вырывали из рук письмо, восклицая: «Да! Точно! Это правда! Она выиграла!»

Секунду назад она была никем, серой молекулой из толпы, одной из 37 миллионов жителей Москвы — и вдруг оказалась в центре внимания. Незнакомые люди смотрели на нее с восхищением, завистью, злостью, ненавистью, состраданием, непониманием, радостью, грустью — смотрели все, даже маленькие дети, пока не понимающие, куда их угораздило попасть по вине родителей, еще верящих в счастливое будущее. Кто-то прибежал с улицы, чтобы убедиться, что все это правда. Ее хватили за руки, что-то спрашивали, трепали по плечу, поздравляли, но она почти никого не слышала. Почему-то ей захотелось позвонить маме, но у смартфона почти сел аккумулятор, да и обстановка не располагала.

Новость дошла до оператора расчетного зала, и голос в динамике объявил:

— Номер 148 может проследовать к автомату номер 7 вне очереди!

Никто не возразил. Молча, едва перешептываясь, весь зал проводил Диану взглядами, пока она шла к ярко светящемуся окошку приемника.

— Поздравляем номер 148 с победой в Главной Общенациональной Лотерее! — торжественно сказал голос, и все вдруг захлопали в ладоши — все, даже те, кто еще ничего не понял.

Затравленно озираясь, Диана воткнула в гнездо автомата свой универсальный флеш-паспорт — устройство идентификации личности и хранения денежных средств, равнодушно кивнула на поздравления стоящего рядом усталого оператора, ввела ПИН-код расчета за коммунальные услуги. Ей хотелось домой, в маленькую, но пустую квартиру, где на двадцати квадратных метрах все принадлежит ей одной, даже фильтрованный воздух. Она знала, что живет благодаря родителям в роскоши, у соседней нет даже этого — они ютятся с двумя детьми на тех же двадцати метрах и считают, что им повезло.

— Пожалуйста! — Автомат мигнул, снимая деньги со счета, и оператор оторвала чек. — Поздравляю вас еще раз! Желаю удачи!

Диана кивнула, выдернула флешку, повернулась, чтобы идти, и вдруг столкнулась нос к носу с лысоватым мужчиной, который буквально поймал ее в объятия:

— Разрешите пройти, — упрямо нагнула она голову. — Я очень спешу.

— Одну минуту! Прошу вас!

— Что?

Он собрался с мыслями, помялся и вдруг схватил ее под локоть и потащил к выходу, туда, где громадная толпа штурмовала идущие в область маршрутные автобусы. Они вышли под дождь и сразу очутились среди какофонии звуков — новейшая звукоизоляция банка не защищала их на улице. Оглушительный рев машин рвал барабанные перепонки, люди вокруг — тысячи людей — кричали в полный голос, чтобы перекрыть шум транспорта, надрывалась на самой высокой ноте звуковая реклама, выли сирены (опять где-то авария с жертвами, мимо пронеслись три «реанимации» и пять фургончиков дорожной полиции), какой-то парень выкрикивал в мегафон: «Ногинск!

Маршрутка на Ногинск! Доедем всего за три часа, по объездной дороге! Проходите на посадку!», другой парень старался его перекричать: «Электросталь! Доедем за четыре часа! Очень опытный водитель, знает маршруты объезда пробок!»

Дышать было тяжело, в висках стучало. Накануне передавали, что содержание кислорода в московском воздухе упало за сутки еще на 0,5 процента. Диана нащупала в сумке маску и хотела достать, но вспомнила, что баллон кончился еще днем.

— Что вы хотите?! — на пределе громкости, стараясь, чтобы мужчина ее услышал, крикнула она. — У меня мало времени! У меня нет кислорода, а я астматик!

— Секунду! — склоняясь к самому ее уху, прокричал мужчина. — Я поймаю такси с воздушным фильтром! Одну секунду! У меня к вам очень важное дело!

— Ловите, — обреченно вздохнула Диана, прикрывая нос и рот шарфом. Что ж, какое бы дело ни заставило его прицепиться к ней, такси с фильтром очень даже не помешает.

К ее удивлению, он действительно поймал машину — желтое БМВ с раструбом «воздушки» на крыше и герметическими окнами.

— Садитесь! Как вас зовут?

— Диана. Мне на улицу...

— Это неважно. Куда бы вам ни было. Тридцать тысяч. За ваш Джекпот.

— Тридцать тысяч чего? — изумилась Диана.

— Ну, не рублей же, — хмыкнул мужчина.

— Куда ехать? — буркнул водитель, тощий парень с висящим на груди новеньким респиратором с двойным японским фильтром.

— Пятнадцатая Парковая, дом сорок, — сказала Диана и протянула ему флеш-паспорт. — Новая башня такая, знаете...

— Знаю. — Парень включил зажигание и вставил устройство в гнездо приемника. На дисплее зажглось ее имя и идентификационный номер. — О! Это про вас сейчас по радио говорили? Вы выиграли Джекпот?

— Наверное... — пробормотала она. — Я и сама только что узнала...

— Вы мне не ответили, — дернул ее за рукав лысоватый мужчина.

— Ах, да... извините. Нет, я не могу.

— Девушка, — проникновенно сказал он. — Девушка, сколько вам лет?

— Двадцать девять, только какое это имеет значение...

— Вы еще выиграете Джекпот. Если играть каждый год, вероятность однажды стать победителем составляет почти шестьдесят процентов. Я бы сам... Но мне пятьдесят два. Я просто не успею. А я играю уже десять лет.

— Простите, я не могу.

Он больно сдвинул ее руку:

— У меня четверо детей. Мы живем в очень маленькой квартире. Я говорил жене, что... но она против аборт, Вы понимаете. Она верующий человек. И где-то я ее понимаю. Поэтому у нас четверо, да. — Он вздохнул. — Плюс нас двое. Плюс мать жены. На тридцати пяти метрах. Я работаю один, жена сидит с малышами. Кредит за жилье платить до пятидесятого года. У младшего ребенка детский церебральный паралич. А вторая девочка, кажется, не очень... в общем, она, кажется, немного...

— Дебил? — подсказал водитель, усмехаясь.

— Вы на дорогу смотрите, — зло отозвался мужчина и снова повернулся к Диане. — Зачем вам Джекпот? Вы же молодая. Совсем ребенок еще! Неужели для вас это так принципиально?

— Да. — Диана сжала в руке уже изрядно потрепанный листок с голограммой. — У меня бронхиальная астма. И аномалия развития коры головного мозга — мама беременная в жару 2010 года дыма от лесных пожаров надышалась. Чуть что — начинаю плакать и не могу остановиться. Пять часов реву, десять, сутки, двое, пока психопомощь не приедет — а вы знаете, сколько сейчас стоит ее вызвать? И работу нормальную не могу найти. И замуж не берут, потому что никто сейчас жениться не хочет — иначе будет мучиться, как вы. Извините. Мне самой Джекпот нужен.

— Детка! — Мужчина вдруг схватил ее за руку, мгновенно утратив последние остатки самообладания. — Я тебя прошу! Будь человеком! У тебя еще эгоизм юношеский — «я», «я»... Пожалуйста! Тридцать пять тысяч!

— Извините, нет.

— Сорок! Больше я не могу — это все, что я скопил! Девочка, родная, ты веришь в Бога?.. Я очень устал. Будь человеком, помоги мне!..

— Не слушай его, — вдруг заговорил водитель. — У меня сестра двоюродная три года назад Джекпот взяла — знаешь, сколько таких подъезжало? Не один десяток! И деньги предлагали. Один даже квартиру, правда, маленькую и в плохом районе, там девять автомагистралей рядом и линия монорельса, а фильтров на окнах нет. Она не согласилась. И тебе не советую.

— Я могу подзарядить у вас телефон? — заторможено спросила Диана.

— Давай, — кивнул парень, щелкая крышечкой зарядного отсека на приборной панели. — Ты же сегодня победитель.

— Мама?

— Ой, это ты, я прочитала уже в Интернете! — зачастила мать, едва услышав ее голос. — Я тебе говорила, что это не просто письмо, а ты меня не слушала! А ведь я говорила! Поздравляю, Диночка, как тебе повезло, ты молодец! Ты у меня от рождения везучая! Я знала!

— Мама, мне один мужчина предлагает продать право на Джекпот за сорок тысяч.

— Через нотариуса, все по закону, не сомневайся! — подсказал мужчина.

Диана отмахнулась от него.

— Мам, как ты на это смотришь?

— Ты с ума сошла?! Такой шанс выпадает одному человеку в месяц, и ты хочешь... — Мать чуть не задохнулась от возмущения. — На кой черт тебе его сорок тысяч?! Ты на них себе нормальную жизнь купишь? Диана, ты что?!

— Мам, ему очень надо, ему пятьдесят два года, дети больные, квартира маленькая, в кредитах по уши...

Мать вдруг выругалась матом, и Диана притихла. Такое с ее ласковой, интеллигентной мамой случалось редко, только в минуты крайней усталости и раздражения. Последний раз этим летом, когда термометр показывал +53° в тени, у отца-сердечника заело на улице клапан кислородного баллона, и случился приступ, а «скорая» пробралась через пробки только через девять часов — вызвать медицинский вертолет родителям оказалось не по карману. Отец не умер тогда чудом, кривая, что называется, вывезла, и мама ожесто-

ченно материлась («Господи, твою мать, помоги!!!»), делая ему искусственное дыхание на тонущей в удушливом смоге лестничной площадке.

— Ты могла бы, если на то пошло, нам предложить...

— Что, мам?

— Не какому-то там мужику, а отцу с матерью — ты же знаешь, что в этом случае Джекпот получают оба родителя... Но я не к тому, нам не надо, мы бы и не взяли, а просто — не будь душой, Дина.

— Извините, я не могу, — повернулась к своему собеседнику Диана. — Если бы мама... но она против. А я очень люблю своих родителей. Простите. И в Бога я не верю. Его нет. Если бы он существовал, все было бы иначе.

— Останови тут, — сухо сказал мужчина водителю. Машина затормозила у обочины, и он вышел, сутулясь и кутая лицо в ворот куртки.

— И правильно. — Водитель снова тронулся с места. — Джекпот на то и Джекпот, что достается не всем. Иначе знаешь, что бы началось... ууу!

«А что бы началось? — думала Диана, поднимаясь в свою квартиру. — Вот правда — если бы то, что подразумевается под словом «джекпот», каждый мог бы получить в любой момент по желанию? Наверное, не началось бы ничего особенного. Даже мало что изменилось бы в обычной жизни. Не все же играют в Лотерею — в нее можно не играть, можно даже не знать и не думать о ней. Можно работать, рожать детей, покупать в кредит вот такие же, как у меня, квартирki в тридцатизэтажных башнях, платить налоги, смотреть телевизор, сидеть в Интернете, есть, спать...

Каждое утро можно выходить либо в жару с дымом, либо в дождь со снегом, либо в адский мороз с ледяным ветром. Ждать автобуса, стоять в длиннющей очереди на метро, ехать в офис, получать на флешку зарплату. Выстаивать очереди за продуктами, ездить раз в год на пару недель в такую же, как эта, страну, разве что с другим климатом... Можно даже замуж выйти, если найдется идиот, который отважится связать себя официальным браком — учитывая, что в случае развода он потеряет последние штаны.

А можно взять и рискнуть. Кто не рискует, тот не пьет шампанского, как говорится».

Сама Диана впервые подала заявку на участие в Лотерее в четырнадцатилет, как только получила паспорт и — главным образом — как только поняла, что астма у нее хроническая, услуги врача слишком дороги, жизнь не улучшится, а население планеты Земля перевалило уже за 12 миллиардов. Родители возразили поначалу, но, пару дней подумав, дали согласие, и с тех пор каждый сентябрь Диана с тревогой ждала письма — вот этого, с голограммой, которое вынула сегодня утром из почтового ящика.

По закону, до получения Джекпота в начале октября, ей полагалась поездка в лучший санаторий страны, в Карелию, в экологически безопасный уголок среди сосновых лесов. Номер люкс, улучшенное питание без химии, бесплатный кислород без ограничений, бассейн, массаж, любая виртуальная реальность бесплатно хоть круглые сутки и прочее, но она решила остаться дома, а на отдых отправить родителей — это разрешалось. Можно было подарить родителям и сам главный приз, в этом случае они получили бы его оба. Но они не приняли бы такого подарка, да и сама Диана вряд ли решилась бы на это.

Дома ее ждала ручная белая крыса, максимально допустимое по размеру для малогабаритных квартир животное. За кошку полагался налог, который Диана не смогла бы потянуть, а уж о собаке и говорить нечего. Жаль — потому что она любила собак.

— Привет! Как ты?

Крыса встала на задние лапы столбиком, забавно шевеля усами и держась за решетку клетки розовыми передними лапками. Над клеткой гудел отдельный воздушный фильтр: крысы, самые выносливые из млекопитающих, и те не могут без кислорода. Этот фильтр обошелся девушке в треть зарплаты, но ей очень хотелось иметь хоть какого-нибудь зверька.

Диана набрала номер:

— Мам, я завтра поеду в оргкомитет Лотереи — не хочу тянуть. Вы поедете в санаторий? И крысу, крысу — вы заберете? Мне не хотелось бы пристраивать ее через Интернет, понимаешь, неизвестно ведь, кто возьмет, а вам она не мешает, она очень чистая...

Мать вдруг расстроилась:

— А ты решила? Точно?

— Что это ты? — удивилась Диана. — Сама же мне только что говорила...

— Слушай... — и в трубке снова воцарилась тишина.

— Мам?

— Это — неправильно! — Голос матери сорвался. — Почему так? Ну, скажи, почему — ты? Почему не я, не папа? Мы играем уже двадцать лет, а Джекпот достался тебе. Это же абсурд какой-то!..

— Но я тоже давно играю...

— Все равно — мы же твои родители, мы тебя старше! Нет, я понимаю, выигрыш происходит случайно, но все равно...

— Ну, хочешь — заведи его? — глубоко вздохнув, обреченно сказала Диана. — Я вас люблю, я не хочу, чтобы вы страдали. Берите!

Мать мгновенно взяла себя в руки.

— Стоп. Я расклеилась, прости. Больше ни слова. Крысу мы, конечно, заведем. И за санаторий спасибо, папе это сейчас нужно. И вообще... ты молодец. Извини.

В гулком и непривычно безлюдном зале Лотереи было тихо, свежо и прохладно. В углу журчал декоративный фонтанчик, пахло хвоей, огромный телевизор на стене без звука транслировал первый федеральный канал. На экране беседовали двое — пожилой мужчина в сером пиджаке и телеведущая, очень миловидная, хотя и немного искусственная.

— Подождите, пожалуйста. — Вежливая служащая указала Диане на мягкий диванчик и ушла. Диана нашла на низком столике, заваленном журналами, пульт и включила звук телевизора.

«...ледные двадцать лет наблюдается стойкое снижение социальной мотивации среди молодежи 14–25 лет, что сказывается...»

— Простите, профессор, что перебиваю вас, но, если сказать это другими словами, нашей молодежи просто незачем жить?

— Ну, зачем же так радикально? — усмехнулся профессор. — Безусловно, и среди молодежи, и среди людей среднего и старшего возраста есть люди, которые даже в условиях крайне неблагоприятной экологической обстановки, перенаселения, безработицы, информационного давления и прочих негативных факторов находят для себя некий свой, собственный смысл жизни. Но таких меньшинство.

— Но что же делать, чтобы изменить ситуацию?

— Если бы я знал! — Профессор почесал большим пальцем кончик носа, совсем так, как это делал отец Дианы. — Знаете, тридцать лет назад меня считали чуть ли не диссидентом, когда я утверждал, что для нас важно не количество, а качество — меня едва ли не в фашизме обвиняли.

Ведущая засмеялась.

— А теперь... — развел руками профессор, — теперь, даже если я на каждом углу буду повторять все, сказанное раньше, это ни на что не повлияет. Выросло новое поколение, которое просто не знает, что такое пустой поезд метро, что такое большой зеленый двор около дома, чистый воздух, нормальный климат, соловьи, безлюдная улица... что такое тридцать человек в школьном классе... — Он улыбнулся. — Судя по вашему лицу, и вы этого не знаете. Это поколение понятия не имеет, что такое работать руками, как можно жить без Интернета, без телевидения, что такое ходить в гости, как пишут ручкой по бумаге, как читают бумажные книги... да много о чем оно понятия не имеет. И это взрослые люди — у них у самих дети, по двое-трое в семье... — Профессор помолчал. — Не знаю, можно ли что-то сделать. Мне семьдесят один год, так что, к счастью, мне не придется уви...»

— Проходите, пожалуйста!

Диана встала. Ее окружали люди — целый десяток, и все задавали вопросы:

— У вас при себе флеш-паспорт? Ваш игровой номер? Вы готовы подписать необходимые документы? Сейчас пройдем к нотариусу. Сколько вам лет? Вы замужем официально? Имеете детей? Нет? Желаете пообщаться со священником? Будете давать интервью для телевидения? Вам нужны услуги психолога? Не желаете ли вы передать кому-нибудь право на Джекпот на каких-либо условиях?..

За секунду до их появления у нее мелькнула одна мысль, но шумная толпа словно отшибла у нее способность думать.

— Нет, нет, нет... — отвечала Диана невпопад всем сразу, поворачиваясь то к одному, то к другому собеседнику.

Ее повели по просторному светлому коридору, в конце которого ярким хирургическим светом сияла распахнутая дверь, и там, за

этой дверью, в огромной, по московским меркам, комнате, за аккуратным столиком, сидела над прозрачным листком компьютера девушка — государственный нотариус, служащая Лотереи. Диана опустилась в удобное кресло и стала отвечать на дежурные вопросы насчет медицинской страховки, недвижимости и личного имущества, но та самая мысль снова вернулась и теперь не оставляла ее в покое.

А что, если...

Нет, глупость, конечно, и нереально, и разрешения никто не даст. Но что, если встать сейчас с места, уйти из этой гостеприимной конторы, поехать домой, собрать вещи, взять клетку с крысой, купить билет на поезд и уехать за тысячу километров от Москвы, в загадочные Нежилые Земли? Туда, где гниют под осенним дождем брошенные города и деревни, шумят сосновые леса, текут реки, а кислорода столько, что хоть всю жизнь дыши без маски? Там стоят давно остановившиеся заводы, пустые школы с выбитыми стеклами, никому не нужные дома из потрескавшихся бетонных плит, старые церквушки, в реках, говорят, водится рыба, в лесу поют птицы, живут лисы, зайцы и даже лоси, а на земле что-то растет без всякой гидропоники. Там не «ловят» смартфоны, нет Интернета, давно оборваны линии электропередач, заросли травой шоссе, а плотность населения — трудно поверить, но это так! — всего один человек на сорок квадратных километров! Там тихо, так тихо, что звенит голова, и только молчаливые спутники Метеоцентра и Министерства обороны проплывают яркими звездочками в ночном небе. Там можно выйти из брошенной пятиэтажки, лечь прямо посреди бывшей автотрассы и весь день загорать, любясь облаками. Никто не проедет и не пройдет мимо, потому что люди ушли оттуда больше двадцати лет назад.

Диана зажмурилась.

... Там можно пить воду из ручья. Можно купаться, не рискуя заработать рак кожи. Можно занять никому не нужный домик, вырастить и выкопать настоящую картошку, достать живых цыплят и разводить кур, а то и на козу замахнуться. Можно топить печку, читать книги из заброшенной сельской библиотеки, шить себе одежду на механической швейной машинке, ловить удочкой рыбу, там можно

прожить больше 60 лет — среднего для женщин возраста смертности по стране.

Там никто не хочет жить, потому что в Нежилых Землях нет работы. И это при том, что планета лопается от перенаселенности, Россия занимает первое место в мире по психическим расстройствам, в США приняли Закон Линча о Тишине, а в Азии и Африке люди живьем жгут и режут друг друга за литр пресной воды и килограмм риса...

Именно туда, в давно покинутые края, бегут те, о ком, кажется, и говорил телевизионный профессор. Туда сбежал один из ее интернетовских знакомых, который понял в начале лета, что больше не может жить в двухкомнатной квартире, где, кроме него, теснятся еще восемь человек, и работать на оплату услуг психиатра. Он оставил свои координаты, надо только почту открыть и распечатать его письмо: писать ручкой по бумаге Диану никто не учил.

— Погодите! — сказала она.

— Да? — улыбнулась девушка-нотариус.

— Я еще могу отдать кому-то Джекпот?

— Безусловно, вы ведь еще ничего не подписали. Кому вы...

— Кому угодно! Могу — вам! Или любому!

— Сколько? — подал голос кто-то из толпы присутствующих.

Она назвала — исходя из примерной стоимости билета до Нежилых Земель и всего необходимого на первое время. А там уж...

— Согласен! — Моложавый мужчина в свитере поверх рубашки подошел к столику. — Оформляйте!

... Диана вышла через час, сжимая в кармане теплый флеш-паспорт с полученной только что суммой. Телевизор позади нее еще бормотал:

«...приза Лотереи отказалась от выигрыша в пользу гражданина N, 1992 рождения, уроженца города Москвы. Он сейчас и проследует в медицинский центр Лотерейного комитета для осуществления добровольной эвтаназии путем внутривенного введения новейшего препарата «Эйфорион» пролонгированного действия, который обеспечивает состояние полного счастья в течение трех, а не двух ча-

сов, как медикаменты старого поколения! Мы будем следить за происходящим в режиме реального времени. Оставайтесь с нами — мы продолжим после рекламной паузы!»

«А родителей заберу потом, — сказала себе Диана. — Устроюсь и сразу заберу. Надо купить аптечку, и иголки, и нитки, и теплую куртку, и одеяло, и... тьфу, лучше список составить, а то ведь все забуду, память ни к черту. А выбраться отсюда — так я выберусь, я везучая, не зря же мама говорит...».

Насвистывая, она покинула здание и встала в очередь к станции метро.

Ей действительно везло в этот день — она смогла сесть в поезд всего через час, не больше. □

Александр Аннин

КОТТЕДЖ С ВИДОМ НА УБИЙСТВО

Журнальный вариант. Окончание. Начало в № 7, 2011

Глава тридцать четвертая

Никак не спалось Вере Ильиничне Ардашкиной. И вот почему: ей вдруг пришел в голову дурацкий вопрос — а чем она, собственно, занималась с пяти до восьми вечера?

Стоп. Она же видела, как к Хрипуновым подъехала «Волга», и из нее вышел статный военный, который и прежде бывал в гостях у Марата Петровича. Так, с этим все ясно. А что было потом? А потом этот военный уехал.

Нет, не так! Сначала на «мерседесе» подъехал Марат Петрович, и она еще обрадовалась, что начнется скандал, даже пропустила по этому случаю внеочередной стаканчик текилы. А потом что? Куда делся «мерседес» Хрипунова? А никуда — вон он стоит внизу, у калитки. А черная «Волга»? В ней уехал военный, она это точно помнит. Вышел на крыльцо в шинели, огляделся, быстро сел за руль и отчалил, даже не включив фары.

Но действительно ли она слышала выстрелы? Да, похоже, слышала. Но вот что хорошо было бы выяснить... Почему звук первого вы-

стрела отчетливо звучит в ее памяти, а второй запомнился как-то приглушенно? И почему ее правый указательный палец «помнит» холодок спускового крючка? Или это напоминает о себе крючок калитки, который никак не хотел поддаваться ее пальцам?

Нет, так можно сойти с ума... Где пистолет? Она же спрятала его в комод под зеркалом, среди постельного белья.

Вера Ильинична выдвинула ящик комода, принялась шарить в нем, а потом бессильно заревела — пистолета на привычном месте не было.

Неожиданно для себя она вдруг успокоилась. Чего реветь-то? Ведь уже заранее все решила. Вера Ильинична наполнила бокал и вновь подошла к окну, выходящему в ее дворик. Свежесрубленная глухая беседка белела некрашенными стенами и оцинкованной крышей.

Хм... Это другие думают, что у нее такая странная беседка, но это не беседка.

Это склеп.

Несколько дней назад, вот так же, ночью, она подошла к окну и при свете луны увидела в своем саду человека с лопатой и фонариком. Он деловито копал прямоугольную яму. Работа приближалась к концу, и из ямы была видна лишь голова могильщика. Почувствовав ее взгляд, человек обернулся — это был Маслов Юрий Георгиевич. Со времени их памятной встречи на лестничной клетке сталинского дома прошло, почитай, уже лет семь, а Маслов при свете фонаря казался ничуть не изменившимся. И так же, как в тот раз, улыбался ей и кивал головой.

Ардашкина легла спать и проснулась уже за полдень. Светило солнце, и, когда она выглянула в окно, могила с кучей земли уже не казалась такой зловещей. Рядом с ней стоял какой-то памятник... Любопытство заставило ее спуститься вниз, и она подошла поближе, стараясь не смотреть в глубину аккуратной ямы. Памятник был неплох — ее собственный бронзовый бюстик, увенчанный чем-то вроде короны. Пять фонариков в виде ограненных рубинов шли вокруг ее головы, а шестой, более крупный, возвышался над макушкой. Спасибо тебе, мой дорогой, в такой могиле и лежать, наверное, будет приятно!

Где-то стучали плотники, Вера Ильинична пошла на звуки топора и заказала мужикам срочно сделать ей нечто вроде беседки. Придя на ее участок, плотники какое-то время молча смотрели на могилу. А потом, не задавая лишних вопросов, мужики управились часа за три с половиной, благо особого качества и долговечности хозяйка от них не

требовала. Бригада в этот день заканчивала делать крыльцо у Петра Игнатьевича Ванникова, и поэтому растрепать о диковинном заказе сумасшедшей старухи они просто не успели.

Вот и сейчас, ночью, Вера Ильинична стояла и смотрела вниз, на собственный склеп. Потом наскоро оделась, взяла начатую бутылку текилы и спустилась в запущенный сад.

На дне могилы, защищенной от дождей и листопада, уже несколько дней лежал заботливо положенный Верой Ильиничной надувной матрас, к которому спускалась алюминиевая садовая лесенка. Было замечательно лежать на матрасе и смотреть на звезды сквозь небольшое окошко в куполе.

Ардашкина медленно спустилась по лестнице, устроилась удобнее и запрокинула бутылку, делая большие жадные глотки.

Глава тридцать пятая

Подполковник Бурцев продолжал методично и цепко работать по двойному убийству в «Серебряных ключах». Объявленного в федеральный, а спустя сутки — во всемирный розыск генерала Чухлова караулили в аэропортах и на вокзалах, на таможах и в морских гаванях. Люди в штатском прогуливались поблизости от десятков мест, где хотя бы теоретически мог появиться Чухлов, телефоны всех его друзей, сослуживцев и любовниц были поставлены на негласное прослушивание, фотографии Чухлова лежали в карманах и сумочках у сотрудников метрополитена, официантов ресторанов, водителей такси, работников всех российских гостиниц и мотелей.

Исследование гильзы и пули, поразившей Елену Хрипунову, сверенное с данными картотеки, принесло чудовищные, потрясающие результаты. А именно, пистолет Макарова, отправивший на тот свет «белокурую газель», был тем же самым, из которого в 1991 году маньяк по прозвищу «Абдулла» убил четырех азиатских девушек!

Генерал Павел Чухлов — Абдулла! Все сходилось с тогдашними выводами Бурцева: полковник Чухлов воевал в Афганистане, у него погиб друг, которого заманила в засаду афганка... В 1991 году работал

в научно-техническом управлении министерства обороны, практически постоянно пребывая в Москве. Он неоднократно был членом комиссии военного ведомства, выезжавшей в секретный подмосковный НИИ для изучения результатов работы этой «конторы», стало быть, пользовался услугами предоставленного руководством НИИ девочек, две из которых впоследствии были убиты. Впрочем, связь последних двух убийств с четырьмя предыдущими так и не была тогда установлена... А теперь Чухлов как сквозь землю канул.

Бурцев ходил взад-вперед по кабинету, словно пантера в клетке. Наконец он остановился и тяжело произнес:

— Он в «Ключах», Комар. Он не покидал коттеджный поселок. Я чувствую, он прячется в одном из особняков! Но их там сотни, а точнее — сто тридцать восемь...

Задержанный телохранитель Хрипунова Шаргин допрашивался по нескольку часов уже на протяжении двух дней, и постепенно прояснялись все политические и финансовые интересы покойного книгоиздателя, правда, все это никак не было связано с двойным убийством.

Глава тридцать шестая

Бурцева тянуло в «Серебряные ключи».

Он съездил к доктору Градову и долго общался с ним в его коттедже. Они сыграли не поддающееся исчислению количество партий на бильярде, подполковник выведал у психиатра максимум подробностей о его фронтовой юности, за что и когда он получал боевые награды. Потом говорили о ранении и реабилитационном курсе в Алма-Ате...

Пока Максим Юрьевич любовно разглядывал коллекцию оружия, хозяин особняка, радуясь беседе со сведущим человеком, комментировал преимущества и недостатки того или иного ружья, рассказывал, при каких обстоятельствах подстрелил вот этого кабана или вон того лося, чьи головы украшали бильярдную. А потом вдруг неожиданно сказал:

— Вам, господин Бурцев, конечно же, не терпится спросить, как дошел я до жизни такой — особняки, собственный санаторий, поезд-

ки в Южную Америку — развлечения ради... Что ж, извольте, я готов вам все объяснить. Знаете поговорку: «Первый получает все»? Так вот, я был первым...

И, попивая мартини, Градов начал рассказывать, что отец его был довольно известным врачом-невропатологом, и после того, как Слава излечился от ранения, он поступил в медицинский институт, а впоследствии специализацию выбрал по отделению психиатрии.

Свою идею создать реабилитационный психиатрический центр для «афганцев» Градов вынашивал еще во время учебы. Он умел находить друзей, и вот в печати появились интервью фронтовика, «прошедшего огонь и воду». В этих публикациях, обосновывалась необходимость государственной программы по восстановлению загубленной психики наших парней, попавших в афганскую мясорубку. Шел 1986 год, и в обществе начали проявлять запоздалый, но довольно массовый интерес к «потерянному поколению афганцев». К тому времени Градов был уже в ординатуре. Его вызвали в Минздрав, затем — в Минобороны...

Он получил звание полковника медицинской службы и какое-то время работал в секретном НИИ Минобороны в Подмоскowie.

— Где директором был покойный академик Ардашкин, если я не ошибаюсь? — вставил подполковник.

— Да, он самый, — нисколько не смутился Градов. — Кстати, его вдова проживала напротив Хрипуновых. Вы еще не слышали? Она замерзла насмерть позавчера или вчера в своем саду. Пьяная была, конечно. А тут заморозки лютые ударили — до минус десяти... Ее труп случайно обнаружили только сегодня.

«Еще один труп в «Серебряных ключах», — озадаченно подумал Бурцев. — Правда, не криминальный, но все-таки... Какой-никакой, а свидетель двойного убийства. И где-то прячется Чухлов, а Ванников боится, что за ним кто-то охотится... Страшное место! Ключи от врат адовых...»

Бурав решил все-таки заглянуть в коттедж к Петру Игнатьевичу. Скрепя сердце, он мысленно признал свою ошибку: ему не следовало отмахиваться от разговора с бывшим «важняком», несмотря на всю возникшую к нему неприязнь. Одно утешало Бурцева — умение признавать свои ошибки, это, как известно, признак высокого интеллекта.

Между тем психиатр с самодовольным видом продолжал свой рассказ.

Глава тридцать седьмая

После разгона секретного НИИ Минобороны в 1991 году Градов с помощью неких «хороших людей» получил бывшую княжескую усадьбу в ближнем Подмоскowie — с прекрасно сохранившимся графским домом, с парком и озером, маленькой молочной фермой и великолепными конюшнями.

Госфинансирование было открыто предостаточное — поговаривали, что на новый санаторий перебросили бюджетные деньги, которые прежде выделялись для ардашкинского НИИ. Психиатрический реабилитационный центр был обставлен помпезно, в расчете, конечно же, на отечественный и международный резонанс. Вячеслав Кириллович Градов стал главврачом подмосковного комплекса.

Когда же наступила пора всеобщей денационализации и приватизации, у него уже был готов пакет документов для акционирования санатория. Хозяином стал медицинский персонал, а если говорить конкретнее — то лично он.

Градов прищурился, задорно блеснув глазами:

— Потом начались всенародные трудности, я аккуратненько скупил почти все акции, постепенно поменял персонал. Мне уже не было резона лечить свежим воздухом простых служаек, и санаторий мой стал заведением для богатых пациентов. Знаете, подполковник, сколько психов, в самом прямом смысле слова, среди депутатов всех уровней, мэров, руководителей концернов, лидеров политических партий и движений? И у всех у них — деньги, немереные деньги. А еще, такие же душевнобольные родственнички, у которых шарики зашли за ролики от такого богатства, свалившегося с неба на «халяву»...

У Бурцева вдруг возник один, казалось бы, никчемный, гаденький такой вопросик:

— Вячеслав Кириллович, ну а у самого-то как со здоровьем?

Градов повернулся к камину, якобы для того, чтобы поворошить угли, но Бурцев понял, что собеседнику требуется время, чтоб привести в нейтральный вид выражение своего лица, ставшего белым как мел.

— Мне ведь уже за сорок, Максим Юрьевич, — ответил доктор неожиданно спокойным голосом. — А знаете, как говорят, если в сорок лет у тебя ничего не болит, значит, ты уже умер.

— Разве? — усомнился Бурцев. — Помнится, эта поговорка относится к пятидесятилетним.

— Ну, все прогрессирует, — махнул рукой Градов. — В том числе, болезни и смерть...

— А позвольте спросить... Похмелье вас сильно мучает?

— Что-что?! — Психиатр взглянул на подполковника так, как обычно смотрел на своих «тяжелых» пациентов.

— Я имел в виду, головные боли у вас часто бывают? — жестко проговорил Бурцев. — Я тут подобрал вот это у вас под бильярдным столом, когда закотившийся шар доставал. — И он показал Вячеславу Кирилловичу пустую облатку из-под аспирина.

— Что ж, сделаю нагоняй приходящей прислуге, — пожал плечами Градов. — Шут ее знает, сколько эта облатка там валяется... А вы, стало быть, решили, что я лечу похмелье аспирином? Ну-ну... Кстати, способ неплохой, я слышал, помогает безотказно. Только я его не применяю. Нужды нет. — Чувствовалось, что на протяжении этой тирады психиатр все больше выходит из себя. Наконец ему надоело сдерживаться, и он с досадой стукнул кулаком по зеленому сукну бильярдного стола: — Слушайте, давайте перестанем играть во все эти «сыщик, ищи вора». Мы же солидные люди, в конце-то концов. Можно подумать, кто-то этими таблетками кого-то застрелил... Кстати, вроде бы Хрипунов позавчера принимал аспирин — у него от ревности и бессонницы голова болела, вот он и попросил у меня...

— Целую облатку? — наивно спросил Бурцев.

— Ну, чего вы от меня хотите? — устало проговорил Градов. — Чтобы я знал поштучно, сколько у меня таблеток какого препарата находится в аптечке? Может, все-таки обойдемся без этого детского сада, ей-богу... Так хорошо общались, нет, на тебе, все настроение — коту под хвост.

— Извините великодушно, работа у меня такая — настроение людям портить. Мне за это даже деньги платят, — усмехнулся Бурцев.

Глава тридцать восьмая

Гришке Ляпикову, бывшему «честному» вору-домушнику, а в последнее время — штатному осведомителю подполковника Бурцева, в

который раз улыбнулась судьба. После очередной «отсидки» Бурав пристроил его контролером на один из крупных московских рынков. За такую услугу, понимал Гришка, ему придется расплачиваться с Бурцевым всю оставшуюся жизнь. А сколько ее осталось, жизни-то, зависит от самого Ляпикова, его умения конспирироваться. Чуть заподозрит братва, что стучит Гришан оперу, и его обглоданный крысами труп найдут этак через полгодика в помойных закоулках того же рынка.

К Ляпикову рыночная братва относилась хорошо, по-свойски. Шутка ли, четыре «ходки» парнишка отмотал, и какие ходки! Брал-то лихо, не по мелочи, и вором был традиционным, старой закваски. Закон понимал. А что жизнь на рынок загнала — так это не его одного, все кругом меняется, крутится надо... И друг за дружку держаться.

Бурав, конечно же, не разговаривал с директором рынка в том же уничтожающем тоне, что с антикваром Безлепкиным, мол, пристрой моего человечка на время перекантоваться. Нет, просто к директору рынка заглянул крупный воровской авторитет, старый должник подполковника Бурцева, и в разговоре, между прочим, помянул Гришана добрым словом. В общем, как обычно: зайдет к тебе братанок, а уж ты сам решай, куда его и что.

И Ляпиков покрикивал на водителей автофургонов и «газелей», записывал номера, совал мятые купюры в свой карман и шел дальше...

Бурав не тревожил Гришана месяца два, а тут вдруг дал ориентировку — пошерсти, мол, Григорий, насчет иконы Ильи Пророка, старинной, в серебре, с красными камушками и бирюзой. Размер сообразил, и как выглядит. В общем, паленая вещичка, то есть, ворованная.

Сидя вечером в кафе на рынке, где после дневных трудов собралась многоголосая и разноязыкая кодла, Ляпиков подмигнул толстобочкой Натахе, что стояла за прилавком, и весело начал свои обычные подколки, которые с удовольствием слушала вся шатия-братия:

— Что ж это ты, Натах, у себя в углу Талькова расхристанного повесила?

— А тебе он что, не нравится? — лениво отозвалась бабенка.

— При чем тут нравится — не нравится... Просто раньше в кабаках иконы были, чтоб православному человеку перед тем, как вмазать, удобно было помолиться. Я вот, мужики, не поверите, как, бывало, в чью квартиру захожу — первым делом в красный угол смотрю, где

иконы. Перекрещусь, помолюсь, мол, Господи, помоги квартирку обчистить, и чтоб менты не замели!

Сидевшие за столиком братки дружно загоготали.

— А иной раз, — продолжал Ляпиков, — и про деньги забудешь — такое чудо в углу висит, что никакое золото не нужно. Я ж в иконах даже разбираться научился, да еще на зоне один специалист сидел, поднатаскал, как фуффло от вещи отличать...

— Настоящих икон сейчас на Москве мало осталось, — вступил в разговор фиксатый вор по кличке «Нечай». — Это в глубинку ехать надо, раз ты теперь специалист. Недавно, правда, гуляла одна дощечка знатная...

Больше Гришка не говорил ничего, разговор вели другие — на тот случай, чтоб потом нельзя было вспомнить, кто первый заговорил об иконах. И уже буквально через несколько минут Ляпиков знал всю историю дониконовской иконы Ильи Пророка, которую антиквар Безлепкин опрометчиво взял на комиссию у некоего гражданина и продал затем Елене Хрипуновой...

— Икону эту, Илью Пророка, украл у перекупщика зелени вор по кличке «Гунявый», — докладывал на следующий день Бурцеву Гришка, когда они в условленное время сели рядышком на лавочке в холле метро «Киевская». — Наводчицей была Ганька, она семечками на другом рынке торгует. А тут, значит, ночевала у этого зеленщика и приметил образок. Хозяин иконы про ее ценность ничего не знал, но хвастал, что, дескать, когда в тридцатые годы на Красносельской церковью ломали, его дед принимал участие в разорении храма. Энкавэдэшником, значит, был. Большинство икон прямо в церковном дворе порубили и сожгли, а эта ему понравилась, он ее домой взял. Чтоб от пожара защищала... А Гунявый, украв икону у зеленщика, взял, да сдуру в антикварный магазин ее отнес. Что, теперь брать его будете?

— Все, Григорий, свободен, — отмахнулся от него Бурцев.

Вернувшись на Петровку, 38, подполковник тут же разослал запросы в обе столичные епархии — городскую и областную, с описанием иконы и просьбой сообщить в московский уголовный розыск, не поступала ли данная икона в какой-нибудь приходской храм или монастырь в качестве пожертвования. Вскоре пришел ответ из московской городской епархии: да, именно этот образ буквально на днях был подарен церкви Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове. Даритель — молодая прихожанка храма.

Бурав тут же отправил факс в секретариат епархии, мол, согласно полученным оперативным сведениям, данная икона приобретена законным путем и в розыске, как улика или объект преступления, более не находится.

— Зачем ты вообще тратишь на это время? — осторожно спросил Бурава Комар. — Ты думал, икона имеет отношение к убийству Хрипуновых?

— Нет, конечно... — вздохнул подполковник. — Точнее, сначала я допускал все, что угодно, тем более, что икону мы не нашли. Однако потом стало ясно, — между прочим, после разговора с Ванниковым, — что Елена Хрипунова была женщиной верующей и, скорее всего, при ее-то богатстве, помогала украшать храмы, покупала иконы не для себя, а для церкви... Так что я ожидал подобного результата. Но, видишь ли, Леша, тут дело такое... Знать, правы были те, кто в свое время категорически возражал против разделения МУРа на отделы с узкой специализацией. Мол, мы отдел убийств, хищениями не занимаемся, и что там произошло с памятником древнерусского искусства — дело не наше, это по другому отделу! А может, образ из музея похищен, из другого храма? Может, это семейная реликвия, которую надо вернуть? Ведь Безлепкину принесли явно ворованную икону!

— Явно, — понуро кивнул Комар.

— Вот я и дал ориентировку Гришану, — продолжал Бурав. — И знаю теперь, что церковь, в которой находилась эта икона первоначально, в тридцатые годы разрушена, стало быть, возвращать уцелевший образ Илии Пророка некуда. А насчет зеленщика... Вопрос, конечно, интересный. И я, Леша, отвечу тебе честно — не думаю, что было бы правильным возвращать святую икону наследникам того энкавэдэшника, который разрушал храмы и сжигал святыни. Может быть, я самовольничаю, превышаю служебные полномочия, но идти против Промысла Божьего не хочу. Ладно, брат, иди домой, отдыхай...

Глава тридцать девятая

После ухода Комара подполковник долго смотрел в окно. Эх, повезло этому золотарю Безлепкину! Сам Бурцев, без всякого нажима

со стороны вышестоящих чинов, вынужден покрывать скупку господином Безлепкиным краденого имущества. Почему? Да очень просто. Ну, раскрутят они это дело с кражей иконы у перекупщика зелени, и что дальше? Образ придется изымать из бутовской церкви, возвращать его внуку энкавэдэшника, разорителя храмов... А что будет Андрею Степановичу? Ну, может, штраф засобачат за нарушение правил торговли антиквариатом. Но посадить все равно не посадят. Выкрутится. Другое дело, что наслаждаться собственной безнаказанностью Бурцев Безлепкину не позволит.

И подполковник, решительно сняв трубку, набрал номер.

— Андрей Степанович? Это Бурцев говорит, из московского уголовного розыска.

На другом конце провода судорожно глотнули.

— Как вы себя чувствуете, Андрей Степанович? — вкрадчиво поинтересовался Бурав. — Говорите, нормально? Ну, и, слава Богу. А то мне показалось, что я вас несколько расстроил. Так вот, в ходе проведенных оперативно-следственных мероприятий установлено, что икона Илии Пророка, которую вы изволили взять на комиссию и затем успешно продали, является краденой. Да-да, мы знаем всех действующих лиц, они уже дают показания. И я, видите ли, решил позвонить вам, а не вызывать на допрос повесткой. Когда прийти? А вот мы сейчас и прикинем. Сегодня у нас девятое, время уже позднее, пожалуй, не стоит. А завтра, сами понимаете, День милиции. Не хочется омрачать праздник общением с вами, гражданин Безлепкин, вы уж не обессудьте. Так... Потом суббота-воскресенье... Значит, в понедельник, часиков в пять вечера. Годится? Ну, и славно. — Бурав удовлетворенно дал отбой. Четыре дня маеты и бессонницы господину антиквару обеспечены.

Бурцев, разумеется, не мог знать, что своим звонком Андрею Степановичу Безлепкину подписывает себе смертный приговор. И дело оставалось, как говорится, за малым — привести его в исполнение.

Глава сороковая

Безлепкин осторожно, будто бомбу, положил телефонную трубку на рычажки и мутным взором окинул помещение своего магазина. В тор-

говом зале царила деловитая суета: еще утром Андрей Степанович объявил сотрудникам, что «Антиквариат» закрывается на внеплановый учет.

Почему-то озираясь, он прошел в свой кабинет и набрал номер сотового телефона Бургаса. Андрей Степанович знал, что в этот час его криминальный покровитель ужинает с девочками в клубе «Монреаль», и потому звонить ему в офис бесполезно.

— Николай Павлович, простите за беспокойство, но дело серьезное, — почти шепотом начал Безлепкин.

Из трубки доносилась приглушенная мелодия шлягера и женский смех. Как ни странно, Бургас сразу узнал собеседника и ободряюще ответил:

— Выкладываете, Андрей Степанович, не стесняйтесь. Но и про слушачей не забывайте, мало ли что...

— Я согласен, — выдохнул антиквар. — Пришлите кого-нибудь за деньгами.

Бургас без лишних пояснений понял, что речь идет о его предложении, сделанном Безлепкину в «Трех пескарях» касательно подполковника Бурцева. И авторитет ощутил, как что-то нехорошо шевельнулось в груди... Одно дело — балагурить о покушении на подполковника Бурцева, сидя в уютном уголке ресторана, и совсем другое — в действительности взять на себя эту затею с непредсказуемым результатом. Тут надо хорошенько все подготовить...

Но антиквар вдруг выказал неожиданную решительность:

— Николай Павлович, я финансирую проект с одним категорическим условием — с этим делом все должно быть кончено к понедельнику. Во вторник будет уже поздно.

— Ладно, пусть будет по-вашему, — нехотя согласился Бургас и дал отбой.

А Андрей Степанович, положив трубку, в отличие от Бургаса, ощутил прилив энергии и оптимизма. Только теперь он осознал, что именно мучило его последние два года. Это — смутный образ чернявого, коренастого сыщика, затаившийся в глубинах его сознания.

Теперь, когда Бурцева не станет, Андрей Степанович вновь обретет былую уверенность и непоколебимость. Да-да, все так и будет. Именно поэтому господин Безлепкин и не стал сбивать «цену головы», назначенную Бургасом в «Трех пескарях».

Бывший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ Петр Игнатьевич Ванников пребывал в непонятном состоянии духа. На утренней прогулке он видел, как в труповозку грузили закоченевшее тело Веры Ильиничны Ардашкиной. В лицо покойницы Петр Игнатьевич старался не смотреть, и потому пенсионеру назойливо лезла в глаза рука покойницы, свешивающаяся с носилок.

Потом Ванникову предстоял неприятный телефонный звонок в издательский центр «Скиф», заказавший ему мемуары. Дело в том, что поначалу Петр Игнатьевич ни сном ни духом не ведал, что «Скиф» принадлежит Марату Петровичу Хрипунову. А сам Хрипунов почему-то умалчивал об этом, хотя они жили по соседству и постоянно встречались. Лишь случайно Елена, занеся как-то Ванникову семена редкого сорта лука, называемого «скиф», проговорила, что у мужа есть дочернее издательство с таким же названием.

К чему была вся эта игра в прятки, Петр Игнатьевич не мог взять в толк. Но теперь, после убийства Марата Петровича, он усомнился, а нужны ли вообще его мемуары новым хозяевам империи Хрипунова? И он позвонил человеку, с которым подписывал контракт, чтобы окончательно прояснить ситуацию. Больше всего тревожила Петра Игнатьевича вероятность того, что его заставят вернуть аванс или хотя бы часть аванса. А это были огромные деньги, и Ванников их уже израсходовал.

— Да вы что, дружище, не пугайте меня, ради Бога! — раздался в трубке знакомый уверенный басок. — Марат Петрович, Царство ему Небесное, был, конечно, царь и Бог, но в нашем с вами деле с его кончиной ничего не меняется. Текущее планирование осуществляю я, исполнительный директор издательства «Скиф». И контракт вы подписывали со мной, а я, тьфу-тьфу-тьфу, пока еще жив-здоров. Ни о чем не волнуйтесь, размеры гонорара остаются прежними. Но и сроки, Петр Игнатьевич, и сроки! Так что вы уж не подведите. Послезавтра вы сдаете нам рукопись в набор, не забыли? А то, извините, придется штрафные санкции применять...

Ну, уж, дудки! Ванников всегда укладывался в срок, даже когда вел запутанные, грандиозные по своим масштабам дела. Не ударит он в

грязь лицом и теперь, когда требуется всего лишь честно и подробно описать одно из таких дел: персоналии, мотивы, подводные камни, позицию тех или иных политиков... На этот счет память у Петра Игнатьевича была феноменальной, а стиль изложения — четкий, безжалостный и, в то же время, достаточно литературный.

И все-таки... События последних дней настораживали, если не сказать больше: впечатление было такое, что мертвая петля стягивается вокруг его, Петра Игнатьевича, трудовой шеи. Даже дикая, отвратительная смерть Веры Ардашкиной несла в себе что-то зловещее, казалась мистически закономерной. И Ванников, как опытный следователь, понимал, что здесь не все чисто. А точнее — все нечисто.

То, что старуха, рано или поздно, закончит жизнь плачевным образом, сомнений у бывшего следователя не вызывало. Он понял это с первого дня их знакомства. Но мизансцена смерти Ардашкиной превосходила самые мрачные режиссерские фантазии. Пользуясь своим недавним служебным положением, Петр Игнатьевич проник на участок соседки, когда там хлопотала бригада из местного отделения милиции и межрайонной прокуратуры.

Зрелище импровизированного склепа было и величественным, и отталкивающим одновременно. В глубокой ровной могиле, на подушке надувного матраца покоилась голова Веры Ильиничны, лицо ее было скорбным и будто плачущим. Вместо свечки руки сжимали высокую бутылку текилы.

Можно было предположить, что пьяная Ардашкина вышла ночью побродить по саду и случайно упала в могилу. Но нет, этот вариант опровергался наличием аккуратно поставленной на дно ямы алюминиевой лесенки, а также удобной позой Веры Ильиничны. Диким было и само появление могилы и некоего подобия склепа на территории дачи, а всего циничней смотрелся бронзовый бюст Веры Ильиничны с каким-то венцом кровавых фонариков.

Непосредственной причиной смерти, как быстро определил судмедэксперт, было вовсе не алкогольное отравление, Ардашкина просто замерзла.

Прислушиваясь к разговорам оперативников, Петр Игнатьевич отметил про себя еще одно чертовски странное обстоятельство. Оказывается, под утро какой-то мужчина позвонил в местное отделение милиции и буднично сообщил, что в «Серебряных ключах» на участке

номер такой-то, в самодельной могиле, замаскированной деревянной беседкой, находится труп только что умершей женщины. Вот так!

И как же это понимать? Да очень просто. Мол, спектакль окончен, режиссер-постановщик ставит об этом в известность публику и отправляется почивать.

Глава сорок вторая

— Как вам участок, Петр Игнатьевич? — деловито осведомился кто-то за спиной Ванникова.

Пенсионер оглянулся и увидел доктора Градова, одетого в дорогой плащ и шляпу.

— А что? — не сразу дошел до бывшего следователя смысл вопроса, прозвучавшего на редкость неуместно.

— А то, что прямых наследников, если я не ошибаюсь, у покойной нет, да и вряд ли дачка зарегистрирована была чин-чинарем... А ваш-то коттедж по соседству. Не подумать ли вам о том, чтобы округлить владения? Выгодней капвложения не придумаешь.

— А сами-то, что же, в таком случае? — с откровенной неприязнью поинтересовался Ванников.

— Я? А что я? Мой участок на другой улице. Иное дело — дом Хрипуновых... Тут я, пожалуй, рискнул бы вложить денежки. Вот кончится следствие, пройдут полгода поиска наследников. Можно будет и поторговаться...

Ванников не стал продолжать разговор, попрощался и, кряхтя, поплелся домой. Сам не зная почему, но он твердо знал, что ему предстоит сделать немедленно. А именно, влезть в Интернет, набрать адрес электронной почты издательства «Скиф» и перегнать им весь имеющийся на сегодня текст мемуаров о деле сверхсекретного НИИ министерства обороны за 1991 год. А на сегодня имелся уже практически весь текст — разве что страниц двенадцати-пятнадцати не хватало, но он их к вечеру закончит.

Почему же так заторопился почтенный пенсионер, что заставило суетиться заслуженного ветерана прокурорской службы? Трудно сказать. Просто Петру Игнатьевичу Ванникову вдруг стало очень страш-

но и одиноко. Но по опыту он знал: если человек уже успел переслать компромат куда следует, то убивать его нет больше никакого смысла. И высоко оплаченные мемуары в виде килобайт информации улетели в бесконечность под названием Интернет. А там, безошибочно отыскав свою цель, осели в почтовом ящике издательства «Скиф».

Ванников перевел дух. Да, почти все, о чем он мечтал, сбылось!

Разве мог он построить такой роскошный кирпичный коттедж на свои «кровные»? Откуда у госслужащего такие деньги? Петр Игнатьевич никогда не брал ни рубля взятки. И вот, как говорится, подфартило...

Вскоре после выхода на пенсию, то есть несколько месяцев назад, ему на московскую квартиру позвонили из издательства «Скиф» и предложили фантастический контракт: напишите, мол, господин Ванников, книгу мемуаров о расследовании одного крупного дела 1991 года. Тогда намечался грандиозный процесс по делу шарлатанов из секретного НИИ Минобороны. И не просто шарлатанов, а, можно сказать, казнокрадов.

Да, ответил Петр Игнатьевич, он тот процесс хорошо помнит — как-никак, возглавлял следственную бригаду прокуратуры города Москвы. Многие фигуранты тогда ушли от уголовной ответственности, хотя у следствия были доказательства их причастности к колоссальным махинациям.

Вот-вот, подхватили в издательстве, вы это все в книжке и напишите, да и фамилии подлинные поставьте. А мы вам тридцать тысяч долларов заплатим. Пятнадцать — вперед, авансом. Остальные — в день сдачи текста. Только сдать надо вовремя...

Петр Игнатьевич сразу все понял. Он должен был закончить свою документальную книгу ровно за полтора месяца до начала очередных выборов. Чтобы, значит, ее успели напечатать, разрекламировать и даже распродать. Сейчас это быстро делается, особенно если кому-то очень нужно.

А кому-то нужно, уж будьте уверены. К власти продвигалась новая, мощная партия «Сила Руси», а среди ее лидеров — как раз те самые фигуранты по делу о казнокрадстве, которые тогда из подозреваемых превратились просто в свидетелей.

Ну, академик Ардашкин, главный фигурант и аферист, обворовавший казну на миллиарды рублей под видом разработки психотронного оружия, — застрелился, испугавшись разоблачений. А вот многие его

приспешники чувствуют себя очень даже неплохо в новой России. Еще бы, с наворованными-то деньгами!

О том, как поживают сегодня его бывшие подследственные, Петр Игнатьевич и собирался рассказать на последних страницах мемуаров. Это будут самые ударные, самые эмоциональные страницы!

Пальцы его быстро застучали по клавиатуре.

Вот, например, Вадим Биланов, по кличке «Билл». Он в 1991 году был первым секретарем домодедовского горкома партии, всячески покрывал Ардашкина, путал следствие. Теперь он — председатель правления коммерческого банка «Норд-Вест». Или генерал Павел Чухлов, который спит и видит, как бы стать новым Бонапартом...

Тогда, в 1991-м, не кто иной, как Чухлов постоянно входил в комиссию Минобороны СССР, периодически проверял деятельность злополучного секретного НИИ под Москвой. Единственный, кстати, кто легко мог вывести всю эту аферу на чистую воду. Но не выводил, обильно пользуясь предоставляемыми Ардашкиным жизненными благами — девочками, дефицитной в то время выпивкой и закуской, а, может, и деньгами...

А заместитель Ардашкина — Альберт Жучинский, которого Петр Игнатьевич про себя окрестил Жуком? Вот уж пройдоха, каких мало. В 1991-м Ванников был уверен, что хоть этого-то удастся посадить, вместе с завхозом Ходжаняном. А два этих деятеля, как выяснилось, ни сном, ни духом о научных разработках не ведали, единственное их преступление заключалось в том, что они деньги из фонда развития спортивной базы переводили в фонд поощрения. За это раньше, правда, тоже сажали, но к 1991 году общественный климат изменился, потеплел для жуликов всех мастей... И где же сейчас Жучинский с Ходжаняном? Известно, где — одни из видных представителей идущей на выборы новой партии. Респектабельные бизнесмены, треплются по телевизору о возрождении русского пути, русского духа... Даже Ходжанян, с его-то акцентом и григорианским крестом на груди!..

Ванников с хрустом потянулся в кресле перед монитором. Что верно, то верно, участок в «Серебряных ключах» он не покупал, ему помог его получить генпрокурор, который также имел недурственные хоромы в этих краях.

Первые пятнадцать тысяч долларов аванса сразу были пущены на строительство дома, да еще он взял солидный кредит в банке. Опять же — без прокурорского блата не обошлось.

Завтра он сдаст рукопись, получит вторую половину гонорара и тут же рассчитается с кредиторами. И тогда, наконец-то, наступит безмятежное время, которое издавна именуется достойной старостью.

Глава сорок третья

Под вечер, когда уже стемнело, Петр Игнатьевич почувствовал, что слегка закоченел. Надо бы печку подтопить. На его лице вновь появилась довольная улыбка. В последнее время ему везет буквально во всем! Вот и печка удалась на славу — просто загляденье.

Петр Игнатьевич пошел в подклеть выбирать березовые поленья. Делал он это любовно, не торопясь. Потом загрузил дрова в печную утробу, запалил бересту и снова вернулся к компьютеру. Оставалось совсем немного — краткое, но назидательное резюме. Уж понравится оно заказчику или нет, но Петр Игнатьевич считал своим долгом четко обозначить свою позицию по отношению к ворами и убийцам девушек.

И тут в дверь постучали.

«Сосед», — подумал Петр Игнатьевич и не ошибся. В дверях стоял приветливый, интеллигентный мультимиллионер Готовцев, владелец роскошного особняка. Чем конкретно занимался Готовцев, Петр Игнатьевич как-то не старался выяснять. Одним словом — бизнес. Но в последнее время они незаметно сдружились.

— Не оторвал от писательских дел? — поинтересовался гость.

— Да как вам сказать, Игорь Витальевич... Вы проходите в гостиную, погрейтесь у печки. А я сию минуту к вам выйду, только компьютер в кабинете выключу. Мне буквально часа на полтора работы осталось.

Готовцев стоял посреди комнаты и явно не собирался садиться в кресло.

— Знаете что, Петр Игнатьевич, — обратился он к Ванникову, — раз вы говорите, что вам работы на полтора часа, то я, пожалуй, пойду. Вы свой труд добивайте, а я пока у себя футбол посмотрю — как-никак, Лига чемпионов... А часика через два опять к вам загляну.

— Да-да, Игорь Витальевич, вы уж непременно загляните, отпразднуем завершение мемуаров, — чересчур поспешно согласился Ванников.

— Это точно, повод есть. Ваши мемуары наделают шороху... — задумчиво произнес Готовцев и направился к выходу.

— Дверь не защелкивайте, а то я чего доброго ваш стук не услышу, — донесся до него голос хозяина. — Я очень часто засыпаю за компьютером, просто отключаюсь. Глаза быстро устают.

Когда через два часа Игорь Витальевич снова вошел к Ванникову, в доме стоял густой запах вареной свеклы. Готовцев почувствовал, как у него закружилась голова, и шагнул в распахнутую дверь кабинета.

Бывший следователь по особо важным делам Генпрокуратуры СССР Петр Игнатьевич Ванников сидел в кресле, уткнувшись лицом в клавиатуру компьютера, его руки повисли и касались пола. «Мертв. Угорел», — констатировал Готовцев.

Он деловито распахнул окно и вытащил сотовый телефон. Надо было вызвать милицию и позвонить еще в пару мест. Все складывалось замечательно, просто идеально.

До приезда милиции основному, но тайному финансисту партии «Сила Руси» Игорю Витальевичу Готовцеву нужно было успеть сделать в доме покойного несколько чрезвычайно важных дел.

Глава сорок четвертая

Начальник отдела убийств полковник Хлынов был, как говорится, мрачнее тучи. Он расхаживал перед Буравом и Комаром, всем своим мощным видом напоминая сыскарям об их полной ничтожности.

— Ну, что, товарищи сыщики, стало быть, успешно пополняем коллекцию трупиков? — издевательским тоном выдал из себя Хлынов. — Нет, я, конечно, все очень хорошо понимаю. В «Серебряные ключи» приезжает гениальный оперативник Бурцев, и он настолько замечательно начинает вести сыскные действия, что в поселке один за другим ликвидируются все сколько-нибудь значимые свидетели. Еще бы! Ведь преступный мир в панике, по следу идет Бурцев. Надо замывать следы кровью, ведрами крови!

— При чем тут кровь? — меланхолично заметил Бурав. — Ардашкина замерзла, а Ванников угорел. От этого общий литраж крови в их организациях несколько не изменился. Ну, разве что подпортился.

— Немедленно в «Серебряные ключи»! — взревел Хлынов. Мясистое лицо его стало не просто багровым, а лиловым. — По факту гибели следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры России возбуждено уголовное дело! Генпрокурор лично взял его на контроль!

— Бывшего следователя, — буркнул Бурцев.

— Да, бывшего, — снова взорвался начальник отдела и, с неожиданной для его габаритов проворностью подскочив к своему столу, грохнул по нему пудовым кулаком. — Хватит с меня старух и стариков! Довольно кормить меня гарниром, давайте, наконец, основное блюдо! Чухлова мне, Чухлова!

Бурцев крикнул, покосившись на ни в чем не повинную столешницу.

— Слушаемся, господин полковник. Немедленно отправляемся. Только вот как насчет срочного доклада товарищу генералу о ходе расследования убийства четы Хрипуновых? У него брифинг сегодня, журналисты набросятся. Хрипунов, как-никак, их коллегой когда-то был...

— Ах, да, это... — брезгливо поморщился Хлынов. — Господин Каморин, вы уж тогда задержитесь, закончите все эти отчеты для генерала, а потом присоединяйтесь к Максиму Юрьевичу в «Ключах». Лады?

— Лады, — вздохнул Комар, которому опять выпадала самая нудная работа.

— Ты там долго-то по древу не растекайся, — напутствовал Алексея Бурав. — Накатай все по форме и сразу дуй в Центральный военный архив. Короче, сиди там хоть до посинения, хоть до морковкина заговенья, но вытащи на свет Божий весь послужной список генерал-майора Чухлова Павла Васильевича, полковника медицинской службы Градова Вячеслава Кирилловича и майора Шаргина Владимира Климентьевича. По Шаргину я послал особый запрос в Федеральную службу безопасности.

Глава сорок пятая

Подполковник Бурцев, деловито насупившись, оглядывал комнаты в коттедже покойного Петра Игнатьевича Ванникова.

— Мне, похоже, тут делать нечего, — недовольно буркнул эксперт-криминалист Слава Зарезин. — Наши коллеги из райотдела тут за ночь все перелопатили, натоптали, затерли...

— Работай, Слава, не ворчи, — хлопнул его по плечу Бурав.

Как он и предполагал, все несложные умозаключения его коллег сводились к тому, что в коттедже имел место несчастный случай — «потерпевший отравился угарным газом в результате неисправного действия отопительного сооружения». И с чего они взяли, что печка у Ванникова неисправна? А ну-ка, проверим...

На глазах у изумленных коллег — следователя Константина Шаравина, судмедэксперта Сергея Груздина и криминалиста Славы Зарезина — Бурав сходил в клеть и принес охапку сухих березовых поленьев. Отодрал бересту, запалил... В считанные секунды занялось ровное, стойкое пламя. И никакого смертоносного угара.

Подполковник молча прошел в кабинет покойного. Впрочем, с этого момента Бурав про себя уже именовал Петра Игнатьевича не просто покойным, а убитым. Без всяких сомнений — убитым, причем весьма хитроумно.

Ну, что, посмотрим, над чем корпел за компьютером бывший следователь генпрокуратуры. Ах, да, он же говорил, что ваяет мемуары! И, скорее всего, это единственный файл в его компьютере. Однако и «Рабочий стол», и папка «Мои документы» были девственно чисты.

Как известно, текстовые файлы уничтожить очень сложно, особенно, если время ограничено. И Бурцев подозвал доктора Груздина:

— Серега, ты у нас компьютерный дока, поковыряйся, брат, в его памяти и вытащи на свет Божий все запрятаные файлы.

Через какое-то время Бурав уже бегло просматривал мемуары Петра Игнатьевича. Груздин, между делом, сообщил, что текст накануне был отправлен по электронной почте в издательство, которое, судя по сохранившемуся адресу, называется «Скиф».

Глава сорок шестая

В три часа дня Алексей Каморин появился в коттеджном поселке «Серебряные ключи». Он уже заранее знал, какие мытарства его ожидают. И не только его, а всю следственно-оперативную бригаду. Надо же, генпрокурор распорядился взять на контроль дело о нелепой гибели бывшего следователя! Видать, Ванникова в генпрокуратуре по-

прежнему помнили и уважали. А может, понадобилось раскрыть «громкое дело» перед выборами? Дутое, вымышленное дело...

Как бы то ни было, впереди — ежедневные вызовы на ковер к начальству, отчеты и отработка каких-нибудь заумных версий. Ведь труп явно не криминальный, это ежику понятно. Так размышлял Алексей, заходя в дом, принадлежавший покойному Петру Игнатьевичу Ванникову.

— Поганое дельце, а? — произнес Бурцев вместо приветствия и подмигнул Каморину.

— Да какое там дельце, — в сердцах скривился Алексей. — Ну, отравился человек угарным газом, а начальнички наши кипеж подняли...

— Вы молоды, корнет, — ответил Бурцев и сощурился: — Я чую запах жареного.

— У тебя, конечно, уже есть версия?

— Ты спрашиваешь, есть ли у меня версия? — буквально простонал подполковник. — Это убийство, умышленное убийство! Я знал это еще в кабинете Хвата, хоть и валял там ваньку. Помнишь, Петр Игнатьевич предчувствовал свою смерть? Он нутром ее чуял! А почему? Да потому, что уж больно близко она ходила и людей выбирала по четкому принципу! В последние дни в поселке погибли все те люди, которые, так или иначе, были связаны с мемуарами Ванникова. Автор был обречен. И способ убийства, каким бы нелепым он не казался, тем не менее, сработал. Бывшего следователя генпрокуратуры, который много лет назад вел расследование в секретном оборонном НИИ, больше нет на этом свете. Как нет заказчика мемуаров Марата Хрипунова, скончавшегося от пустякового ранения в результате потери крови, или Веры Ардашкиной, замерзшей по пьяни в загодя приготовленной кем-то могиле! Она ведь, не забывая, была женой главного фигуранта мемуаров Петра Ванникова. И я уверен: режиссер у этих убийств один, и он явно наслаждается своей работой. Кстати, человек, которого я сейчас тебе предъявлю, — непосредственный убийца Петра Игнатьевича Ванникова. Но он — не режиссер. Он исполнитель, и понятия не имеет о том, как строится драматургическое действие, каково его начало и финал, какова его изначальная подоплека. Ну-ка, Комар, скажи нашим архаровцам, чтобы снова пригласили сюда господина Готовцева. А ты, Костя, — обратился он к следователю Шаравину, — начинай составлять протокол.

Вскоре в комнату вошел Готовцев, он явно нервничал.

— Слушайте, это черт знает, что такое! Ночью меня допрашивали сотрудники местной милиции. Несколько часов назад — вы. Теперь снова вы и этот молодой человек. Что происходит?

— А то, что за эти часы выяснилось очень много интересного, — зловеще произнес Бурцев. — Я внимательно осмотрел помещение и обнаружил любопытные документки. Покойный Петр Игнатьевич заключил договор с крупным издательством на предмет написания мемуаров. Фактически, это — убийственный компромат на лидеров партии «Сила Руси». Потому-то в дело вступили вы.

— С какой стати?!

— А с такой, что вы, любезный, кровно заинтересованы в успехе этой партии на выборах. Ведь вложены ваши кровные денежки. Да-да, не делайте удивленное лицо! Я навел о вас справки. У друзей из «четвертой власти». Там знают многое из того, что не известно широкой публике.

— Ох, уж эти журналисты! — скривился Готовцев. — Профессиональные дилетанты.

А Бурав с издевательской ухмылкой продолжал:

— Вы частенько общались с Ванниковым, и он открыл вам, о чем пишет. Как соседу. Обычное писательское бахвальство. И заплатил за это жизнью. На минувшем допросе вы подробно, в деталях, говорили о вчерашних событиях, но кое о чем умолчали. Я, с вашего позволения, восполню пробелы.

Все знали, что Ванников так и не сумел привыкнуть к компьютерам — то и дело засыпал за включенным монитором. Над ним даже посмеивались в генпрокуратуре... Знали об этом и вы, Игорь Витальевич. Вчера, придя к Петру Игнатьевичу в первый раз, вы моментально сориентировались в ситуации. И когда он пошел в кабинет отключать компьютер, вы незаметно задвинули печную заслонку. Раньше, чем прогорели угли.

Потом вы ушли, якобы смотреть футбол, а Ванников вернулся к работе. Он сидел спиной к печи и не мог увидеть, что заслонка закрыта. Петр Игнатьевич был погружен в работу и не почувствовал угара. А потом заснул. Навсегда.

Через два часа вы, Игорь Витальевич, вернулись, убедились, что Ванников мертв, и только после этого вызвали милицию и открыли

окно. Затем стерли в компьютере файл, содержащий разоблачительные мемуары. Но вы не заглянули в электронную почту. Практически все материалы Ванников уже отправил в издательство. А я имел честь ознакомиться с резервной копией. Так что книга выйдет. Вы проиграли, Готовцев.

Миллионер подавленно вытер платком взмокшее лицо.

— Игорь Витальевич, эксперты сняли все отпечатки пальцев, оставленные в доме. И ваши наверняка найдутся на компьютере, — решил добить его Бурцев.

— Да, найдутся! Но на печной заслонке их нет! — в отчаянии крикнул Готовцев.

— Вполне допускаю, вы же не совсем дурак. Но у меня и без того есть все основания задержать вас по подозрению в умышленном убийстве.

— Послушайте, я не убийца! — С Готовцева мигом слетела вся его спесь. — Это ложь! Точнее, нет — все, что вы сейчас рассказали, абсолютная правда, кроме одного: я не трогал печную заслонку, не травил его угаром! Да, я долго прощупывал Ванникова, а вчера собирался поговорить с ним начистоту. Хотел предложить ему отступного — сто тысяч долларов. Даже двести, если уж он окажется совсем несговорчивым.

— Верю, — кивнул Бурцев. — Это, видимо, ваш привычный метод решения проблем. Но тут вдруг подвернулась возможность сэкономить деньжата. Да и мало ли... Вдруг Ванников упрется рогом, вдруг ему писательская слава дороже? И вы свой шанс не упустили. Что ж, поздравляю. Только теперь вам «зеленые» не понадобятся лет десяти-пятнадцать. Хотя... С миллионами и на зоне хорошо.

— Какая зона, за что? Я обнаружил его уже мертвым, он случайно угорел сам...

— Ага, случайно. И как раз накануне грандиозных разоблачений. Бросьте вы это, Готовцев! Впрочем, я исследовал печку, даже протопил ее. Тяга нормальная. Никакого угара. Если, конечно, кто-нибудь не задвинет заслонку раньше времени. Итак, у вас был веский мотив для совершения преступления — раз. У вас была возможность совершения преступления — два. Вы оставили улики — три. Лично с меня достаточно. Думаю, прокурор и судья тоже будут вполне удовлетворены.

— Но когда по моему вызову приехала милиция, они зафиксировали, что заслонка была открытой! — злобно прошипел Готовцев.

— Вот именно! Убедившись, что дело сделано, вы до приезда милиции снова ее открыли! Вы понимали — будь заслонка закрыта, на это сразу обратят внимание. Ведь ни один нормальный человек не станет топить печь при закрытой заслонке. Если он, конечно, не самоубийца. Кстати, — поднял вверх палец подполковник, — вы могли, конечно, перенести труп Ванникова на диван в гостиной. Обставить все как самоубийство. Но не многовато ли самоубийств в одном месте и примерно в одно время, вы не находите? То старуха добровольно спустилась в могилу, то старик лег подышать угарным газом... Тем более, что вы знали: у Ванникова не было никаких причин покончить с собой. Человек только что построил отличный дом, скоро станет известным писателем. Короче, милиция в самоубийство не поверит. И пришлось вам открыть заслонку. Это и является еще одной уликой против вас.

— Да почему же? — не удержавшись, воскликнул Готовцев.

— Почему? Начнем с того, что вы понадеялись на непрофессионализм милиции. Мол, здешние опера, не в упрек им будь сказано, просто составят протокол о несчастном случае, и все. Так оно, собственно, и произошло. Но вы просчитались. На вашу беду, сюда приехал подполковник Бурцев...

Так вот, я догадался проверить печку и выяснил, что при открытой заслонке Ванников угореть не мог. Случившееся, конечно, можно было бы списать на стариковскую забывчивость, будь заслонка закрытой. Но вы перестарались — открыли ее перед приездом милиции. А раз печка исправна, то налицо чей-то злой умысел.

— Отчего же именно мой злой умысел? — кипятился Готовцев. — Своими мемуарами Ванников собирался здорово напакостить целой куче людей! Причем людей серьезных, могущественных.

— Эти люди далеко, Игорь Витальевич, — отрубил подполковник. — А вы — туточки, рядышком. Далекое ходить не надо... Вам — чтобы убить, мне — чтобы найти убийцу. Когда я узнал о вашей прямой причастности к партии «Сила Руси», от которой мемуары Ванникова не оставляют живого места, мне, как говорится, оставалось сложить два и два. Кстати, вы говорили, что между первым и вторым визитом к Ванникову смотрели по телевизору футбол. И с каким же счетом закончился матч?

— Я не смотрел. Было не до того.

— Естественно, не до футбола, когда знаешь, что в это самое время умирает твоя жертва!

— Куда меня теперь? В камеру? — тяжело поднялся со стула Готовцев.

— А то куда же! — почти весело ответил Бурцев. — Леша, сдай его на руки архаровцам.

— Хозяин, помощь нужна? — обратился к Готовцеву вошедший в комнату бритоголовый охранник.

— Смотрите за домом... Я скоро вернусь, — устало махнул рукой тот.

— Знаете что, Игорь Витальевич, — придвинулся к нему Бурцев. — Не своим делом вы занялись. Занимались бы лучше бизнесом и политикой, а для совершения грамотных убийств вы еще не созрели. Интеллектуально.

Когда Готовцев, позвякивая наручниками, вышел из коттеджа, Комар ударил себя по ляжкам:

— Гениально! — в восхищении повторял он. — Готов Готовцев. Ты действительно живой классик!

— Да ладно тебе, — пробурчал довольный Бурцев.

Глава сорок седьмая

К вечеру в МУРе воцарилось радостное возбуждение.

Ко Дню российской милиции готовились основательно, широко. Даже самые строгие жены в этот день семейных копеек не считали. Тем более, что все они были приглашены в МУР на вечеринку. Значит, можно кое-чем блеснуть, а кое-чем и потрясти.

При виде Комара на лицах у сотрудников отдела появлялось умильное выражение: «Ирина придет, Леша?» «Непременно, — ответил Комар. — Вот только какую-то обалденную прическу в парикмахерской соорудит и мигом сюда». Даже вечно озлобленный на весь мир капитан Шилов, и тот вдруг глупо расцвел, услышав об ожидаемом прибытии супруги Каморина. Капитан тут же куда-то исчез, и вскоре вернулся с букетом недорогих хризантем.

Наконец явилась и Ирина — глаза ее сияли, светло-каштановые волосы были туго уложены в некий фантастический, но очень красивый кочан, фиолетовое платье, стильное в своей скромности, доверша-

лось недорогой, но удачно подобранной брошью, а остроносенькие тифельки аппетитно цокали по ламинированному полу начальственно-го кабинета.

И тут в углу обширного кабинета запела, заговорила томным голо-сом гитара подполковника Бурцева: «Гори, гори, моя звезда...»

Мужчины начали дружно скручивать металлические головки бутылок.

Супруга полковника Дергунова принесла целый тазик салата «оливье» — оказывается, это прозаическое кушанье при умелом приготовлении может быть прямо-таки восхитительным...

Прочие жены оперативников позаботились о тортах и пирогах, а Ирина приготовила несколько судков с говяжьим холодцом, захватила и банку деревенского хрена со свеклой.

Пришел и толстяк Зарезин, потный и усталый — часа полтора про-являл и печатал съемку, сделанную в коттедже Ванникова. Шлепнув на край стола целую кипу непросохших снимков, он взялся за бутылку «Столичной» и налил себе полный стакан.

— Мне по закону полагается «штрафная», не так ли? — обиженно промолвил он, глядя на опустевшие судки из-под холодца.

— Мог бы работу и на завтра отложить, — сочувственно произнес чей-то голос.

— Отложишь тут, когда Бурцев все подгоняет, давай, давай! Ну, на-те, берите! Снимочки классные получились, товарищ подполковник. Любо-дорого!

Комар с Ириной принялись разглядывать фотографии, принесенные экспертом-криминалистом, и Алексей, не особенно налегавший на выпивку и закуски, пересказал Ирине картину хитроумного, но, тем не менее, жестокого убийства.

— Надо же, ваш убийца — миллионер, а удушает человека угарным газом... — удивилась Ирина. — По-моему, новому русскому подобное и в голову-то не могло бы прийти! Скорее бы уж киллера прислал или яд всыпал в мартини... Готовцев что, вырос в деревне? — Она почему-то внимательно всматривалась не во внутреннее убранство и даже не в роковую печку, а во внешний вид коттеджа Петра Игнатьевича Ванникова.

Глядя на ее напрягшееся лицо, Бурцев ощутил смутную тревогу...

— Мужики, вы только не сердитесь на меня, дуреху деревенскую, но, по-моему, Готовцева надо отпускать. У него что-то вроде алиби, как вы обычно говорите. Посмотрите внимательней на снимок!

— Ну, смотрю, — нахмурился Алексей. — Красивый дом, наверху две комнатки, коридорчиком сзади соединяются. Видимо, между ними что-то вроде лоджии задумано, а, может, место для жарки шашлыков. Неплохой проект, а?

— Комар, ты на трубу-то посмотри, — вдруг простонал Бурцев.

— А что? Все чики-пики. Печная труба в нише притулилась, вид не портит, почти и не заметно ее...

— Ты знаешь, Леша, у нас в деревне был печник, — обняла его Ирина. — Большой мастер своего дела, но человек вреднящий. Если заказчик попадался прижимистый, мало давал за работу, торговался, то печник этот мог ему гадость устроить. Например, незаметно замуравывал в трубу пустую бутылку горлышком наружу, и потом у жадного хозяина как будто черти в печке выли. Хоть из дому беги.

— Да не воют у Ванникова никакие черти, хорошая у него печка! Максим Юрьевич сам проверял, протапливал! — упрямо гнул свое Комар.

— Леш, это я для примера про чертей сказала, тут совсем другое...

— Да, брат, тут другое, — вздохнул Бурцев. — Тут все дело в погоде. Помнишь, как она менялась в последние дни? То ветер с дождем и снегом, то солнце и безветрие... Елки-палки, ты же в детстве топил печку у своей бабушки, неужели таких простых вещей не знаешь? Я и то догадался, что к чему... Надо было раньше сообразить, в доме у Ванникова...

Сейчас уж поздно, все пьяные, а завтра с утра Готовцева будем выпускать. С извинениями. И, чуть свет — в «Серебряные ключи», печника искать. Под видом шабашника Ванникову клал печку убийца, вот так-то, Леша. Скорее всего, он там больше не работает, но, может, кому-нибудь свой адресок или телефон оставил. Во всяком случае, хоть приметы установим...

— Да в чем дело-то, может, расскажете? — по-детски взмолился Комар.

— Вот Иришку и спрашивай, — буркнул Бурцев, накладывая себе остатки «оливье».

И Комар узнал, что непосредственной причиной нелепой смерти следователя Ванникова стала, всего-навсего, слишком низенькая печная труба. Расположенная в нише между двумя спальнями, да

еще и накрытая сверху коньком крыши из металлочерепицы, такая труба не могла обеспечить постоянную тягу. Да, в ясную безветренную погоду, к тому же, если дрова сухие, тяга может быть сносной. Но при порывистом ветре и в дождь угарный газ непременно будет поступать в помещение.

Ирина, конечно же, сразу поняла, что любой мало-мальски опытный печник должен понимать такие азы своей профессии. Значит, сделал он смертоносную трубу по злему умыслу.

— Подумать только, — продолжал бурчать полковник, опустошая свою тарелку, — все дело в печке! Только благодаря наблюдательности нашей дорогой Ирины Готовцев оказался оправдан — а ведь у него не было практически никаких шансов. Вот я и говорю: нечто подобное может быть и с двойным убийством Хрипуновых. Какая у нас сейчас основная версия? Схватка между мужчинами на почве ревности, в результате которой, помимо одного из соперников, случайно погибает женщина. Предлагаю еще раз все продумать, возможно, это ошибочная версия, а подлинная лежит на поверхности. Но мы ее не замечаем. Кстати, Комар, — встрепенулся Бурцев, — а что в Центральном военном архиве? Удалось что-нибудь разыскать по нашим персонажам?

— Ну, Шаргин, понятное дело, засекречен... А что касается генерала Чухлова и доктора Градова, то они давным-давно знакомы по фронтовой службе. Не знаю, насколько это существенно для дела, — продолжал Комар, воодушевившись, — но в конце семьдесят девятого Градов попал на срочную службу в десантную роту в Афганистане. И командиром его роты был Павел Чухлов — тогда еще капитан. Градов несколько раз отличился во время боевых операций, получил орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Дружбы народов, медали... Потом был ранен и комиссован в связи с ранением.

— Это-то я знаю. А вот его старое знакомство с Чухловым — уже кое-что... — заметил Бурав. — Фронтвые связи — это существенно...

— Да в мире все взаимосвязано, — веско произнес Груздин.

Перед тем, как разойтись по домам, Бурав, лукаво прищурившись, поманил к себе Комара:

— К шести утра проспипься, а?

— Надо, так вообще не лягу! — бодро ответил Комар.

— Тогда я за тобой заеду. Рванем в «Серебряные ключи» — будем этого печника тепленьким брать. Ну, или, в крайнем случае, его координаты нароем. И вот еще что, приятель.. Ты, конечно, выписал все райвоенкоматы, в которых в разные периоды своей биографии состояли на учете Градов и Чухлов?

— Так точно, товарищ подполковник.

— В общем, дело тебе предстоит рутинное, но очень ответственное. Надо проверить, в первую очередь, Градова — все, что связано с ранением, комиссованием. Нет ли расхождений в записях, подделок, подчисток? Проедешься по военкоматам вместе с графологом Минаковым после нашего визита в «Ключи». А потом, часам к двум, дуй ко мне с докладом. Но без Минакова.

Глава сорок восьмая

Ранним промозглым утром, позевывая и поминутно прикладываясь к бутылке с минералкой, Бурав и Комар уже знакомой дорогой ехали в «Серебряные ключи». Престарелый «закамуфлированный» охранник на въезде в поселок узнал их. Дедок долго не мог взять в толк, зачем искать печника, «ложившего» печи и камины нескольким новым хозяевам, если он преспокойно спит у вахтера в будке.

Печных дел мастер по фамилии Стукалов действительно спал, не раздеваясь, на узкой доске, положенной на два чурбака. Очухавшись слегка, он нисколько не удивился, что по его душу прибыли оперативники. Процедура задержания, оказывается, была хорошо знакома гражданину Стукалову.

— Вот только стаканчик приму, похмелюсь, — откашлявшись и гулко ударив себя кулаком в грудь, попросил пожилой усатый печник, тощий до того, что спокойно мог бы пролезть в дымоход. — Как-никак, вчера ваш праздник справлял, День милиции.

Да, Стукалов уже знал, что бывший следователь генпрокуратуры, его недавний заказчик, угорел насмерть, обильно поминал его и искренне жалел о случившемся. «Я ж только хотел, чтоб у него немножко голова поболела, ну, там вырвало разок-другой икоркой да балычком,

ну, ночку-другую не поспал... А потом, думаю, разберется, переделает трубу-то, там делов на день-два. А он, вишь ты, бедолага, непривычный к угару-то оказался, в городе всю жизнь прожил, сердешный».

Лет тридцать назад Стукалов, тогда еще молодой парень, попался на мелкой краже, и начинающий следователь Ванников, как говорится, раскрутил его на полную катушку. С тех пор Стукалов практически не вылезал из мест заключения, где и освоил профессию печника — во время первой «ходки» был подсобником у старого мастера-зэка, вместе клали печи в бараках и мастерских.

Все долгие годы, проведенные за решеткой, Стукалов копил злобу на следователя Ванникова, считая именно его виновником своих несчастий. Каково же было его удивление, когда, в очередной раз выйдя на свободу, он подрядился класть печи в коттеджном поселке и в одном из своих заказчиков признал ненавистного следователя!

«Хорошо живет, гад, видно, сажал только нас, голодранцев, а богатых отпускал за денежки, — решил печник. — Меня даже не узнал, я для него пустое место. Ничего, я тебе мозги-то угаром прочищу. Вот только затопи в дождливую да ветреную погоду...»

— Ты понимаешь, мужик, что ведь засудят тебя теперь, а? — с горечью спрашивал печника Бурцев. — До конца жизни засудят, дурила! Ведь ты ж рецидивист, пять ходок имеешь! Ну, чего тебе не хотелось на воле помереть, обязательно надо было подлянку следователю делать? Он же старик уже был!

— Да что ж... Он мне тоже тогда подлянку сделал. А отвечать надо за все — хошь через тридцать лет, хошь через полвека, хошь на том свете — но это уж не приведи Господь!

Бурцев страдальчески смотрел на печника. Изможденное жизнью лицо, крупные кисти рук с набухшими венами. Истинные мотивы убийства бывшего следователя генпрокуратуры Петра Ванникова оказались нелепыми и чудовищными одновременно.

Никакой политики.

Таинственная смерть бывшего «важняка» в собственном коттедже, над последними строчками сенсационной книги — это не хитроумный заказ могущественных государственных мужей, а запоздалое отмщение мелкого уголовника, который, к тому же, и убивать-то не хотел, а так просто, пакость сотворил.

— Леш, как бы нам отпустить его, а? — тоскливо спросил Бурав.

— Э, э, вы чего это там, без меня меня женить собрались? Не выйдет, — крикнул Стукалов и вновь налил себе стакан водки. — Мы, чай, народ крещеный, православный. Попался — отвечай. Вот кабы вы меня не нашли, тогда другое дело. Сам бы к вам с повинной не пошел. Так что, начальник, что надо, подпишу, и поехали в каталажку. Мне не впервой. — Печник всхлипнул. — А на зоне мое ремесло пригодится получше, чем здесь. Там люди замерзают, а здесь с жиру бесятся... Вон один заказчик — такой камин себе отгрохал, словно доменную печь! А толку? Сажа течет, видишь ли.

— Это доктор Градов, что ли? — машинально спросил Бурав, вспомнив его камин в виде Триумфальной арки.

— Он самый. — Старик оживился, он явно не спешил в каталажку. — Позвал меня дымоход чистить. И я, как в старину, на лебедке спускался по трубе со щетками и вышел через жерло, как через ворота! Весь черный, как угорь. Вот это камин так камин. Только проку от него нет...

Через час Стукалов поступил в изолятор временного содержания при ГУВД Москвы, и против него возбудили уголовное дело.

Глава сорок девятая

Совсем по-другому чувствовал себя накануне Игорь Витальевич Готовцев. Когда за ним с лязгом задвинулся засов железной двери камеры-двушки, миллионер с тоской и ужасом вообразил, что жизнь кончена. Началось выживание. Правда, длилось это состояние недолго. Но и короткое потрясение было настолько непривычным и травмирующим психику, что впоследствии друзья и близкие частенько говорили Игорю Витальевичу: что-то ты, брат, стал какой-то не такой...

Готовцев сделал шаг в сторону окошка под потолком, когда услышал вороватый шепоток:

— С прибытием, кореш. Посмолить есть чего?

Нувориш в состоянии прострации протянул сокамернику пачку «Кэмела».

— Ого! Не хило, — развеселился Гришка Ляпиков. — Раз такие куришь, значит, скоро выйдешь. Дружки постараются. Есть дружки-то?

— Ах, отстаньте вы от меня за ради всего святого! — Игорь Витальевич сел на койку и обхватил голову руками.

— А вот это ты напрасно, — отозвался Гришан. — Если так убиваться будешь, в себе замыкаться, то крыша мигом съедет. Не хочешь говорить — меня послушай, все веселей будет.

Ляпиков уселся по-турецки, с наслаждением затянулся.

— Я вот на рынке работаю, контролером. Работа не пыльная. Ну, ты, я вижу, больше руководить привык. Я тоже, кстати, команду с утра до вечера: кому где припарковаться, сколько бабок отстегнуть, есть ли заявки, путевые листы... В общем, тебе неинтересно. А тут, вишь, кожаные куртки утепленные привезли. Ну, сразу видно — паленая фура, тут все как обычно — наверное, где-то между Ростовом и Воронежем тормознули челноков, стволы показали, и ноги всему грузу приделали. А мне как быть? Начальству докладывать — они мне скажут: «Ты что, маленький?» Никто ж на себя ответственность брать не хочет...

— Замолчи, надоел, — чуть не провыл Готовцев. — Какие там, к черту, куртки, фуры, бабки! Тут судьба страны коту под хвост летит!

— Ну, точно, крыша поехала, — громко сказал Гришка и сделал вид, что обиделся.

Они помолчали. Готовцев тоже закурил, лег на спину и долго смотрел в потолок. Молчал. Потом вдруг заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Странная штука жизнь. Вот я — русский человек, по телевизору и в газетах за православие выступаю, крещусь даже. А в церковь хожу, если только телевизионщики присутствуют, и у меня есть шанс в кадр попасть со своей постной рожей. Думаю, мол, и без меня есть кому в церковь ходить, бездельников всяких, старух, юридивых... Пусть они молятся, а я дело должен делать. Какое дело? А такое, чтобы в новой России в храмы шли не только старики да несчастные, а лучшие люди страны — военные, промышленники, ученые, политики. Артисты, писатели, художники. В общем, люди дела. И вот задумал я ради такой вот Руси Святой и Великой человека убить. Хорошего человека. Честного. Но вся подлость в том, что я ошибался — думал, что он может помешать людям делать дело.

— Ну? И убил? — прошептал Ляпиков, по телу которого неожиданное пробежала дрожь.

— Выходит, вроде убил. Точнее, я шел к нему, чтобы убить, у меня и яд припасен был, и алиби обеспечено. Вхожу — а он уже мертвый. Не пришлось мне его убивать.

— Да радуйся, братан! Бог его сам за тебя прибрал!

— Бог, говоришь? Так-то оно так, да только потом стало мне ясно, что человек тот не сам умер, а убили его. Можно сказать, помогли мне, опередили.

— Твои люди, что ли?

— Подстраховали меня. Получается так, что я вынес свой приговор. Включил механизм. Значит, я — убийца. Кто палач — неважно, важно, кто вынес приговор. Тот и будет отвечать. Я это не сразу понял, пытался оправдываться, злился даже, что все улики на меня указывают, что мне безвинно придется в тюрьме сидеть. А потом осознал — нет, не безвинно. Все по справедливости. Все идет своим чередом. Знаешь, что в этом мире самое главное? Чтобы все шло своим чередом ...

Весь этот бред Ляпиков на следующий день пересказал подполковнику Бурцеву, который поручил ему побыть в роли подсадной утки в камере у Готовцева. Бурав отпустил осведомителя и долго ходил по кабинету, задумчиво теребя нижнюю губу...

Готовцев же, выйдя на свободу через сутки после задержания, не стал привлекать внимание общественности к «произволу следственных органов». Он вообще повел себя довольно странно: вдруг прекратил спонсирование предвыборной деятельности партии «Сила Руси», мотивируя свое решение внезапными финансовыми затруднениями.

А над Буравом и Комаром по-прежнему висело нераскрытое убийство супругов Хрипуновых. Помимо этого, над подполковником Бурцевым висело кое-что еще. Так, пустячок — смертный приговор, вынесенный ему антикваром Безлепкиным и криминальным авторитетом Бургасом.

Глава пятидесятая

Николай Павлович Олефиренко, по прозвищу «Бургас», в последнее время уже не был крутым заправилой преступного мира. Пожалуй, единственным человеком, который искренне считал его серьезной фигурой, оставался Андрей Степанович Безлепкин. Оно и понятно: антиквар вот уже два года как был смертельно повязан с Олефиренко убийством охранника своего заведения.

Магазин «Антиквариат» на Таганке, несколько окрестных ларьков да фирма по предоставлению «эскорт-услуг» — вот, собственно, и вся «империя» Бургаса. Точнее — остатки империи, которая еще год назад была довольно внушительной. Но конкуренция — штука жестокая, и тут всегда есть победители и проигравшие. Олефиренко попал в разряд последних. Лучшие его бойцы уходили к более решительным и удачливым паханам, и лишь несколько явных отморозков продолжали бездумно служить привычному хозяину. Олефиренко задолжал им приличные бабки и постоянно ожидал от них выстрела в живот или удара ножом в спину.

Уж не жадность ли господина Олефиренко была тому причиной? Да нет, Николай Павлович никогда особенно-то денег не считал. Но тут пришлось заняться подсчетами, и, как в известной поговорке, после проведения финансовой ревизии оставалось только проследиться...

А «щипал» господина Бургаса не кто иной, как Вениамин Егоршин, главный распорядитель и формальный владелец ночного увеселительного клуба «Монреаль». И наезжал он на Николая Павловича с полным на то основанием: в недобрый час Олефиренко сел за столик рулетки и умудрился за один вечер проиграть двести тысяч долларов. Поскольку господин Бургас был «своим» в ночном заведении Егоршина, ему выдавали фишки в долг, но долг платежом красен. Или кровью.

Олефиренко натужно делал вид, что двести тонн «зелени» для него — пустяк, продолжал почти каждый день кутить в «Монреале», заказывать дорогих девочек и самые изысканные блюда и напитки. Но за внешним спокойствием и беспечностью скрывалась нешуточная тревога. Выплата рулеточного долга стала серьезной проблемой.

И потому, когда человек Николая Павловича передал ему пять банковских упаковок стодолларовых купюр, полученных от Безлепкина, Бургас принял решение: он самолично уберет подполковника Бурцева, незачем отдавать профессиональному киллеру львиную долю гонорара. Бурцев ведь не политик и не бизнесмен, перемещается без охраны, ездит в обычном, а не в бронированном автомобиле. И замки на дверях его квартиры — простенькие, без электронной защиты.

От Олефиренко требуется лишь в нужное время и в нужном месте нажать на спусковой крючок пистолета с глушителем. А с этой несложной манипуляцией тридцативосьмилетний Бургас был хорошо

знаком уже лет двадцать. Тут главное — внутренняя выдержка и отсутствие отрицательных эмоций. Но в том-то и подлость, что Николай Павлович впервые в жизни не чувствовал себя уверенно в столь «стандартной» ситуации. А, может быть, причина тому участвовавшие боли в левой стороне груди — неизбежное следствие долгих лет разгульной жизни...

Как бы то ни было, всякий раз при мысли о том, что ему предстоит сделать, Олефиренко испытывал какую-то сосущую обреченность. Правда, это чувство моментально испарялось после первого же стакана шведской водки «Абсолют».

Глава пятьдесят первая

Предположение Андрея Степановича Безлепкина относительно того, что подполковника Бурцева не интересуют женщины, было напроць лишено оснований. Как любой нормальный мужик, Бурав равнодушно относился к противоположному полу. Правда, в этом житейском вопросе Бурцев придерживался своеобразной точки зрения.

Обжегшись на молоке, подполковник твердо уяснил для себя: в отношениях с женщинами надо категорически избегать каких-либо обязательств, не допускать длительных привязанностей. Только так можно обезопасить свою жизнь, свой внутренний мир от разрушительных вторжений.

Такой установке наиболее соответствовали, как нетрудно догадаться, девушки «напрокат». Поначалу подполковник стыдился прибегать к их услугам, но затем решил — собственно, а чем продажные девицы хуже так называемых порядочных? Ведь любая женщина связывает свою жизнь с мужчиной, чтобы решить жизненные проблемы, в том числе — материальные. И с этой точки зрения замужняя матрона отличается от порхающей «ночной бабочки» только своим статусом, а это, как ни крути, понятие условное.

Обычно (впрочем, не так уж часто) подполковник выписывал к себе на дом девушку по телефону, указанному в соответствующей рубрике газетных объявлений. Примерно полгода назад его посетила рыженькая нимфа двадцати пяти лет от роду. Она разительно отличалась от

предыдущих «подруг на час» — была какой-то задумчивой, по-детски бесхитростной. Таня приехала в Москву из города-героя Тулы, где ее семья героически сводила концы с концами. Родители делали вид, что верят, будто она поступила в московский вуз, хотя размеры высылаемых ею сумм никак не укладывались в студенческую стипендию.

В свою очередь, и подполковник в глазах Тани столь же разительно отличался от большинства ее кавалеров. Он вел себя с девушкой, как с личностью, вполне заслуживающей сердечного отношения, был добрым и уважительным.

Они договорились, что Максим Юрьевич больше не будет заказывать ее через «агентство», а просто позвонит Тане на квартиру, когда у него возникнет желание встретиться. И плата при этом снижается с пятидесяти долларов до двадцати.

Однажды подполковник, проводив Таню до остановки, обнаружил на кухонном столе свою двадцатидолларовую купюру. Это был первый тревожный звоночек для разведенного оперативника. В следующий раз Таня принесла с собой две сумки разнообразной провизии и, нервно смеясь, сказала, что хочет приготовить одинокому мужчине настоящий ужин, а перед этим сделать в его холостяцкой квартире генеральную уборку.

Бурцев тяжелым взглядом смотрел на то, как девушка, подоткнув подол юбки, крутится по комнатам с мокрой тряпкой, веником и совком. За ужином — надо сказать, отменным — Бурав был непривычно молчалив. А потом, поблагодарив, вышел из кухни.

Вернулся подполковник, держа в руке несколько зеленых купюр. «Я тут задолжал тебе, Таня, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — И это мне неприятно». Заставив девушку взять деньги, Бурцев ровным голосом сообщил, что больше звонить ей не будет.

Таня, которая за неделю до того порвала все «трудовые соглашения» с «агентством», приехала к себе на квартиру и целые сутки просидела на полу в темном углу комнаты, не отвечая на звонки.

Глава пятьдесят вторая

— Он же вышвырнул тебя, как котенка! — Бургас сверлил своим взглядом Таню, сжавшуюся в кожаном кресле. Забычковал сигарету и

вплотную приблизил к девушке свое искаженное злобой лицо: — А может быть, ты хочешь, чтобы братва получила информацию, будто ты стучала оперу насчет их делишек? А? Подслушивала разговоры, а потом передавала их на Петровку? Ты этого хочешь? Отвечай! Какой код в его подъезде? Есть ли сигнализация на входной двери в квартиру? Нет? Ну, и славно...

Получив всю необходимую информацию, Бургас отпустил девушку. Когда она покинула его офис, он мысленно вынес свой вердикт: «Убрать, как только будет покончено с Бурцевым».

Таня не знала номер домашнего телефона подполковника, и потому просто поехала к нему и стала терпеливо ждать Максима Юрьевича, куря одну сигарету за другой на лестничной площадке между этажами.

Она видела в окно, как в подъезд вошел мужчина в униформе электрика. Минут через десять монтер неторопливо покинул подъезд и скрылся за поворотом. И в этот момент подкатил «джип» Николая Павловича Олефиренко...

«Электриком» был не кто иной, как бывший вор-домушник Гришка Ляпиков. За несколько часов до своего визита в подъезд, где проживал старший оперуполномоченный МУРа Максим Бурцев, Гришан побывал в квартире номер 73, что в сталинской башне на Бульварном кольце, куда его доставили двое неразговорчивых битюгов. Они цепко взяли гражданина Ляпикова под белые ручки прямо посреди улицы.

В разговоре с Ляпиковым заслуженный пенсионер Юрий Георгиевич Маслов, по случайному стечению обстоятельств использовал те же аргументы, что и Бургас в «беседе» с Таней:

— Выбирай, парень: или ты выполнишь мое нехитрое поручение, или рыночная братва узнает, что ты являешься штатным осведомителем МУРа.

В отличие от Тани, Гришан воспринял предложенную альтернативу по-деловому, засунул в карман сто долларовую бумажку и внимательно выслушал инструкции Юрия Георгиевича. Работа действительно предстояла пустяковая.

Через какое-то время, облачившись в робу электрика, позавидовав у своего соседа по лестничной клетке, а также прихватив чемоданчик с инструментами, Ляпиков направился в ближайший промтоварный магазин. Там он купил металлический флакон с аэро-

золом и, насвистывая, отбыл по указанному Юрием Георгиевичем адресу, в Беляево. На подступах к дому, где проживал подполковник Бурцев, Гришан сверился с часами. Так, время еще не подошло. Придется полчаса покурить...

Выцедив пару сигарет, Ляпиков вошел в нужный подъезд. Оглядевшись по сторонам, профессионально вскрыл распределительный электрощит, надел резиновые перчатки и выполнил несложные технические манипуляции. Вновь затворил металлические дверцы, достал флакон с аэрозолем и обильно sprays маслянистой струей кафельную плитку под ногами. После чего с удовлетворением покинул незнакомое место.

Глава пятьдесят третья

«Только бы не пришлось долго ждать», — думал Бургас, запирая дверцу своего бульдогообразного джипа. Можно было, конечно, «кинуть» этого слизняка Безлепкина и не связываться с мокрым делом. Тем более, что этот Бурцев — опасный противник в любой ситуации, да и в случае удачной его ликвидации угроза не исчезнет: как-никак, шлепнуть предстояло подполковника милиции, авторитетного опера...

Но Олефиренко, поразмыслив, решительно прогнал эти малодушные мысли. Хороший Бурцев — мертвый Бурцев. И не только для антиквара, чахнувшего над своим золотом, но, в первую очередь, для самого Бургаса.

Так, четвертый этаж, квартира — наискосок слева. Он без помех проникнет в нее, и будет ждать с пистолетом наготове. Когда появится Бурцев, он даже не успеет сообразить, что происходит: Николай Павлович разрядит обойму, не мешкая, не вступая в разговоры.

Но Бургасу не суждено было подняться даже на площадку первого этажа. Ноги его внезапно разъехались, перед глазами запрыгали ступени, перила, кожаная обивка квартирной двери... Николай Павлович импульсивно схватился за распределительный щит, и в тот же миг каждую клеточку его тела пронзила острая, непереносимая боль.

Трехсотвольтовый разряд несколько секунд сотрясал извивающегося Бургаса, пока он не повалился замертво на холодный кафель.

«Не повезло», — промелькнуло в угасающем сознании господина Олефиренко. Это была последняя мысль в его грешной жизни.

Глава пятьдесят четвертая

В кабинет вбежал возбужденный Комар и сразу кинулся к столику, где сидел Бурцев.

— Значит, так: ранение в брюшную полость, якобы полученное Градовым в Афганистане в 1980 году, — липа! Не было ранения. Его комиссовали в связи с тяжелым психическим заболеванием, и отправил его в тыл не кто иной, как капитан Павел Чухлов. Диагноз, который Градову поставили в тылу, в Алма-Ате, был довольно распространенным среди советского воинского контингента — синдром параноидальной психопатии. Это...

— Так вот почему Градов слыл героем в наших частях и даже в отрядах противника, — задумчиво перебил его Бурав. — Он просто зверел в бою, рвался убивать. Конечно, получал ордена, наводил ужас на своих и чужих. Видимо, в какой-то момент его ротный, капитан Чухлов, понял, что Градов попросту опасен для окружающих — независимо от того, душманы они или свои, шурави. И похлопотал о его отправке в тыл для обследования. Солдата комиссовали. Но у Градова, как он сам мне рассказывал, отец был крупным врачом. Видимо, папаша сумел с помощью своих связей изменить запись в военном билете сына. Теперь там значится ранение. Но, позаботившись о военном билете и даже о Центральном военном архиве, папаша не учел такую простую вещь, как личное дело военнослужащего в военкомате по месту жительства... Верно, Комар?

— Не совсем так, — осторожно возразил Каморин. — В военкомате по месту прописки тоже все в ажуре — проникающее ранение брюшной полости. Но тут, к нашему счастью, сказалось то ли разгильдяйство, то ли чрезмерное усердие советских вояк-тыловиков.

— Это как же?

— А вот как. Градовы как раз после возвращения сына из госпиталя получили новую квартиру, переехали. Он встал на учет в тамошнем военкомате, а медицинские документы из Алма-Аты пришли по старо-

му адресу, вот в чем дело! Да так и остались там пылиться. Что же касается нового места жительства, то в военкомате все было куплено и оформлено как надо — мол, ранение в бою под Джелалабадом.

— И ты не поленился, поехал в прежний военкомат Градова? — прищурясь, с одобрением посмотрел на Комара Бурав.

— Ох, лучше бы ты не спрашивал, Максим Юрьич... Не умею ведь врать!

— А ты не ври.

— Просто друг у меня в том военкомате работает. Сто лет ведь не виделись, а по такой жизни никак собраться не могли, у него семья, у меня... Ну, я и решил, заодно навещу.

— Вот это правильно, друзей детства забывать нельзя, — поднялся со стула подполковник Бурцев. — Все, пора за дело. Для начала составим план операции...

Глава пятьдесят пятая

В кабинете Бурцева и Каморина присутствовали также судмедэксперт Груздин (ему предстояла самая черная и грязная работа) и криминалист Зарезин. Следователя Шаравина после недолгих споров решено было не приглашать. Во-первых, взять доктора Градова живым представлялось, мягко говоря, проблематичным. Стало быть, скорее всего, допрашивать будет некого. Во-вторых, детали запланированной операции могли оказаться такими, что присутствие при этом лишнего лица, да еще и процессуального, коим является следователь, не сулило оперативникам ничего хорошего.

— Остается надеяться, что труп генерала Чухлова еще не успел превратиться в студенистый хаш, — выдал Груздин свою стандартную шуточку. — Пятый день, однако, и подвал, наверное, отапливается...

Бурцев снял телефонную трубку и позвонил в дружественный ОМОН, капитану Дутову. Он не до конца одобрял методы работы дутовской бригады, после которой трупы иной раз нельзя было даже приблизительно опознать. Но сейчас эти парни могли оказаться незаменимыми.

— Алло? Бурцев говорит. Ты как? В бой не рвешься? Всегда, говоришь? Тогда бери своих архаровцев и дуй в «Серебряные ключи». Да,

я тебя официально заказываю. Сколько парней? Ой, много, хотя бы семь-восемь, да желательно с полной выкладкой — гранатомет, лимонки, тройной боекомплект к АКСам... Слышь, капитан, очень желательно, чтобы один из твоих гавриков маленький был. Да не по возрасту, а по габаритам. Как кошка. Татарин, говоришь? Годится и татарин, я не ксенофоб. Ты, братец, главное — о средствах защиты позаботься, противостоять вам будет очень хорошо вооруженная армия. Шучу, конечно. Там всего один пассажир, но он многих стоит, тут я уже не шучу. Да, и подъезжайте без помпы, у охранника в сторожке схойтесь до времени. Там, на месте, я поставлю задачу. — Бурцев почесал возле носа, не зная, продолжать или нет. Наконец решился: — Алло? Да, вот еще что... Ты меня знаешь, я не из пугливых и не перестраховщик. Лишнего не попрошу. Но, сдастся мне, снайпер нам очень даже пригодится. Сделаешь? Ну, лады... Да не переживай, с начальством все согласовано. — Он перевел дух и посмотрел на часы. — Так. Половина четвертого. — И снова принялся накручивать диск телефона. — Изолятор? Бурцев говорит. Задержанного Стукалова ко мне. Срочно!

Комар, Груздин и Зарезин непонимающе переглянулись. Но — Бурав есть Бурав... Еще в дураках выставит, если начнешь расспрашивать.

Глава пятьдесят шестая

Доктор Вячеслав Кириллович Градов сегодня в санаторий не поехал. С одной стороны, не барское это дело, специалисты расставлены надежные и все крутится само собой, как отлаженный механизм. С другой стороны, доктор за последние дни морально подустал, пил больше обычного, да и разговор с этим дотошным сыщиком Бурцевым почему-то выбил из колеи.

Хотелось только одного: сидеть с бокалом пива в кресле-качалке и, слегка раскачиваясь, смотреть в окно на свет Божий.

Гм! К коттеджу Хрипуновых, опечатанному милицией, подкатил микроавтобус. А-а, тот самый Бурцев. С ним еще несколько мужиков в штатском, один тащит какой-то пухлый рулон. Ну, их, к лешему. Лишь бы сюда не нагрнули. Не беспокоили...

Доктор отхлебнул пиво и закрыл глаза. А ведь этот коренастый чернявый подполковник был в полушаге от того, чтобы взять его, Градова, за задницу. Всегда какая-нибудь мелочь подведет, вот ведь закон подлости! Как это сыщик ухитрился обнаружить облатку от аспирина под бильярдным столом? Да элементарно! Просто он, Градов, в совершенстве играет на бильярде, у него шар никогда не выскочит за пределы поля, потому он и не наклоняется во время игры. А этот сыскарь не рассчитал силы удара, шар вылетел, и пришлось лезть за ним под стол. Пустячок! Но какой...

О трюке с аспирином Градов знал давно, еще с фронтовых лет. Там, в Афгане, некоторые нажирались аспирина перед атакой, потом делали себе порез на груди, а впечатление было таким, что ранение чуть ли не смертельное. Ну, их, естественно, в лазарет, подальше от огня.

Градов всегда презирал таких, и ему даже в голову не приходило, что он сам когда-нибудь применит этот подленький трюк. Не на себе, конечно, до такого он никогда бы не дошел. А вообще, для имитации обильного кровотечения.

На том памятном приеме в Кремле, где супруги Хрипуновы познакомились с генералом Павлом Чухловым, присутствовал и Вячеслав Градов, известнейший психиатр среди новых русских и политической элиты. Когда Вячеслав Кириллович брал очередной бокал шампанского, он нос к носу столкнулся с бывшим ротным командиром, памятным ему по Афгану. Чухлов тоже сразу признал своего солдата-параноика. Настроение у генерала было отменное, и он пошутил, что, дескать, в России возможно все — даже законченные психи становятся ведущими и авторитетнейшими психиатрами.

Их никто не слышал. Более того, Чухлов тут же забыл и о своей шутке, и вообще о существовании Градова. Он уже устремился к поджидавшей его Елене Хрипуновой. Но доктор Градов не мог об этом знать и перепугался смертельно: если генерал повторит свою шутку среди людей высшего общества, то весть о тяжком психическом заболевании Градова моментально разлетится в светских кругах. И больше никто из богатых и знаменитых не захочет лечиться в санатории у душевнобольного, да еще с таким диагнозом... Все, что создавалось такими тяжкими трудами, риском, зачастую — с нарушением закона, все это может рухнуть из-за длинного языка новоявленного Бонапарта!

Градов пережил несколько очень беспокойных месяцев. Его тревоги то усиливались, то слабели. Несмотря на то, что генерал Чухлов вроде позабыл об их встрече в Кремле, психиатр осознавал — пока его бывший ротный жив, хозяин санатория не может быть спокоен.

И когда на днях, выслушав телефонный разговор своей жены, Хрипунов обалдело сообщил Градову, что «белокурой газель» назначила свидание не кому-нибудь, а генералу Чухлову, доктор понял: это сигнал свыше. Сама судьба ниспосылает ему единственный шанс — раз и навсегда избавиться от свидетеля его психического заболевания, от постоянной, смертельной угрозы его, градовскому, благополучию!

Вячеслав Кириллович тут же кинулся к Хрипунову: «Старина, хочешь избавиться от жены-изменницы и при этом сохранить все имущество?» Не давая Марату Петровичу опомниться, прийти в себя, Градов поведал, что, если принять «ударную» дозу аспирина, то даже при незначительном ранении кровотечение будет обильным. А истекающего кровью человека, если он притворится потерявшим сознание, никто не заподозрит в убийстве.

«Искать будут Чухлова, ведь ты сам укажешь на него, — убеждал Марата Петровича психиатр. — И запомни: врачи будут считать, что дела твои плохи, но ты не бойся. Уж поверь мне, я твой друг и, к тому же, сам врач».

В коллекции Градова — частично легальной, частично тайной, были пистолеты практически всех известных моделей. Доктор принес из тайника заветный «макаров»... Тот самый, из которого он в далеком 1991 году с наслаждением убил четырех мусульманок. Ох, и много же друзей-товарищей сложили свои головы в Афгане, поддавшись чарам таких вот «Гюльчатай»! Тогда, в девяносто первом, Градов сумел поквитаться с врагом за четверых погибших сослуживцев.

Выбраться в Москву из секретного НИИ Минобороны, где тогда работал доктор, было очень сложно, требовалось специальное разрешение академика Ардашкина. Фактически сотрудники института жили в институтском комплексе взаперти, словно в некоем таинственном бункере, прочно отделенном от остального мира. Но Градов считался одним из ведущих специалистов среди «психов», к тому же, степень его благонадежности оценивалась в секретном досье высшим баллом. И директор дозволил Градову отлучаться в столицу по воскресеньям — правда, через раз.

К тому времени Градов уже вычислил цикличность обострения своей болезни, периоды наступления неодолимой «жажды убийства» — где-то около двенадцати-тринадцати лет. Впервые приступ произошел в шестьдесят седьмом, когда Славе не было и семи лет. Родители, вернувшись с работы, с ужасом застали дома кровавую бойню: три домашние птички, чета канареек и попугай, были разодраны на части, кошка забита насмерть...

Потом все шло тихо, но в конце семьдесят девятого — начале восьмидесятого болезнь накатила вновь. Это совпало с Афганом, что позволило Градову избежать уголовно наказуемых убийств. Там можно было проливать кровь всех подряд — мужчин, женщин, стариков, детей и даже получать за это ордена.

К девяносто первому, то есть ко времени очередного приступа, Вячеслав Кириллович был уже опытен и осмотрителен. Он заранее подготовился к обострению затаившейся паранойи, тщательно продумал, как без особого риска удовлетворять «жажду убийства». И все сошло для него благополучно, а потом обострение схлынуло само собой.

И вот опять позади примерно тринадцать лет...

Марат Петрович с ужасом смотрел на пистолет Макарова. Сначала Градов протянул ему оружие, чтобы тот, как настоящий мужчина, сам совершил суд над изменницей. Но Хрипунов наотрез отказался стрелять в «белокурую газель»... Доктор так и предполагал. «Черт с тобой, придется вспомнить свое боевое прошлое, — усмехнулся он про себя. — А ты давай, глотай упаковку аспирина, если ни на что больше не способен».

Дождавшись приезда генерала Чухлова, — его черная «Волга» была хорошо видна из коттеджа психиатра, — Вячеслав Кириллович Градов проник на участок Хрипунова через дыру, которую они проделали в заборе два дня назад. А Марат Петрович подкатил к своему дому на «мерседесе». У крыльца его уже поджидал доктор, держа пистолет наизготовку, с взведенным курком. Они резко ворвались в гостиную коттеджа Хрипуновых...

Генерал, вооруженный лишь кочергой, был убит первым. Пуля поразила его точно в сердце. Вторая пуля, выпущенная Градовым практически не целясь, разнесла голову Елене. Сообщники отнесли труп генерала в подвал, пол которого был не забетонирован, а лишь засыпан песчаной подушкой, и Градов велел Хрипунову быстренько закопать труп Чухлова.

Затем доктор поднялся наверх, сразу нашел и спрятал в карман вторую гильзу, надел шинель генерала и направился к его «Волге». Фигуры у жертвы и убийцы были стройными, спортивными и потому весьма схожими.

Загнав казенную «Волгу» Чухлова к себе в сдвоенный гараж, Вячеслав Кириллович там же скинул шинель и в одном пиджаке пошел вокруг квартала к коттеджу Хрипунова. В этот момент его и видел притаившийся поблизости телохранитель Хрипунова Шаргин. Таким образом, алиби Градова неожиданно получило лишнее подтверждение.

К этому времени Марат Петрович покончил с нехитрыми обязанностями могильщика, тщательно отряхнулся, поднялся из подвала и теперь с ужасом смотрел на распластавшуюся в луже крови жену. Внезапно в душе Хрипунова шевельнулось и начало крепнуть подозрение, что никакого адюльтера не было, жена не изменяла ему с генералом. В конце концов, ошибся же Марат Петрович в своих подозрениях относительно Елены и Шаргина...

И сегодня Елена не пригласила бы Чухлова на свидание, если бы сам Марат Петрович своей грубостью не спровоцировал «белокурую газель» на попытку измены. Ведь оскорбленная женщина может отомстить мужчине одним-единственным способом! Ах, как она умоляла мужа не улетать в Лондон или хотя бы взять ее с собой...

Рука Хрипунова невольно потянулась к бутылке. Градов, нетерпеливо наблюдавший за Маратом Петровичем, решил было, что его друг хочет выпить, чтобы снять стресс. Но на самом деле первым порывом Марата Петровича было размозжить голову убийце его жены...

«Сейчас не время для поминок», — жестко сказал Градов и взял в руку кочергу. На какое-то мгновение Хрипунову показалось, что доктор намерен убить и его. Минутная отвага книгоиздателя растаяла, как дым... Но Градов лишь до конца воплощал свой хитроумный замысел: он провел острием кочерги длинную царапину на лысеющем темени Хрипунова и приказал ему лечь на пол, а сам принялся названивать в «скорую» и милицию. Все шло строго по плану.

Первый ошеломляющий сбой произошел чуть позже, когда доктор Градов узнал от прибывшего в коттедж подполковника Бурцева о смерти Хрипунова. Кто бы мог подумать, Марат скончался в реанимации от потери крови!

Поначалу Вячеслав Кириллович был искренне потрясен и расстроен. Видит Бог, он не планировал убивать старого доброго приятеля! Но спустя какое-то время доктор взвесил все обстоятельства, все «за» и «против», и пришел к выводу, что гибель Хрипунова ему на руку. Да, надо признать, что так даже лучше. Уж больно ослабили нервишки у книгоиздателя в последнее время. Мог и не выдержать допросов, сломаться под гнетом страшной тайны. Теперь, без него, все упростилось...

Уж в себе-то Градов был уверен на сто процентов. Таких эмоций, как раскаяние, сострадание или угрызения совести, для него просто не существовало. «К тому же — мой третий труп», — подытожил доктор. Марат, Елена, генерал.

Он уже по опыту знал, что для удовлетворения приступа «жажды крови» нужно хотя бы четыре трупа. Так сложилось со времен его детства. Своего рода инициация, изначальное число, которое будет возникать в его больном мозгу при наступлении очередного рецидива. Три птички плюс кошка. Оставалось подыскать последнюю жертву. Кошку.

Глава пятьдесят седьмая

- Дед, иди к нам в ОМОН на полставки!
- Смеетесь, ребята... — смущенно отмахивался сторож.
- Ты понял, ему полставки не годится. Такой Аника-воин дорого стоит!
- Да ты чо, он нас сразу без работы оставит.
- Как это?
- Да так. Все встречные-поперечные от одного его вида будут мордой в грязь падать. Зачем тогда мы нужны?
- Настроение у шестерых омонцев под командованием капитана Дутова было, прямо скажем, разудалое. Потешный охранник на въезде в поселок «Серебряные ключи» впервые стыдился своего камуфляжа.
- «Не к добру веселятся», — подумал подполковник Бурцев, собрался сплунуть через плечо, но тут же мысленно одернул себя — что за нелепые суеверия!

— В общем, так, мужики, — начал он, встав посреди сторожки. — Оставьте в покое старика, он вам всем в отцы годится. Давайте к де-

лу. Со мной в дом Хрипунова отправляются старший лейтенант Каморин, судмедэксперт Груздин, криминалист Зарезин и снайпер. Остальные выдвигаются к коттеджу доктора Градова и берут дом в кольцо, незаметно для хозяина, разумеется. Все переговоры — по мобильной связи. Ты как, одобряешь? — Последний вопрос был адресован Дутову.

— Ну, с точки зрения тактической подготовки, все вроде ничего...

— Ты мне тут уроки теории только не проводи, — усмехнулся Бурцев. — Бронежилеты у всех надеты? Смотрите, ребята, не манкируйте. Вас ждет картечь, разрывные пули и винтовочный огонь — это как минимум. Теперь вот что. Иди сюда, как твоя фамилия? — Он подозвал маленького, юркого, как кошка, татарина в камуфляжной форме.

— Сержант Шамшоев, товарищ подполковник! — отрапортовал миниатюрный вояка.

— Пройдет? — обратился Бурав к печнику Стукалову. «Вот зачем старик понадобился», — только сейчас сообразил Комар.

Стукалов походил вокруг Шамшоева, словно снимая мерку, и, наконец, утвердительно кивнул:

— Даже с запасом.

— В общем, так, Шамшоев, — серьезно, вполголоса заговорил с татарин Бурцев. — Если нам не удастся взять его с ходу или как-то перехитрить, придется тебе рискнуть жизнью. Ребята тебя за бутсы привяжут и опустят вниз головой через каминную трубу. Как только твое лицо поравняется с каминным отверстием, ты увидишь комнату. Вверх тормашками, конечно. Запоминай: перед тобой будет бильярдный стол, за ним — балконная дверь. Скорее всего, у бильярдного стола, по правую руку от тебя, и расположится противник — это для него самая удобная позиция, откуда все простреливается. Я тебя как человека прошу, Шамшоев, не вздумай кричать «Бросай оружие, руки вверх, милиция!» или другую подобную чепуху. Ради всего святого, ради Аллаха, не делай этого! Сразу стреляй, разряжай в него весь магазин. Цель — мужчина, сорока с небольшим, спортивного телосложения. Помни, если ты промедлишь хоть полсекунды, ты — покойник. Мужики тебя, конечно, прикроют, будут отвлекать Градова. Но, ребята, сразу предупреждаю, имейте в виду: куда Градов стреляет, туда он и попадает!

— Я тоже, — пробормотал Дутов.

— Ну, удачи!

— Хоп! — вразнобой отозвались штурмовики.

Бурцев обнял невесомого сержантика Шамшоева... Мелькнула мысль — может, не стоит ставить на карту чужую жизнь? Ладно, посмотрим, как пойдет дело.

Он подал знак Комару, снайперу, Груздину и Зарезину. Все сели в микроавтобус и спокойно, как на плановое розыскное мероприятие, подъехали к коттеджу Хрипуновых. Комар с каким-то тревожным холодком отметил про себя, что вокруг все словно вымерло в самом прямом смысле слова. Помимо хозяев хрипуновского коттеджа, в морге находились также их соседи — Вера Ардашкина, Петр Ванников...

Бумажные пломбы сорвали, дверь отперли и шагнули в сумрачную жуть. Утроба вымершего коттеджа остыла, дохнула на вошедших чужаков могильным, нежилым духом. Как все-таки быстро мертвеют дома после гибели хозяев!

Вниз вела бетонная лестница, освещенная неяркой лампочкой.

Пятеро мужчин, почему-то перешептываясь, словно боясь разбудить или спугнуть кого-то, медленно спустились в подвал коттеджа.

«Ну, чего тут пугаться? — бодрился Комар. — Никто нас там не встретит, там нет живых! Значит, и бояться некого!» Точно такой же внутренний монолог вел, наверное, каждый из спускающихся.

В подвале уже стоял тоненький сладковатый запах тлена. Впрочем, если бы оперативники не знали, что именно является причиной этого запаха, его легко можно было принять за обычный плесенный дух подполья.

Огромный подвал был совершенно пуст, если не считать лопаты, валявшейся в углу.

Труп генерала Чухлова они нашли быстро. Благодаря сухому речному песку, он совершенно не осклиз и выглядел, по словам криминалиста Зарезина, вполне даже «фотогенично». Здесь же, в импровизированной могиле, валялся и пистолет Макарова, из которого, судя по неполной обойме, были сделаны два выстрела. Позже выяснится, что это вовсе не табельное оружие генерала Чухлова, а тот самый пистолет, что был в коллекции Вячеслава Градова и послужил орудием убийства Чухлова и Елены Хрипуновой. А также, в далеком 1991-м, — четырех азиатских девушек.

Бурцев подошел к узенькой отдушине под бетонными плитами потолка, выглянул наружу.

— А вот и позиция для нашего снайпера, лучше не придумаешь, — деловито сказал он. — Слышь, как тебя, иди сюда.

— Вася меня кличут, — нарочито развязно ответил снайпер и принялся расчехлять винтовку, которую перед тем предусмотрительно закутали в одеяло, взятое у сторожа, — этот продолговатый сверток и видел доктор Градов из своего окна.

— Вот смотри, Вася: прямо перед тобой, метрах в тридцати, — дощатый забор, за ним — владения доктора Градова. Соответственно, первый этаж градовского особняка из этого положения не виден. Зато очень даже хорошо просматривается балкон бильярдной и другое, торцевое окно второго этажа. Так что настраивай свою амуницию и держи эти две точки под прицелом.

— Жаль, солнце садится, прямо в лицо мне слепит, — вздохнул снайпер. — Ну, да ничего, не привыкать...

— Да уж, лучше к этой работе не привыкать, — зачем-то пробормотал подполковник.

В этот момент Бурцев из-за спины стрелка увидел, как на своем балконе показался доктор Градов. Так сказать, собственной персоной. Вячеслав Кириллович неторопливо прикуривал сигарету.

— Стреляй, — вполголоса приказал Бурцев снайперу Васе.

— Не могу! — чуть не провыл тот. — По инструкции права не имею, товарищ подполковник!

— Стреляй по ногам, давай-давай! — давил на него Бурцев.

— Ну, не могу я! Он же не вооружен, заложников нет, — умоляющим голосом причитал Вася.

В этот момент Градов пристально посмотрел в их сторону, картинным щелчком забросил окуроч в кусты и скрылся в комнате.

— Дурак! — в сердцах бросил подполковник. — Молись теперь, чтобы при штурме особняка обошлось без жертв с нашей стороны. А будут жертвы — молись о своей собственной грешной душе!

И так страшно, так непреложно прозвучали эти слова, что снайпер Вася сел по-турецки на пол, обхватил двумя руками винтовку и низко опустил голову.

Глава пятьдесят восьмая

Когда доктор Градов вышел с сигаретой на балкон, он вдруг испытал хорошо знакомое ему с юных лет состояние охотника на людей.

Славик выслеживает душманов, они — его. Психиатр буквально физически ощутил, как уши его заостряются и прижимаются к затылку, а глаза растягиваются к вискам, словно у рыси.

Он снова в горах Кандагара, над вершинами которых медленно идут наши вертолеты. А в трех десятках метров, справа, среди камней, залегли «духи» — Славик не просто знает, он чувствует это.

Градов медленно выдохнул табачный дым сквозь ноздри. Казалось, он даже слышал, как зашуршали в носу ворсинки.

Блик! Блик оптического прицела в закатном солнце! До чего же знакомо это ослепляющее приветствие смерти. Невидимый снайпер навел дуло прямо в глаз Славику Градову. Резкое движение — и ты, Славик, будешь лежать безвольной куклой с вышибленными мозгами.

И Градов, взяв себя в руки, щелчком послал окуроч в сад, повернулся и спокойно вошел в бильярдную.

Итак, они раскрыли его игру. Все-таки, потянув за ту несчастную облатку от аспирина, как за кончик нити, этот коренастый подполковник размотал всю хитроумную комбинацию великого психиатра! Bravo! Аплодисменты! Вот ведь как бывает, на одних подмостках сошлись сразу два неподобных артиста...

Что ж, у каждого виртуоза бывает прощальный выход. И Градов очень рад, что ему выпал такой финал — при полном параде, на фоне солидных, дорогих декораций... А уж реквизит чего стоит — прямо любо-дорого!

Вячеслав Кириллович подошел к пирамиде с ружьями и винтовками, деловито принялся отбирать их для последнего салюта. Пожалуй, «бенелли». И пять патронов, начиненных картечью, плавно вошли в магазин полуавтоматического ружья.

Так, не стоит обижать и славный, отстрелянный в боях «браунинг». Два зажигательных, ракета и два разрывных патрона один за другим легли в обойму полуавтомата. И, конечно, надо отдать дань отечественным оружейникам. «ИЖ-94» в этом смысле не заменим: может бить стандартным двенадцатым калибром, а может нижним стволом — патронами от «калашникова», 7,62 миллиметра. Этот «ижик» спасет от возможной газовой атаки, думал доктор, заряжая оружие крупной дробью.

Градов аккуратно положил ружья в ряд на зеленое сукно бильярдного стола, сюда же — десантный нож, который, он знал по опыту, может пригодиться в любую секунду.

Осмотрелся.

Слева был балкон, прямо по курсу — окно, в правом углу наискосок от бильярдного стола — лестница вниз, непосредственно по правую руку — камин, сзади — глухая стена. Практически идеальная диспозиция для длительной обороны.

Психиатр отпер потаенный настенный сейф, и его глазам предстали пистолеты различных моделей, укрепленные на крюках. Он взял в руки «люггер» — в ближнем бою это достаточно эффективное и скорострельное оружие, к тому же, в ладони держится, как влитой.

Он как раз собирался зарядить его, когда на сервировочном столике резко зазвонил телефон. Градов подошел, держа в одной ладони пистолет, в другой — снаряженную обойму, кое-как снял трубку и зажал ее между ухом и плечом.

— Алло, господин Градов? — раздался бодрый голос. — Это подполковник Бурцев говорит, помните такого? Вот и отлично. Я в коттедже покойного Хрипунова. Мне надо с вами кое-что уточнить. Как вы смотрите на то, чтобы я заглянул к вам?

— Превосходно смотрю, подполковник. Мартини ждет вас, а при желании — и партия на бильярде. Вы, признаться, неприятно удивили меня в прошлый раз необычайно высоким уровнем вашей игры... — И Градов отработанным движением послал обойму в рукоятку «люггера».

— Ну, так я иду к вам, — произнес на другом конце провода Бурцев.

— Да-да, только, если позволите, я переоденусь. Дайте мне буквально пять-шесть минут. О`кей?

— О`кей, доктор.

В коттедже Хрипунова Бурав бросил трубку и грязно выругался, что было для него большой редкостью:

— Ё-моё, он нас вычислил! Я слышал, как он, говоря со мной, загонял в пистолет обойму. Этот клацк ни с чем не спутаешь... Слава Богу, что Градов допустил эту ошибку! — Он повернулся к Алексею и поднял вверх указательный палец: — Запомни, Комар: каким бы опытным и умелым ты ни был, никогда не надо зазнаваться, надо всегда быть начеку. Не позволяй себе расслабляться, как доктор Градов, тогда проживешь долгую, счастливую жизнь и состаришься в окружении внуков, — по-отечески закончил подполковник.

— Спасибо за науку. Если сегодня выживу, она мне обязательно пригодится, — мрачно сострил Каморин.

— Только не вздумай на рожон там лезть! — прикрикнул на него Бурцев. — Кроме тебя, желающие получить пулю найдутся. Ты, между прочим, без бронезилета, а когда последний раз в тире был? А? Так что ты здесь никто, и звать тебя никак!

Глава пятьдесят девятая

Доктор Градов не лукавил, когда просил у Бурцева пять-шесть минут на переодевание. Оно было неизменным атрибутом предстоящего спектакля — как же артисту выходить на подмостки без соответствующего костюма!

Вячеслав Кириллович положил пистолеты на каминную полку и открыл гардероб. Какую форму надеть? Парадную, полковничью? Он же все-таки полковник медицинской службы. Но в этом звании Вячеслав Кириллович не воевал. Даже ни разу не выезжал в прифронтовые госпитали Чечни, Абхазии... Не оказывал помощь раненым в Прибалтике и Тбилиси, в Баку, Степанакерте, перед Белым домом...

Нет, он наденет свою боевую форму, свой старый-престарый армейский камуфляж. Как ни стирай, а пахнет он кровью, порохом и потом, кислым афганским хлебом.

Доктор быстро переоблачился, зашнуровал армейские ботинки, надел на голову беретку и прикрутил к кителю ордена. Внизу раздался звонок входной двери.

Градов подошел к стене, нажал кнопку домофона и клавишу отмыкания дверного замка, приветливо крикнул:

— Входите, открыто! — Сам же метнулся обратно к бильярдному столу, поднял на уровень груди «бенелли» и «браунинг» — в каждой руке по ружью, и снова крикнул: — Открыто!

Он услышал, как входная дверь на первом этаже распахнулась, и в холл вошли визитеры. Странно, однако, что никто не поднимается по деревянной лестнице в бильярдную. Градов застыл в напряжении.

— Ну, где же вы, подполковник? — В голосе психиатра послышалось легкое раздражение.

Тишина.

Еще секунда этого убийственного безмолвия, и Градов сам кинется в атаку, посылая огонь и смерть с обеих рук...

— Вячеслав Кириллович! — наконец-то отозвался подполковник Бурцев. — Спускайтесь к нам, только без оружия и с поднятыми руками.

Градов перевел дух. Слава Богу, пока все обходится без сюрпризов. Все идет по плану...

— Сдавайтесь, Градов, дом окружен, — миролюбиво продолжал Бурцев. — Я знаю, что вы хорошо вооружены и, тем не менее, будьте благоразумны. Вы же фронтовик, орденосец, и должны понимать, что соотношение сил явно не в вашу пользу.

— Складно говорите, милейший подполковник! — ответил Градов, косясь в сторону балконной двери. — Но, как старший по званию, позволю себе напомнить вам известную истину — чрезмерное рвение по службе, как правило, к добру не приводит. И потом, если вы пришли брать меня, значит, вам все известно. Выходит, вам известно и то, что я тяжело болен и, соответственно, в плане уголовного преследования ничем не рискую. Еще несколько трупов не усугубят моей участи.

С этими словами Вячеслав Кириллович сместился чуть влево и дважды послал в лестничный проем заряд картэчи, превратив отделку, перила и ступени в безобразную груды щепок и лохмотьев. Группа захвата понесла первые потери: один из омонцовцев, отчаянно матерясь, схватился за перебитое предплечье.

Воспользовавшись паузой и, очевидно, перегруппировкой сил противника, доктор Градов положил «бенелли» и «браунинг» на бильярдный стол, посмотрел в сторону противоположного окна и высадил его дробью из отечественного оружия. На случай газовой атаки он, к тому же, включил мощный напольный вентилятор.

На сервировочном столике зашелестел страницами журнал, в камине взметнулась облачком зола...

Доктор вновь взял в руки «браунинг». В разбитое окно было хорошо виден омонцовский микроавтобус, стоящий возле коттеджа Хрипунова. Доктор тщательно прицелился. Расстояние изрядное, да и голые ветви кустарника мешали прицелу, так что Градову предстояло, можно сказать, наглядно продемонстрировать, чего он стоит как стрелок. Это был принципиальный момент.

Доктор несколько секунд водил перекрестьем прицела по контуру микроавтобуса, прикидывая, где должен располагаться бензобак. На-

конец замер и плавно спустил курок. Зажигательный патрон вытолкнул мощный заряд, и оглушительный взрыв не заставил себя долго ждать. Ядовито-красное пламя, охватившее микроавтобус, тут же выдохнуло в небо целую тучу мазутного дыма. Водитель вывалился из кабины и, визжа, катался по осенней листве.

— Вот это похоже на дело, — вполголоса проговорил Градов, отступая в глубь комнаты.

Глава шестидесятая

Шквальный беспорядочный огонь ударил снизу, и некоторые пули уже выщербливали деревянные панели стен, а одна снесла рог с головы сохатого.

Бессмысленность этой канонады заставила доктора призадуматься. Хм, ребята! Тут что-то не то. Да вот только хитрите вы как-то безыскусно, на мякине пытаетесь провести...

А что это за странный звук раздался из камина? Впрочем, раздался — слишком громко сказано. Это был всего лишь тихий скрежет металла о кирпич... Вроде бы совсем неприметный звук на фоне пальбы, треска и выкриков омонцовцев, но изоцренный слух Градова выделил именно его из всеобщего тарарама.

Доктор повернул кресло в сторону камина и удобно расположился в его мягкой кожаной утробе, установив локти на подлокотники. Ствол «бенелли» он навел на черноту каминного зева. «Браунинг» левой рукой направил в сторону лестницы и для порядка произвел подряд четыре выстрела зажигательным, ракетой и двумя разрывными.

Отделка лестницы и холла была выполнена из ценных, диковинных пород древесины, на полу лежали натуральные и синтетические ковры, и потому все это «буржуйское» великолепие тут же запылало и зачало... От удушья доктора спасали лишь выбитое им окно и работающий на предельной мощности вентилятор.

А снизу слышались кашель и чертыханья омонцовцев. Временно они выбыли из битвы, превратившись в импровизированных пожарных.

— А может, ну, его на хрен, пусть сгорит там заживо или дымом задохнется? — крикнул кто-то из осаждавших.

«Умно, — подумал доктор Градов. — Умно, да не для вас. Вот кабы вы настоящими душманами были, то гореть бы мне синим пламенем... А вы менты, и обязаны спасти даже преступника, пусть и ценой собственной жизни».

Словно в подтверждение этой мысли снизу донеслось:

— Попробуем все-таки взять живым!

Ну что ж, пробуйте, флаг вам в руки...

Сейчас доктора гораздо больше беспокоил тот «дух», что медленно и осторожно продвигался по каминной трубе. Теперь, когда остальные «душманы» были практически отрезаны от поля боя, Градов остался один на один с таинственным смельчаком.

Как он спускается? Печник, который чистил ему дымоход, спускался обычным образом, то есть ногами вниз. У парня, который вот-вот появится в проеме каминной арки, в руках вовсе не щетки и скребок, а укороченный десантный автомат или, на худой конец, пара пистолетов. Но как бы хорошо этот неведомый «дух» не был вооружен, однако он идет на верную смерть. Пока он будет приседать, высовывать голову и наводить ствол на противника, его расстреляет и ребенок, не то, что такой ас, как Вячеслав Кириллович Градов. А если его привязали за ноги и потихонечку спускают вниз головой? С оружием наизготовку? Думай, шурави, думай... Тебе секунды остались на размышления.

Конечно, Градов мог просто подойти к камину, сунуть в дымоход ружье — ствол вертикально вверх — и нажать на спуск. Но ему очень хотелось напоследок увидеть глаза неприятеля, как тогда, возле печки в зачуханном афганском поселке. Кстати, оказалось, что убитому им «душману» и было-то всего лет двенадцать... А этому сколько, интересно? Он же маленький должен быть, щуплый...

Чумазое, перепачканное сажей детское лицо с раскосыми мусульманскими глазами появилось внезапно, как видение из прошлого... Они смотрели друг другу в глаза какую-то долю секунды. «Опять замедление времени, что ли, как в том гребаном секретном НИИ?» — подумал Градов и плавно нажал на спуск.

И не случилось спасительной осечки, и чудесным образом не дрогнул вороненый ствол прославленного полуавтоматического ружья... Все произошло в строгом соответствии с тактико-техническими характеристиками данного стрелкового оружия: мощный заряд картечи, выпущенный с расстояния в три метра, «срезал» вихрастую голову сержанта Шамшоева.

Градов отбросил ружья, загремевшие по паркету, схватил десантный нож и кинулся к камину. Озарившая его идея была проста и гениальна — отрезать веревку, на которой спускали этого пацана, накинуть петлю себе на ноги и подать сигнал, чтобы подымали наверх... Там, на крыше, решат, что их товарищ ранен, не может сам отвязаться, станут изо всех сил тянуть...

Он ведь в таких же ботинках, камуфляже. Не сразу разберутся, что к чему. А ему достаточно полсекунды, чтобы убрать двоих (их на крыше должно быть не больше двоих). Секунда уйдет на то, чтобы вновь зафиксировать стволы и отправить на тот свет еще двоих — уже внизу. Во дворе наверняка кто-то есть, наблюдает за домом.

Доктор не успел. Тело Шамшоева буквально выскользнуло из его рук и стремительными рывками поползло наверх. Градов схватил с каминной полки пистолеты, сунул голову в дымоход, поднял лицо, и его тут же залило теплой кровью... Доктор начал стрелять вверх, через дымоход, сразу с двух рук. «Авось, задену кого-нибудь», — с ожесточением думал он. Но мертвый сержант Шамшоев молчаливо принимал в себя пули, предназначенные его товарищам.

Градов вылез из камина и подошел к лестнице, ведущей вниз. Ее успешно поливали из огнетушителей люди в омовинской форме. Едкий дым смешивался с паром, и Вячеслав Кириллович вдохнул эту смесь полной грудью. Он не закашлялся, нет, наоборот, впечатление было таким, будто он напоследок, перед тем, как нырнуть в бездну, глотнул живительного, бодрящего воздуха. На губах доктора играла удовлетворенная улыбка победителя.

— Я сдаюсь! Все! Я сдаюсь! — прокричал Градов и, бросив вниз «кольт» и «люггер», захохотавшие по ступенькам, картинно поднял руки вверх. — Подполковник! Я без оружия и с поднятыми руками! Вы, кажется, этого хотели?

Доктор наслаждался своей позой — даже с поднятыми руками он возвышался над этой копошащейся кучкой пятнистых муравьев.

Глава шестьдесят первая

Из этой кучки выступил коренастый чернявый человек в гражданском костюме. Он молча смотрел на Вячеслава Кирилловича, и каза-

лось, что взгляд его шел не снизу, а откуда-то со стороны. Потусторонний такой взгляд, будто с того света.

Бурцев поставил ногу на первую ступеньку, поднял пистолет Макарова и спокойно прицелился.

— Э, э! — растерянно выкрикнул психиатр. — Я же сдался! Вы совершаете уголовное преступление!

Бурцев нажал на спуск, и доктор Градов, ломая ребра и кисти рук, загрохотал вниз по лестнице. Подполковник посторонился, и Вячеслав Кириллович распластался у его ног. Он лежал лицом вверх и тяжело дышал, сверкая побелевшими от боли глазами.

Этот коренастый сыщик все-таки переиграл его! Переиграл, потому что спутал ставки, принялся следовать правилам самого доктора Градова, а не милицейским инструкциям. Психиатр не мог этого предусмотреть... Потому что этого просто не должно быть!

— Жив? — спросил подошедший капитан Дутов.

— Да я пока еще стрелять не разучился, — ответил Бурцев, засовывая пистолет в кобуру. — Продырявил ему лодыжку. Он ваш.

— Вот и отлично, — кивнул Дутов. — Но он, между прочим, мог шею себе сломать, когда катился с лестницы. А стрелять по трупу мне как-то не привычно. Да и несолидно.

Градов, слышавший весь этот жуткий диалог, испытал такой ужас, которого никогда не знал в своей жизни. Он — беспомощный, пронзенный болью — полностью находился во власти этих нелюдей! Просить их о помиловании просто глупо...

Капитан Дутов, стоя над поверженным психиатром, прицелился из своего «макарова» и прострелил Градову левое плечо. Потом подошел к распахнутой двери, выглянул во двор.

Пятеро омоновцев сгрудились возле обезглавленного сержанта Шамшоева, лежавшего на оранжевой от крови осенней траве.

— Ну, чего, вам особое приглашение требуется? — грубо прикрикнул на них Дутов.

Парни с угрюмыми лицами стали подходить к хрипевшему на полу Градову, на ходу передергивая затворы пистолетов. Уже через минуту у психиатра были продырявлены в нескольких местах все четыре конечности, а также обе ягодицы. Его раскисшее тело перевалили на живот.

— Хорош, — сказал подошедший доктор Груздин. — Хоть меня-то пожалейте. Мне ж его хотя бы до реанимации надо живого довести... А там — не моя печаль.

Вячеслава Кирилловича, который все еще оставался в сознании, поволокли в муровский микроавтобус «мицубиси». Омоновская «Газель» уже почти полностью догорела после меткого выстрела психиатра.

Двое омоновцев подняли под руки тело сержанта Шамшоева.

— Совсем пацан еще... — пробормотал Бурцев.

— У этого пацана трое детей осталось, мал мала меньше! — сквозь зубы процедил бритоголовый верзила.

К ним робко, бочком, приближался снайпер Вася. Подполковник Бурцев вдруг утробно зарычал и бросился к снайперу:

— Убью! Своими руками удавлю, гнида!

За ним кинулись Груздин, Дутов и еще один омоновец, повалили на землю...

— Товарищ подполковник... Макс... Ну, все, все...

Снайпер, повизгивая от страха, убежал куда-то прочь. Бурав, лежа щекой на прелой листве, посмотрел ему вслед, закусил холодный мокрый листочек и принялся его жевать.

Комар наблюдал за происходящим, как в тяжелом наркотическом сне.

Глава шестьдесят вторая

Подполковник Бурцев заехал в МУР буквально на час-полтора, наскоро доложил начальнику отдела полковнику Хлынову о результатах спецоперации и сказал Алексею:

— Знаешь, Комар, я, пожалуй, домой... Ты уж закончи всю бумажную работу, будь другом, а то я что-то себя неважнецки чувствую...

Слышать нечто подобное от негнибавшего Бурава было настолько непривычным, что Комар только покивал головой.

Подполковник спустился вниз, грузно опустился на водительское сиденье своих «Жигулей» и долго смотрел перед собой немигающим взглядом. Потом встряхнулся, повернул ключ в скважине замка зажигания и поехал домой, в Беляево.

У подъезда его церемонно приветствовал старичок-сосед, отставной военный:

— Здравия желаю, товарищ подполковник! Вы сегодня что-то пораньше. Или сами хотите осмотреть место происшествия?

— Какого еще происшествия? — рассеянно спросил Бурцев.

— Батюшки-светы, так вы не знаете? — всплеснул руками отставник. — У нас же труп на первом этаже нашли, прямо у входа лежал! Молодой такой мужчина, видный. А при нем, представляете, снаряженный пистолет с глушителем. Милиции понаехало...

— Что же тут, перестрелка была? — хищно пошевелил ноздрями Бурав.

— То-то и оно, что нет, — веско промолвил довольный пенсионер. — Парень-то, когда вошел в подъезд, возьми да поскользнись. Рукой за щиток распределительный схватился, его враз током и убило. Замкнуло фазу на железные дверцы, вот как бывает! Один милицейский тоже щитка коснулся, дак его так дернуло, что еле отдышался.

— Еле отдышался... — задумчиво повторил Бурцев.

— А другой милиционер узнал убитого, говорит, что это какой-то Горгаз. Известный, мол, бандит. Из таганских.

— Может, Бургас? — уточнил подполковник.

— Вот-вот, как-то так он и сказал. И девчонку какую-то забрали — рыженькую такую, конопатую. Она, Максим Юрьевич, на площадке как раз над нашим с вами этажом стояла.

«Бургас связан с этим золотарем Безлепкиным, — думал Бурцев, неспешно поднимаясь пешком на свой этаж. — Безлепкина я позавчера смертельно запугал. Они вообразили, что я стал предельно опасен. Все понятно... Лишь по воле рока Бургас не дошел до моей квартиры».

Бурав неслышно повернул ключ в замочной скважине, скользнул в темный коридор своего жилища, держа пистолет наизготовку. Чуть постоял, прислушиваясь. Потом стремительно обследовал обе комнаты, кухню, ванную, кладовую. Все чисто.

Он снял телефонную трубку и позвонил в местное отделение милиции:

— Алло, Виктор? Привет, старина, это Бурцев. Да, мне уже рассказали... Слушай, там у тебя, если не ошибаюсь, задержанная находится, Татьяна Малахова. Да, рыжая. Ты, вот что, отпусти ее с миром, это мой человек. Ну, просто мы с ней разминулись. Что? Ладно, бросай свои насмешки, нет у меня ни седины, ни бороды, и ребра пока целы. Скажи ей, пусть идет домой...

Бурцев забросил плащ прямо на диван, разулся и, не надевая тапочек, пошлепал на кухню.

«Главное, не анализировать, не терзаться самобичеванием, — убеждал себя подполковник, — иначе работать дальше будет просто невозможно».

Но против воли в его усталом мозгу стучал вопрос: можно ли было избежать гибели сержанта Шамшоева? Да, можно. Зачем подполковник послал его на смерть? А?

Он распахнул холодильник, достал початую бутылку водки. Интересно, сколько она у него уже стоит, выдыхается? Накатил себе полный стакан, отрезал кусочек сала, взял аппетитный соленький огурчик.

«Вроде ничего, не выдохлась», — отметил про себя забористость водки и захрустел, зажевал челюстями.

Потом подполковник долго смотрел в окно на вечерний город, утыканный сырыми огоньками фонарей, слушал шепот шин по блестящей мостовой — и думал, думал...

Как же это страшно — вымышленный мир, надуманные проблемы, эмоции.

Они реально убивают людей.

Взять хотя бы сегодняшнее покушение на его, подполковника Бурцева, скромную персону. Два года антиквар Безлепкин жил под страхом расплаты за свое преступление, и постепенно этот страх начал управлять его поступками. А ведь по сути, Безлепкину ничего не грозило, и даже незаконная операция с иконой Илии Пророка сошла антиквару с рук. Но золотарь вообразил себе невесть что, и в итоге нелепо погиб другой человек — Олефиренко.

Марат Хрипунов, в результате каких-то непонятных умозаключений, начал дико ревновать свою жену. А она элементарно была верна ему, любила его! Бурцев подробно говорил об этом с начальником службы безопасности Хрипунова Владимиром Шаргиным. Тому ничего не было известно о каких-либо похождениях супруги босса. А уж Шаргин-то знал все или почти все... Но Марат Петрович довел себя чуть ли не до безумия своими ревнивыми подозрениями и даже не пытался узнать подлинную, а не кажущуюся правду! Она ему была не нужна. Ему нравилось чувствовать себя оскорбленным и преданным неблагодарной женой.

Доктор Градов убил генерала Чухлова, панически боясь разоблачения своей психической болезни. Но Чухлов давно забыл о встрече на Рождественском приеме в Кремле. Прошло уже десять месяцев, а генерал не пытался ни шантажировать Градова, ни гробить его врачеб-

ную карьеру. Плевать ему было на этого параноика! Но Градов уже запрограммировал себя на убийство Чухлова, и вот, когда ложные подозрения психиатра совместились с ревнивым бредом Хрипунова, детонатор мины сработал!

А как погиб Петр Игнатьевич Ванников? Все указывало на то, что это политическое убийство, уходящее корнями в таинственные события 1991 года. И как все оказалось до кошмара просто на самом деле! Маргинал Стукалов тридцать лет подряд холил свою ненависть к следователю. А Петр Игнатьевич жил своей жизнью, ничего об этом не подозревая. И вот сбылись все мечты Ванникова: построен коттедж в поселке миллионеров, впереди — подведение жирной черты под своей профессиональной деятельностью, разоблачение ушедших когда-то от ответственности преступников... И вдруг — стрела ненависти, выпущенная тридцать лет назад, настигла Ванникова именно в этот самый момент!

Как же все это объяснить?..

Глава шестьдесят третья

Середина декабря выдалась довольно морозной, но практически бесснежной. Так, летала какая-то мелкая, льдистая крупка, скапливаясь волнистыми наносами возле домов и обочин.

По Егорьевскому шоссе мела поземка. Милицейский «уазик» сопел по дороге, минувя города и веси, полуразрушенные и вновь открытые церкви. Ветер позвякивал в оголенных ребрах куполов...

Доктор Градов смотрел в зарешеченное окошко заднего отсека, наручники холодили запястья. Впереди сидели двое сопровождавших его милиционеров. Один то и дело прикладывался к живительной влаге из плоской бутылочки и при этом подтрунивал над водителем, который мучился после вчерашнего похмелья.

Ехать было далеко. Доктора Градова, признанного судебной комиссией института Сербского невменяемым, увозили в Старовскую психиатрическую лечебницу. «Старое» — один из нескольких российских «домов скорби», имевших спецотделение для особо опасных преступников, отправляемых на принудительное лечение.

В последние дни на прославленного психиатра напал какой-то ступор — то ли из-за воздействия мощнейших транквилизаторов, вводимых в его организм лошадиными дозами, то ли от невеселых дум... Вячеслав Кириллович с трудом мог выдавить из себя несколько фраз в течение недели. «Это нормально, — утешал себя доктор, попавший в положение пациента. — Так и должно быть... Я еще не сошел с ума».

Градов хорошо представлял себе, что означает приговор «принудительное лечение»: это лет пять в условиях, по сравнению с которыми тюрьма покажется едва ли не его виповским санаторием. Тесная камера, отсутствие прогулок и мало-мальского общения с миром, озверелые санитары, бесконечные побои и постоянная милицейская охрана. Плюс — препараты, которые и нормального человека сделают дебилом.

Вячеслав Кириллович никогда не бывал в Старовской больнице, но примерно догадывался о царивших там нравах среди персонала. Дело в том, что сей подмосковный дурдом при советской власти использовался как изолятор для так называемых диссидентов. С этими «пациентами» можно было творить вообще что угодно, проводить самые рискованные эксперименты над психикой... Соответственно, говорить о каком-то гуманизме в стенах такого заведения было нелепо. И вряд ли порядки на Старом сильно изменились за прошедшие годы.

По жестам сопровождавших Градов догадался, что они подъезжают. «Уазик» свернул направо, к лесу. Наверное, в теплое время года здесь неплохо. Кругом — дубрава, среди которой виднелись одряхлевшие корпуса психбольницы.

Их уже встречали санитары и кто-то из тюремного — тьфу, больницы — начальства. Градов различил среди звероподобных бугаев невзрачного очкарика в телогрейке, надетой поверх белого халата. Задняя дверца «уазика» отомкнулась, раздалась команда: «Выходи!», и Вячеслав Кириллович, кряхтя, выкарабкался из тесного отсека.

Полученные в «Серебряных ключах» ранения все еще давали о себе знать. Как-никак, из его конечностей извлекли девять пуль. Но вот что удивительно — то ли организм доктора был когда-то, на афганском фронте, предельно адаптирован к ранениям, то ли сказалось его исключительно крепкое физическое здоровье, но раны зарубцевались довольно быстро, без каких-либо осложнений. Однажды, во время утреннего обхода, в палате хирургии он услышал, как два врача пере-

говаривались по его поводу. «Надо же, заживает, как на собаке». «А он и есть собака», — спокойно ответил другой.

Градов и сопровождавшие его вошли в теплый холл старовской больницы. Миновали приемный покой. Здесь оформляли «нормальных» психов, а Вячеслава Кирилловича повели куда-то в глубь лечебницы...

Тут Градов подметил, что очкарик, уже снявший телогрейку, что-то вполголоса говорит милиционерам, доставившим «специалиста». Те покивали головами и вернулись в холл, рассевшись в неудобных креслах и закуривая.

Градов вдвоем с молчаливым спутником поднялись на второй этаж и подошли к двери с надписью «Приемная». «Уже любопытно!» — вяло отметил про себя Вячеслав Кириллович. Значит, с ним хочет познакомиться главный врач этого далеко не презентабельного заведения...

Он шагнул за порог начальственного кабинета. Лицом к окну стоял высокий, крепкого телосложения человек в белом халате. Руки скрещены за спиной, ноги широко расставлены в стороны. «Да, в таких вот психушках даже врачи быстренько становятся наполеонами», — с усмешкой подумал Вячеслав Кириллович.

Сервировочный столик посреди кабинета накрыт был действительно словно для монарха: бутылка дорогого коньяка, два фужера тонкого бургундского стекла, виноград в хрустальной вазе, черная икра в объемистой деревянной плошке, ветчина, лимон, набор шоколадных конфет...

— Снимите с него наручники, — распорядился стоявший у окна человек.

Очкарик тут же освободил запястья Вячеслава Кирилловича при помощи ключа, взятого у милиционеров, и лишь тогда хозяин кабинета картинно обернулся.

— Слава... — шагнул он к Градову с распростертыми руками.

— Миша? Ты?.. — растерялся Вячеслав Кириллович, погружаясь в объятия бородатого главврача.

— Как видишь, как видишь... Собственной, что называется, персоной. Ну, Слава, с прибытием, сейчас мы с тобой отпразднуем встречу.

И Михаил Епифанович Саянов, главный врач старовской психбольницы, сделал знак своему заместителю оставить их вдвоем с прибывшим.

— Ну, что, по первой? — суетливо предложил он, откровенно волнуясь.

— Давай, Миша... Сколько же лет прошло, а?

— Ой, много, Слава, уж на второй десяток перевалило, как мы с тобой не виделись... Ты-то все в эмпиреях, среди небожителей, а я вот тут, сам понимаешь...

— Ну, теперь-то твое положение куда завиднее моего!

— Как сказать, Слава, как сказать... — Саянов дождался, когда Градов выпьет и закутит лимончиком. — Как коньяк?

— Отменный. Дар признательных пациентов?

— Скажешь тоже! Все такой же шутник... — хохотнул Саянов. — Насчет твоего положения, Слава... В психбольнице ведь тоже можно жить по-разному. Это я насчет того, что тебя ожидает. Забудь обо всех тех ужасах, которыми тебя пугали, и о которых ты сам, будучи психиатром, прекрасно осведомлен. Такой вот стол, — Саянов щедрым жестом обвел яства, — ожидает тебя, Слава, каждый день в течение твоего пребывания у меня в гостях. Недолгого пребывания, Слава, уверяю тебя.

— Недолгого? — Глаза Градова вспыхнули. — Но за мной такой шлейф тянется...

— Обрубим, Слава, одним махом обрубим, — самодовольно улыбнулся Саянов и захрустел лимончиком. — Тут ведь моя епархия, здесь я — царь и Бог. Пусть скромный, провинциальный, но все-таки — удельный князь. Через полгодика выйдешь, как выздоровевший. На полную свободу, Слава! Так-то... И, уверяю тебя, это будут неплохие полгода!

— Да ну?

— Конечно, по сравнению с твоим санаторием все то, что я могу тебе предложить — это, прямо скажем, не Парнас. Но и у меня здесь есть сауна, джакузи, бильярд. Для себя делал, не скупился. Жить будешь в отдельной комфортабельной палате. Естественно, без всякой милицейской охраны, без замков. А вот насчет медсестричек... — плотоядно хихикнул Саянов, — сам выбирать будешь, Слава.

Градову хотелось прыгать от счастья, даже закукарекать, но он тщательно сдерживал свою радость. Неспешно выпив еще один фужер коньяка, услужливо наполненный Саяновым, Вячеслав Кириллович промокнул губы салфеткой и рассудительно произнес:

— Но ведь ты, Миша, в определенной степени рискуешь, и потом, ты же не можешь не понимать, сколь великую услугу мне оказываешь...

— И рискую, и понимаю, — весело ответил Саянов, вновь наполняя фужеры. — Ты не обижайся, но уж, коль скоро ты сам торопишься рас-

ставить все точки над «і», изволь, я готов высказаться до конца. — Взгляд его стал серьезным. — Насколько я понимаю, Слава, ты остаешься владельцем своего санатория как физическое лицо. Но исполнять обязанности главного врача больше не можешь — ни физически, ни по закону. Кто, кстати, сейчас у тебя там главврач?

— Мой штатный заместитель по лечебной части, естественно, — пожал плечами Градов.

— Сейчас ты, Слава, по закону — недееспособен и не можешь ни уволить, ни принять на работу кого бы то ни было, — продолжал Саянов. — Но через полгода, когда мы объявим тебя выздоровевшим, ты обретишь и дееспособность, и все права собственности. Стало быть, вновь станешь не только формальным, но и фактическим хозяином своего санатория. Так?

— Так, — кивнул Градов.

— Ну и славненько! Ты всего лишь назначишь меня главным врачом своего райского уголка. Я не слишком много прошу, Слава?

— Боже мой, о чем речь! Мы же старые друзья, Миша...

— Тогда выпьем, потом хорошенько поедим, а там — сауна с массажистками!

И психиатры счастливо рассмеялись. Они действительно когда-то были приятелями — в те годы, когда работали в одном подразделении секретного НИИ министерства обороны под руководством академика Анатолия Ардашкина.

Э п и л о г

Игорный клуб «Монреаль» в этот зимний вечерний час был заполнен блистательной столичной публикой — дамы в бобрах и горностаях, мужчины в безупречных смокингах... Всюду сновали полуголые девицы, державшие в руках подносы с разноцветными бокалами, а метрдотели смотрелись как валяжные сенбернары.

На девушках-крупье красовались фирменные «кокошники», как их называли завсегда и клуба, пять фонариков вокруг головы в виде ограненных рубинов, шестой, более крупный, возвышался над макушкой. Кстати, по этому оригинальному сооружению клуб «Монреаль» можно было определить в ночной, сияющей мириадами огней Москве

еще издалека: огромные красные фонари-рубины, пять плюс один, возвышались над крышей импозантного здания.

И в этом символическом оформлении многие видели желаемое для себя, в зависимости от наклонностей. Некоторые вспоминали об «улицах красных фонарей» в европейских столицах, где в каждом доме был недешевый бордель. Другие говорили, что пентаграмма — сатанинский знак, и, стало быть, хозяин должен расстараться, чтобы развлечь посетителей не хуже самого князя мира сего...

А знатоки французского языка объясняли все гораздо проще: «Монреаль», в переводе с французского, означает «королевская гора», о чем и напоминает рубиновая корона.

Пенсионер Юрий Георгиевич Маслов был одним из завсегдатаев клуба «Монреаль». Своего, кстати говоря, клуба. Уж сколько политиков, банкиров и звезд шоу-бизнеса сменилось за этими столиками, а старичок Маслов все так же аккуратно, изо дня в день, занимал свое место в уголке и ждал, когда к нему подскочит официант Сева. Ждать, впрочем, никогда не приходилось дольше нескольких секунд. Сева испытывал какой-то мистический ужас перед этим посетителем. Ну, не бывает же так, чтобы человек много лет кряду ходил в одно и то же заведение, а обслуживающему персоналу о нем ничего не известно с определенностью! Равно и другие посетители клубного ресторана практически не общались с этим невзрачным старикашкой...

Для официанта Севы было достаточно того, что при каждом появлении таинственного гостя из глубин заведения тут же выныривал распорядитель клуба Вениамин Егоршин и лично спешил засвидетельствовать старичку свое почтение. А это, знаете ли, дорогого стоит!

Юрий Георгиевич, расположившись за излюбленным столиком в закутке ресторана, имел привычку что-то чертить в альбоме. Когда-то, еще в бытность свою академиком Ардашкиным, он всерьез увлекся графикой, и в Доме ученых даже состоялась его персональная выставка.

Рисунки Ардашкина представляли собой некое нагромождение перекрещивающихся линий, изоцтренных многогранников, перспектив... Странно, однако, что, постояв возле очередного такого «опуса», человек вдруг начинал испытывать то безотчетную тревогу, то спокойное удовлетворение жизнью, то впадал в ступор, когда мир вокруг переставал существовать. Рисунки утягивали взор куда-то в глубину миро-

здания, отрешали от физической и душевной боли, заставляли забыть о многом в нашей сумасшедшей жизни. Впрочем, далеко не на всех они производили такое впечатление.

Когда академика спрашивали, почему он избрал столь необычный способ самовыражения, Ардашкин обычно отвечал: «Зачем рисовать то, что мы и так видим вокруг себя ежедневно? Искусство потому и называется искусством, что оно переносит человека в иной мир, где нет привычных предметов, цветов, людей и характеров. Иллюзорный, искусственный мир, который, тем не менее, существует в каком-то ином измерении».

Сегодня напротив Юрия Георгиевича Маслова сидел модный, набирающий силу политик — Евгений Михайлович Черных.

— Ну, что ж, выборы в Думу состоялись, партия «Сила Руси» не сумела набрать пяти процентов голосов, — говорил Черных, — так что, с формальной точки зрения, мы с вами можем рассчитаться...

— Вот именно, с формальной, — подчеркнул Маслов. — Я так и говорил с самого начала: наиболее влиятельные фигуры в партии «Сила Руси» будут устранены. Причем без всякой политической подоплеки. А уж как я это осуществляю — мое дело, извините за грубость. — Он криво ухмыльнулся, и Черных опустил глаза.

— Честно говоря, Юрий Георгиевич, я представлял себе все как-то иначе, более прозаично, так сказать, — признался политик. — Стереотип мышления, что поделаешь... Но никаких претензий к вам нет. Результатами я вполне доволен. Другое дело, как вам это удалось...

Юрий Георгиевич аккуратно перевернул страницу своего альбома, вытащил из нагрудного кармана золотой «Паркер», заправленный тушью:

— Вот смотрите, Евгений Михайлович. Поймете, так поймете, а нет, так нет. Я рисую две точки на некотором расстоянии друг от друга. Между этими точками мой «Паркер» может провести бесконечное число видимых глазу линий. Смотрите — так, вот эдак, прямо и зигзагом... Все эти линии ведут к цели, то есть соединяют точку настоящего и будущего. Но есть линии незримые, и их еще больше. Видите, моя ручка не оставляет следа в воздухе, когда я провожу линию от одной точки до другой не по бумаге, а над листом? Теперь представьте, что авторучка — это наш человеческий разум. И тогда мы с сожалением

должны будем признать, что способны мыслить только в плоскости, причем самым очевидным для всех образом. А вот если сумеет выйти в пространство, тогда вы превращаетесь во всемогущего невидимку...

— Я понял, — резко перебил его Черных и положил на стол небольшой кейс. — Не продолжайте. Давайте рассчитаемся.

— Значит, вам неинтересно то, о чем я рассказываю?

Черных тяжелым взглядом посмотрел в лицо Маслову.

— Почему же, интересно. Слишком интересно. Но то, о чем вы рассказываете, — чересчур опасно для слушающего. Я знаю, что вы скажете дальше. Вы открыли способ видеть незримые варианты людских судеб. И по своему усмотрению чертить их — в зависимости от ваших интересов. Хотите — судьба человека будет развиваться по одному варианту, хотите — по другому. Снимаю шляпу, но, извините, предпочитаю больше не беседовать и не общаться с вами. Я обычный человек, а правило обычного человека гласит: меньше знаешь — дольше живешь. Знания умножают скорби, как сказано в Библии. Клянусь, что все останется между нами. — Политик оставил на столе свой портфель и поспешно удалился.

Маслов вздохнул. Что ж, Черных, похоже, спас себе жизнь, а то пришлось бы убирать и его — из-за своей старческой словоохотливости.

Академик пошел на то, чтобы убрать с политической арены партию «Сила Руси» по самой банальной причине — понадобились деньги. Большие деньги. А заодно, это была действенная отработка его «системы». Ха, никакого психотронного оружия в том виде, в каком его привыкли представлять, не существует. Зато есть оружие более мощное и безотказное.

Ну, и, конечно, Ардашкину, так или иначе, надо было избавиться от генерала Чухлова, доктора Градова, бывшего следователя Ванникова... Чухлов, этот беспринципный карьерист, представлял реальную опасность. Когда-то он был серьезным специалистом в научно-техническом управлении Минобороны, единственным членом контрольной комиссии, кто понимал, что в ардашкинском НИИ занимаются чем угодно, только не разработкой психотронного оружия. И хотя заместитель академика Ардашкина Альберт Жучинский регулярно вручал Чухлову конверты с деньгами, тот держал руководство НИИ за горло. Такое не забывается. И не прощается.

Доктор Градов — это, во-первых, орудие уничтожения Чухлова, поскольку психиатр смертельно боялся разоблачения своей болезни. А, во-вторых, самого Градова тоже неплохо было бы притормозить. Стыдно признаться самому себе, но Ардашкин-Маслов испытывал нечто вроде ревности к доктору Градову, который после развала секретного НИИ Минобороны сумел самостоятельно создать столь доходный бизнес, как Центр психической реабилитации. Да еще воспользовался связями, приобретенными в ардашкинском институте.

А вот с устранением Ванникова произошло что-то, не поддающееся объяснению. Ведь убить бывшего следователя должен был Игорь Готовцев, а замечательный оперативник Максим Бурцев — препроводить главного спонсора партии «Сила Руси» в тюрьму. Задача хоть и не полностью, но выполнена, Черных и его команда довольны. Готовцев, правда, не сел в тюрьму, но почему-то отказался от дальнейшего финансирования «Силы Руси». Для заказчика — вполне достаточно.

Однако недоволен сам Анатолий Семенович. Почему вмешался невесть откуда взявшийся печник, который удушил Ванникова угарным газом? А дотошный опер Максим Бурцев сумел докопаться до истины...

Значит, он, положивший столько лет на создание своего невидимого оружия, вовсе не всемогущ? Что ж, по этому поводу бывший академик Ардашкин, а ныне — пенсионер Маслов, не очень-то и переживал. Легко сказать — всемогущ! А что ты будешь делать со своим всемогущем, любезный смертный?

«Корректировщик» — под таким псевдонимом он проходил когда-то по документам и донесениям Конторы. И что же? Вышло так, что лишь для этой роли и годился Анатолий Семенович по завершении своих многолетних трудов. Разве об этом мечтал Ардашкин, когда впервые понял, что событиями и людьми можно управлять, в прямом смысле слова, мановением руки — переставив предмет на столе, спливав куст или совершая другие столь же незаметные пустячки?..

Впервые он всерьез задумался над этим в конце 70-х, когда в журнале «Наука и жизнь» прочитал статью о средневековом докторе Парацельсе, сумевшем «увидеть» множество незримых нитей между человеком и окружающим миром. По утверждению автора статьи, мы опутаны некими таинственными, но постоянными взаимосвязями, вполне реальными, или, как было принято говорить, материальными, поддающимися математической индексации. Расшифровав

эти взаимосвязи, человек получит власть над событиями, а, стало быть, над людьми.

Начало поиску этих взаимосвязей, или констант, положил еще средневековый врач Парацельс, но, увы, завистники убили его кирпичом. Однако мир-то с тех пор не изменился...

После выхода той статьи возникла целая научно-партийная полемика по поводу недопустимости мистики в любых ее проявлениях при анализе материальных процессов. Молодого автора, по слухам, подвергли различным репрессиям: понижение по службе, лишение перспектив на получение жилья и так далее.

Ардашкин разыскал автора статьи, это был молодой врач. Академику удалось быстро войти к нему в доверие, поскольку затравленный властями исследователь был рад любой поддержке, а тем более — со стороны такого светила, как Ардашкин. И Анатолию Семеновичу уже не составляло труда завладеть идеями последователя Парацельса, а затем выстроить на их базе свои собственные научные теории...

Для масштабных исследований по намеченной программе требовался мощный научный коллектив, имеющий государственное финансирование. Тогда у Ардашкина и возникла идея насчет института, разрабатывающего психотронное оружие. Семь лет ученые института опытным путем определяли константы, то есть некие постоянные линии, связующие конкретного человека с окружающим миром. Но и этих лет не хватило. Был определен лишь принцип действия системы. А окончательные работы академик завершил лишь совсем недавно...

Конечно, он не был всемогущ. Анатолий Семенович, или, как его называли теперь, Юрий Георгиевич, мог действовать только через людей, которые когда-то служили у него в институте. Или хоть раз побывали в клубе «Монреаль», которым Ардашкин владел через подставное лицо — толстяка Егоршина — с начала 1991 года.

В разное время здесь недурно отдыхали Игорь Готовцев, доктор Градов, супруги Хрипуновы, генерал Чухлов, Олефиренко-Бургас, профессор Дуров... А также анестезиолог Гринева со своим покровителем из Минздрава.

Знаменитому нейрохирургу Дурову выпала честь быть первым в ряду длинного перечня людей, чью судьбу «скорректировал» академик Ардашкин. Убирать Ивана Ивановича, старинного друга Ваню, было, конечно, немного жаль. Может, он уже давно забыл их давнишний

разговор, когда Ардашкин под влиянием минуты изложил Дурову свои грандиозные идеи, звал его к себе в НИИ заместителем? Оба тогда в изрядном подпитии были... Но Ардашкин прекрасно отдавал себе отчет в том, что возненавидел Дурова вовсе не за то, что тот отказался от предложенного поста. И даже не за то, что Иван Иванович назвал затею академика не чем иным, как сатанизмом. Неприязнь появилась значительно раньше, когда Ардашкин понял, что его друг был полностью прав, отговаривая Анатолия Семеновича жениться на Верочке. А больше всего нам свойственно ненавидеть людей, чьими правильными советами мы пренебрегаем... И Ваня Дуров отошел в мир иной, убитый руками своей сотрудницы.

В клубе «Монреаль» была установлена специальная аппаратура, которая обошлась Ардашкину-Маслову в хорошую копеечку. До сих пор не расплатился... Гм, смешно получается, его открытие работает само на себя, чтобы хоть как-то окупить затраты на внедрение! Аппаратура считывала максимум данных о посетителях клуба «Монреаль». При необходимости эти данные вводились в специальную компьютерную программу, ставилась задача. И тут-то срабатывало творение Ардашкина: программа выстраивала четкую линию поведения тех людей, на которых в электронном архиве имелся достаточный набор личностных «постоянных».

Спустя довольно короткое время на мониторе возникало нечто вроде мозаики с одним недостающим звеном. Его конфигурация расшифровывалась, и программа выдавала неожиданное, но четкое предписание, как действовать для достижения поставленной цели.

Убивать Елену Хрипунову у академика Ардашкина, конечно, не было никаких причин — просто эта красотка послужила связующим звеном между Градовым и Чухловым. На ее месте могла оказаться любая другая женщина, но ревнивый по природе Хрипунов был соседом и приятелем Градова, которому по сценарию предстояло ликвидировать генерала. Остальное — дело техники, причем, в самом обычном смысле слова.

Разумеется, сам Марат Петрович никогда не пошел бы на убийство, его хватало разве что на скандал с пощечиной. И за него дело сделал Градов, одержимый очередным приступом жажды смерти.

Когда академик Ардашкин, прослушав телефонный разговор между антикваром Безлепкиным и Олефиренко-Бургасом, узнал о готовя-

щемся покушении на подполковника Бурцева, он счел нужным вмешаться. С выгодой для себя, разумеется. Деньгами, полученными от Безлепкина, Бургас выплатил остатки рулеточного долга клубу «Монреаль». Но для устранения хитрого опера время еще не настало. Компьютерная программа выдала исчерпывающую картину предстоящего покушения, и Ардашкину-Маслову было несложно подготовить смертельную ловушку для Бургаса.

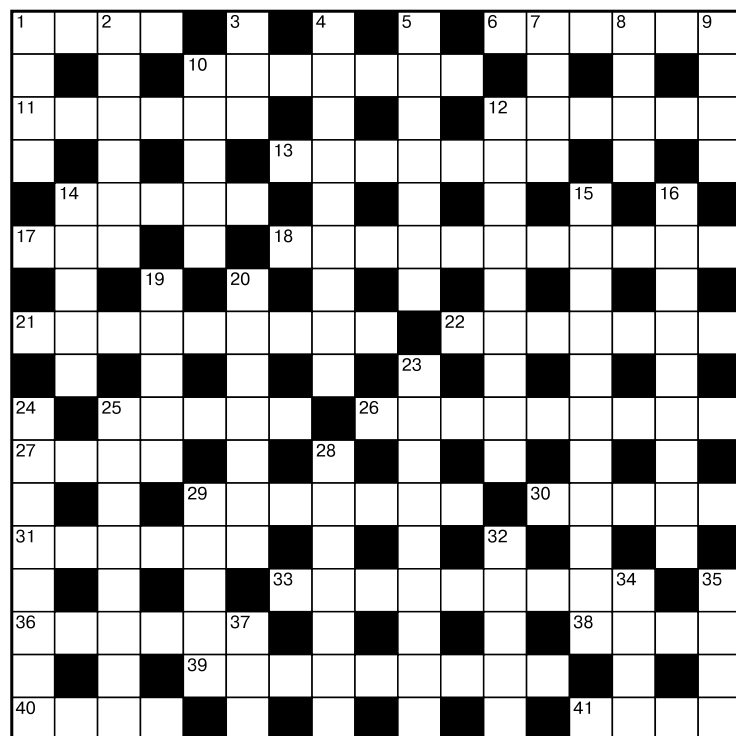
Кстати, неплохо бы как-нибудь устроить, чтобы клуб «Монреаль» посетил этот оперативник, подполковник Бурцев. Он продемонстрировал незаурядную остроту мышления. И может здорово пригодиться, если удастся взять его личность под контроль. Ведь список людей, которые должны в ускоренном темпе покинуть сей мир, растет день ото дня. Память подбрасывает все новые фамилии — его бывший заместитель по секретному НИИ Минобороны Жучинский, институтский завхоз Ходжанян, бывший секретарь горкома, а ныне — преуспевающий банкир Биланов...

Совсем недавно в роковом списке академика появилась и фамилия бессменного распорядителя клуба «Монреаль» Егоршина: парень слишком много узнал за годы своей работы в качестве подставного владельца заведения.

И еще одна фамилия смутно беспокоила академика. Это фамилия врача, который в конце семидесятых подал Ардашкину идею «корректировки». Доктор Груздин. Да-да, он хорошо помнит — Сергей Сергеевич Груздин. Представляет ли он сейчас угрозу? Похоже, нет, а там — как знать... Мрачный, почти спившийся философ теперь работает судмедэкспертом и добросовестно фиксирует последствия гениальных ходов академика Ардашкина.

Как говорится, каждому — свое... ▢

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Дон, но не сеньор. **6.** Хоккейное пенальти. **10.** «Русский человек на голодный ... думать не может, а на сытый — не хочет». **11.** Кто баржи за собой таскал? **12.** «Маугли американского образца». **13.** «Звёздный секьюрити» для Уитни Хьюстон. **14.** Детская новелла «...краснокожих» американца О. Генри. **17.** Уголовный прихватизатор. **18.** Композитор, чья музыка пригодилась для «размышлений» Штирлица. **21.** «Вода с прыщиками» в переводе с детского. **22.** Кто открыл цезий и рубидий?

25. «Царская ...» состоит из двух кислот. **26.** Созвездие, которое не включили в число знаков Зодиака, хотя оно к ним относится. **27.** Армен Джигарханян в фильме «Ревизор». **29.** «От сессии до сессии». **30.** Что испанцы пьют: утром — для настроения, в обед — для аппетита, вечером — для снятия усталости, а на ночь — для приятных снов? **31.** Какая река в Тирасполе протекает? **33.** Кустарник, чей сок разбавляют спиртом для борьбы с сердечными недугами. **36.** Какой зверь у китайцев стал символом коварства и иг-

ривости? **38.** Какой валюте поставлен памятник во Франкфурте-на-Майне? **39.** Каким грандиозным сооружением московское Останкино обязано Николаю Никитину? **40.** Легендарный снеговик, чей скальп вроде как хранят в одном из монастырей Непала. **41.** Какое животное стало символом американских демократов?

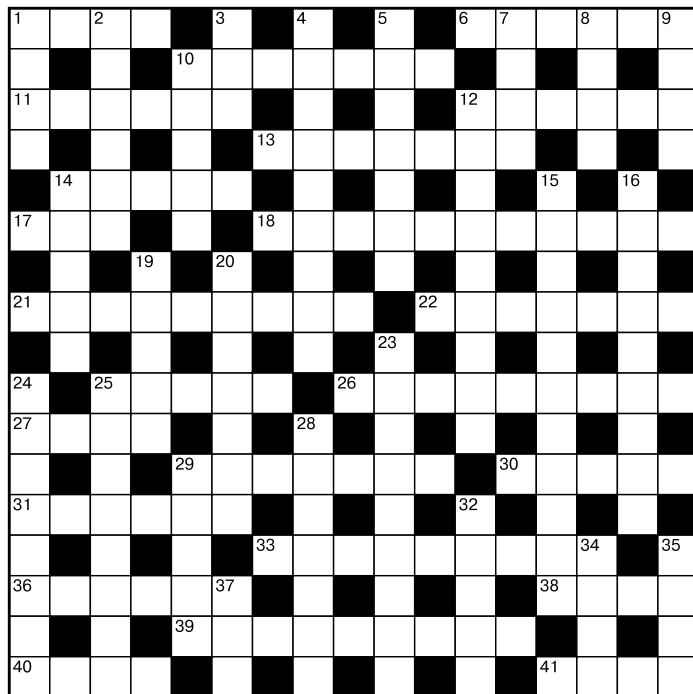
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Настоящий Клондайк», а не курица. **2.** «Бегунок» на дисплее. **3.** «Кавалергарда, ... недолог, и потому так сладок он». **4.** Каждая из трёх птиц с герба Курска. **5.** Мясное кушанье из кинокомедии «Здравствуйте, я ваша тетья!» **7.** Именно солнечный ... свёл в могилу русского писателя Андрея Белого. **8.** Что стало фетишем Диониса в Древней Греции? **9.** «Когда солнце заходит, ... умирает». **10.** Талалова мука. **12.** Способ, каким голевский Пацюк отправлял себе в рот галушки, с научной точки зрения. **14.** Консерваторский «курс пе-

ния». **15.** Что даровал источник Гиппокрена, разбуженный ударом копыта крылатого Пегаса? **16.** «Точка, точка, запятая — вышла рожница смешная. Ручки, ножки, огуречик». Кто получился? **19.** Инжирный ... помогает не только при мышечном ревматизме, но и камнях в почках. **20.** «Это свободная страна. Люди имеют право писать мне письма, а я имею право не отвечать на них» (американский классик). **23.** Какая из европейских столиц слышит «городом тюльпанов и ветряных мельниц»? **24.** Бокс без правил. **25.** Какое блюдо во Франции называют «русским салатом»? **28.** Явление «на грани фантастики». **29.** Кто придумал сыщика Ниро Вульфа? **32.** Какая крупа полезна при ожирении? **34.** Какой «русский компонент» в английских кулинарных книгах с экзотическими рецептами, если его не смогли достать, предложено заменить на йогурт, разведённый содовой? **35.** «Прогулочный зал» в театре. **37.** Лучший друг куклы Барби.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Удача. **9.** Базаров. **10.** Метан. **11.** Анфас. **12.** Бинокль. **13.** Волга. **14.** Игроман. **16.** «Боржоми». **19.** Елей. **21.** Виардо. **23.** Бруно. **24.** Опекун. **25.** Бархат. **26.** Успех. **27.** Гений. **29.** Опал. **31.** Миллион. **33.** Рантье. **34.** Ганди. **35.** Книга. **37.** Суслик. **39.** Сканер. **40.** Корзина. **41.** Альф. **42.** Измена.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Залив. **2.** Лановой. **3.** Поклажа. **5.** Деньги. **6.** Чкалов. **7.** Делон. **8.** Манго. **13.** Ватикан. **14.** Импрессионизм. **15.** Чехов. **16.** Беременность. **17.** Грехопадение. **18.** Тортила. **20.** Интеллигент. **22.** Будильник. **28.** Бог. **30.** Треска. **32.** Наркоз. **36.** Арфа. **38.** Код.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Человеческий орган, где за секунду происходит около 100 000 химических реакций. 6. «Сама скромность» среди шести добродетелей буддизма. 10. Кто способен «оседлать тигра, спасаясь от мыши»? 11. Немец, основавший первый в мире журнал по нейрохирургии. 12. Кто, насосавшись крови курильщика, отпадает за мертво? 13. «Императорский недуг», мучивший и Иосифа Сталина, и Джона Рокфеллера. 14. Древнейшая часть Талмуда. 17. Ямка, куда прежде на Руси загоняли шар клюшками, играя в «мазлы». 18. Пер-

вый директор Царскосельского лицея. 21. Стихарец на архиерея при совершении литургии, перетянутый лентами, что символизируют потоки крови из рук Иисуса Христа. 22. Жаворонок из романа «Отверженные» Виктора Гюго. 25. Какое растение идёт не только на мочалки, но и на лучшее мыло ручной работы? 26. «Звериная магия» у австралийских аборигенов. 27. На каком судне совершили первое кругосветное путешествие в СССР? 29. Комариный корм для аквариумных рыбок. 30. Нестор из песни «Стоп машина» Бориса Гребенщикова.

ва. 31. «Стервятник космоногий, готовый взвиться каждый миг» в стихотворении Ивана Бунина. 33. Живописная перспектива, впервые описанная Леонардо да Винчи. 36. Автомобильный кузов «с откидывающейся крышей». 38. Какая часть жены Вильгельма Рентгена стала первым в мире рентгеновским снимком? 39. Сельская кадрили из оперы «Евгений Онегин» Петра Чайковского. 40. Цифра, похожая на букву. 41. Какая Лиза стала героиней картины «Диана-охотница» француза Огюста Ренуара?

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Самый витаминный чай. 2. Что постоянно носит с собой злодейский Пингвин из фильма «Бэтмен возвращается»? 3. «Радостен ..., что отпущен инок в лес». 4. Пьер Буаст полагал, что «мудрость желает одобрения». А что «требует похвал»? 5. Бишоп из голливудского блокбастера «Чужой». 7. Туника на прекрасных дамах «викторианской эпохи». 8. В какую реку якобы нырнул Андрей Миронов в кинокомедии

«Невероятные приключения итальянцев в России», хотя данную сцену снимали в Неаполе? 9. «Двигатель арбы». 10. Единственная школа, спешить с окончанием которой не стоит. 12. Боязнь заболеть. 14. Некая немецкая туристическая фирма, отправляя своих клиентов в тропики, вручает им 30-литровый полиэтиленовый пакет, который они обязаны привезти обратно. Что они туда складывают? 15. При какой профессии лучше не «уходить с головой в работу»? 16. Священный камень Шамбалы. 19. Первый «светский» роман француза Эжена Сю. 20. Шведский актёр и писатель, снявшийся у Андрея Тарковского в фильме «Жертвоприношение». 23. Пассия Персея. 24. Европейская столица с проспектом Украины. 25. Первенец Сократа. 28. Именно то, чего больше всего на свете боялся создатель электрической лампочки — Томас Эдисон. 29. «С пьяным попом и церковью — ...». 32. «Дыхание жизни» у йогов. 34. Бык на эмблеме МАЗа. 35. «Цена жизни» пчелы. 37. Семейный герб у японцев.

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Устав. 9. Казарма. 10. Заумь. 11. Орден. 12. Невеста. 13. Радио. 14. «Вальтер». 16. Бейсбол. 19. Неон. 21. Гернси. 23. Ангел. 24. Звонок. 25. Кинжал. 26. Гоген. 27. Элиот. 29. Опыт. 31. Альтинг. 33. Кувшин. 34. Гетры. 35. «Антей». 37. Никсон. 39. Солдат. 40. Волынка. 41. Тайи. 42. Индеец.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Галей. 2. Манекен. 3. Аметист. 5. Сервал. 6. Ателье. 7. Базар. 8. Амфир. 13. Решение. 14. Военнопленный. 15. Князь. 16. Богословский. 17. Анджапаридзе. 18. Кислота. 20. Перестрелка. 22. Ворошилов. 28. Юнг. 30. Аконит. 32. Героин. 36. Отец. 38. Нос.

Уважаемые читатели!

Подписаться на журнал «Смена» также можно через редакцию.

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте.

Заполните купон и оплатите квитанцию в любом отделении Сбербанка, вышлите копию купона и оплаченной квитанции по адресу:

127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14 стр. 1,

или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка с учетом доставки на 1 месяц стоит 66 руб., на 3 месяца — 198 руб., на 6 месяцев — 396 руб.

КУПОН

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет 30101810600000000119							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044583119 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)							
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Смена»</td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет 30101810600000000119							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044583119 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)							
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"> <thead> <tr> <th>Вид платежа</th> <th>Дата</th> <th>Сумма</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Подписка на журнал «Смена»</td> <td></td> <td></td> </tr> </tbody> </table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Кассир	Подпись плательщика							

Вы можете подписаться на журнал «Смена» со второго полугодия 2011 года в любом отделении почтовой связи по следующим каталогам:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков